2500 автобусов в год!

Голицынский автобусный завод: история и день сегодняшний

Автобус «Россиянин» Голицынского завода.

Открытое акционерное общество «Голицынский автобусный завод» создано в рамках первого российско-германского проекта «Голицыно — Мерседес-Бенц АГ» при финансовом участии РАО ГАЗПРОМ и использовании валютного кредита консорциума немецких банков.

Соглашение о создании в Голицыно завода было подписано 15 ноября 1990 г. С апреля 1993 г. завод в сотрудничестве с фирмой «Мерседес-Бенц АГ» приступил к реализации проекта, созданию производственно-технологической инфраструктуры. В рамках контрактов по закупке лицензии на производство автобусов было осуществлено обучение кадров, технологическое проектирование, поставка оборудования, освоение «ноу-хау».

С начала реализации проекта освоено производство лицензионных междугородных туристических автобусов модели О-303, а также городских автобусов особо большой вместимости и одиночных. Особенность последних — конструкция кузова собственной разработки ГолАЗа.

Освоение лицензионной технологии идет параллельно с освоением отечественных аналогов комплектующих и деталей. Используя российские материалы, завод снижает себестоимость своей продукции, уровень которой в настоящее время значительно ниже, чем по аналогу, выпускаемому непосредственно фирмой «Мерседес-Бенц АГ» (О-405). Завод имеет целевую программу по освоению отечественных материалов и комплектующих. В рамках указанной программы завод сотрудничает более чем со 140 отечественными предприятиями.

С июля 1994 г., когда были запущены основные мощности, изготовлено и продано более 100 различных моделей автобусов. С завершением монтажа окрасочного комплекса в 1997 г. завод выйдет на полную мощность: 2500 автобусов и 2000 самоходных шасси в год.

При учете острой потребности в городском транспорте основным направлением работы завода является поставка автобусов особо большой вместимости: до 220 человек. Основная особенность этих автобусов — их высокая надежность и долговечность узлов и агрегатов. Ресурс двигателя до капремонта составляет не менее 1 млн. км, срок службы кузова — не менее 12 лет, расход топлива в городском режиме — около 30 л на 100 км. Эти показатели определяют низкие эксплуатационные затраты на содержание автобусов в транспортных предприятиях по сравнению с эксплуатирующимися в настоящее время в наших городах.

В текущем году завод начал поставки городских автобусов в Омск, Самару и Череповец. Они осуществляются в рамках тендера, проведенного Международным банком реконструкции и развития, который был выигран Голицынским автобусным заводом в соперничестве с 25 автобусостроительными фирмами с мировым именем!

РОДИНА
1996.10 Осень

РОДИНА

1996.10 **Российский исторический журнал**

Наш маленький Париж

В России есть свой Париж. Находится он на Урале — в Нагайбахском районе Челябинской области. Ближайший город Магнитогорск расположен в 90 километрах. Со всех сторон наш Париж окружен березовыми рощами. Зато «Булонский лес», так сказать, под рукой. Париж, конечно же, не столица, но крепкий поселок в 840 дворов и восемь улиц. Постройки на них одноэтажные — деревянные, кирпичные, глинобитные. Двухэтажных всего шесть. Но имеется своя «Эйфелева башня» — водонапорная. Основано село в середине прошлого века казаками, принимавшими участие в войне с Наполеоном и 30 марта 1814 года бравшими в числе других Париж. Три года назад некоторые из парижан надели казачью форму, стали заводить коней, учиться джигитовке. Так понемногу возрождаются дедовские обычаи.

Фотографии Игоря Лагунова.

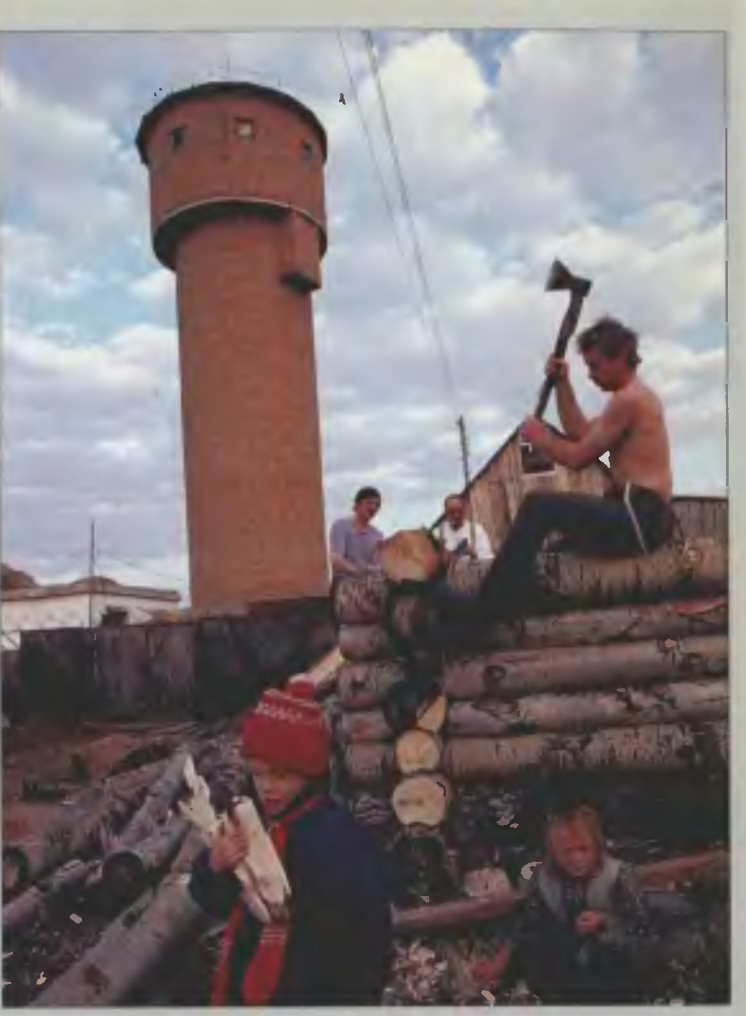

ПАРИЖ

Учредители:
Правительство Российской Федерации,
Администрация Президента Российской Федерации

РОДИНА

HISTORIA EST MAGISTRA VITAE
История – учительница жизни (лат.)

Выходит с января 1989 г.

Российский исторический иллюстрированный журнал
1996. 10

Читайте в следующем номере:
Величие и трагедия белого флота
Уживались ли восточные славяне со степными кочевниками
Придворные шуты при петербургском дворе
Как советские люди предавались пьянству в 20-е годы

На обложке:
М. А. Федоров. Продавец самоваров и крестьянка Тульской губернии. Конец XIX века. Из серии «Русский народный костюм».

Дизайн-макет и оформление
В. И. Кучмина
Компьютерная верстка
Г. В. Косаревой

Редакция
И. Е. Мазилкина, *редактор отдела истории культуры;*
Т. О. Максимова, *редактор отдела повседневной истории;*
Д. И. Олейников, *редактор отдела военной истории;*
Т. А. Филиппова, *редактор отдела проблемной истории;*
С. А. Экштут, *редактор отдела исторической иллюстрации;*
А. В. Поликарпов, *редактор отдела криминальной истории;*
М. Ю. Конягин, *ст. литсотрудник;*
В. С. Бондарев,
П. И. Спивак — *обозреватели;*
Т. И. Питерская, *соб. корреспондент по С.-Петербургу и Северо-Западу России;*
Л. М. Ермакова, *соб. корреспондент по Уралу и Сибири.*
Тел.: 202 74 45; 202 61 28; 202 24 36.

Ведущие рубрик
«Ракурс» — В. А. Никитин, *зав. кафедрой СПб.ГУ;* «Иконописная мастерская» — В. Горшкова, *ст. научный сотрудник Ярославского художественного музея;* «Русское зарубежье» — П. Г. Паламарчук, *писатель;* «Русь христианская — Русь языческая», «Семиотика жилища» — А. Л. Топорков, *ст. научный сотрудник ИМЛИ;* «Российская повседневность» — Н. Б. Лебина, *профессор СПб. университета экономики и финансов;* редактор и оформитель карт — Д. Г. Фаттахова.

Фотоагентство
Л. С. Ковалев, *редактор отдела;*
В. П. Грицюк, А. А. Багаутдинов — *фотокорреспонденты.*
Тел.: 202 01 25.

Производство
В. А. Панков, *директор производственно-издательского центра;*
В. И. Кучмин, *худ. руководитель;*
Н. А. Типикина, *зав. производственным сектором;*
Г. В. Косарева, *технический редактор;*
Л. И. Потравко и И. В. Топоровская — *корректоры.*
Тел.: 202 07 90

Индекс издания 73325
Зарегистрировано Министерством печати и информации Российской Федерации.
Свидетельство № 291 от 24 августа 1994 г.
ISSN 0235-7089.
Цена по подписке — 9 000 рублей.

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Воздвиженка, д. 4/7
тел.: **202–17–45**

«Источник»
(приложение к журналу «Родина»)
В. Н. Денисов, *ответственный редактор;*
Т. П. Лещинская, *ответственный секретарь*
Тел.: 202 49 74

Распространение
М. В. Авдевич, *руководитель службы маркетинга и распространения;*
Ю. С. Ломовских, *зам. руководителя*
М. Г. Рубина, *зав. международным сектором.*
Тел.: 202 62 65.

Административно-хозяйственная служба
С. А. Шелемина, *гл. бухгалтер,*
Н. Г. Галкина, *экономист,*
Л. И. Ломтева, *зав. приемной.*
Тел.: 202 17 45.

Представительство журнала «Родина» в Скандинавии
1040, Хельсинки, Аннанкату 31—33С
тел./факс 685-68-13 (655-68-13)
В. А. ГРИГОРЬЕВ

Изготовление диапозитивов — «Kiviranta OY»
Отпечатано типографией
WSOY, Porvoo, Finland

«Былое»
(приложение к журналу «Родина»)
С. С. Хижняков, *редактор;*
Тел.: 202 21 09.

НАСУЩНОЕ

МИНУВШЕЕ

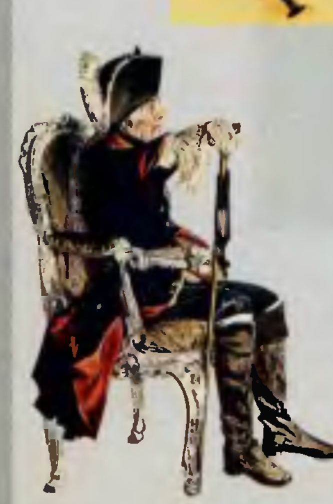

ВЕЧНОЕ

Похоже, на нас ураганом налетела очередная кампания — «ренессанс». В Петербурге возрождается все мыслимое и немыслимое. Царская символика и атрибутика. Лицеи, гимназии, колледжи, на очереди — Пажеский корпус. Заседает, как бывало, дворянское собрание. Благоговение «бывших» перед своими «корнями» привело к появлению новых графов, князей, баронов. По Дворцовой набережной между «Фордами» и «Тойотами» искусно лавируют русские тройки..

Может, это и есть возрождение нашей духовности, о чем так пекутся «кампанейщики»? Даже фонды специальные создали, чтобы «одухотворить» наконец-то петербуржцев... А они — ни в какую, как жили каждый по своему разумению, так и живут: маэстро Валерий Гергиев с оркестром Мариинского театра покоряет музыкальный Олимп, а другие «симфонисты» сшибают «сотенки» у Гостиного двора. Оно и ясно: испокон веку высокой духовностью наделялись весьма немногие, к тому же это понятие — категория во многом личностная.

Фонтанка. Измайловский мост. В этом районе, где самым чудесным образом переплелись нити российской истории, живет наша семья. Юсуповский сад, Крюков канал, Никольский собор... Квартиры Державина, Лермонтова, Глинки, Анны Павловой, Чигорина, Прокофьева... Кажется, старинные дома излучают энергию, впитавшую драмы, фарсы, трагедии их обитателей. Но в череде буден город,

Взнесенный словом над Невой,
Где небосвод давно распорот
Адмиралтейскою иглой,

не всегда воспринимается поэтически.

В двух шагах от шедевра архитектуры в стиле ампир — Троицкого собора — недавно открылась барахолка, и... померкли перед варварским вторжением в их красоту восхитительные белые ночи...

Наш Измайловский проспект перетекает в Вознесенский. Постоим у дома № 17. Здесь Натали Гончарова и Александр Пушкин сняли свою первую семейную квартиру. Отсюда Поэт начал плести лирический венок о величии города — «Петра творенье». Но об этой примечательной, хотя и короткой странице его биографии, кроме специалистов, никто не знает: нет на доме мемориальной доски, не упоминается исторический факт в справочниках.

Сенсационный успех художественной выставки «Душа Северной Пальмиры» (дворец Белосельских-Белозерских, Невский, 41) удивил искусствоведов: «громких» имен нет, на КОГО идут зрители? А шли они не на имя — чтобы дополнить свое представление о душе Петербурга. Оказалась она контрастно разноликой. Город поэтический и прозаический.. Божественно чистый и обшарпанный... Дождливо серый и просветленный...

Мне кажется, сегодня надо говорить не столько о возрождении, сколько о СОХРАНЕНИИ нашего духовного прошлого, так как именно это «воссоздает связь эпох, представляет историю как процесс, единый во времени», — напоминает нам патриарх петербургской культуры Дмитрий Лихачев.

Завихренный революцией Питер вынес за свои пределы с волнами эмиграции немало талантливых личностей — теперь собираем потихоньку «осколки». Духовное завещание и черновые рукописи Андрея Белого, доселе неизвестные и литературоведам, привезла из Швейцарии в дар Пушкинскому дому Валентина Рылова — приятельница жены Белого Аси Тургеневой... Неповторимые скульптурные композиции дарит городу Михаил Шемякин, а другой Михаил — Барышников для своей alma mater — Академии русского балета — фолианты из нью-йоркской коллекции... Уникальные фотографии, документы из парижского архива Матильды Кшесинской получил музей истории России от родственника балерины Константина Севенарда...

Наверное, в такой вот «живой» преемственности нравственных ценностей и заключается наш духовный капитал.

Тамара Питерская,
собственный корреспондент «Родины»
по Санкт-Петербургу и Северо-Западу России

CONTENTS

Номер набран и сверстан в компьютерном центре журнала «Родина».

Н А С У Щ Н О Е

К. Е. Маковский
Иллюминация Москвы. 1883 г. Фрагмент.

Кстати, сложность восстановления монархии у нас теперешних состоит еще и в том, что монархия, формируемая заново, плохо совмещается с национальной идеей, на которой — если иметь в виду идеи — в значительной степени возводится здание новой российской государственности. Дело в том, что монархические династии в истории имели, как правило, иноземное происхождение. Это всегда, так сказать, «варяги». Нужно ли упоминать, что в нынешних условиях это принципиально непредставимо.

Впрочем, в случае с Наполеоном история преподала несколько важных уроков. Ведь у него-то в итоге так и не получилось создать свою династию. Стать во главе нации — да, обеспечить (в теории) себе преемника — да, но создать и упрочить традицию — нет, этого не вышло. Не вышло, несмотря на то, что бонапартизм имел сильнейшую опору во французском крестьянстве. В итоге получилась монархия (и династия), так сказать, *одноразового действия*.

Это лишний раз свидетельствует о том, что создавать династию вообще очень трудное занятие. Цепочка авторитарных правителей — это еще не династия. Да и наличие харизматического лидера — недостаточное условие для воплощения монархической идеи еще и потому, что, как хорошо известно, «короля играет окружение». Образ государя непредставим без круга придворных — аристократической наследственной элиты. Ни президентский совет, ни «товарищи по Политбюро» не могут, а главное — не хотят справляться с этой задачей. Наполеоновские маршалы еще худо-бедно годились на роль свиты. Стать наследственной, кастовой элитой окружению нынешнего первого лица государства вряд ли возможно.

К тому же не будем забывать, что традиционная монархия предполагает не только привилегированную касту, но и касту «неприкасаемых», тех, на кого направляются или могут быть направлены репрессии по любому — национальному, конфессиональному или социальному — признаку. Дабы государь мог быть не только «милостив», но и «грозен», причем вполне открыто, без всякого идеологического флера. Если это, конечно, монархия всерьез, а не республика с монархическим декором типа Англии или скандинавских стран.

В условиях нынешней России подобный «последовательно-монархический» курс означал бы не одну, условно говоря, «чечню», а двадцать. Никакой харизмы такой режим, конечно, не имел бы. И цивилизованному авторитаризму, выступающему под лозунгом общероссийского единства, подобные монархические «особенности» оказались бы более чем вредны.

Королева Великобритании и Северной Ирландии Елизавета II сходит с яхты «Британия». Октябрь 1994 г.

Король Испании Хуан Карлос I и королева София. Мадрид. Дворец Прадо. Октябрь 1990 г.

Впрочем, если мне и кажется представимой с политической точки зрения какая-то форма монархической власти в современной России, то это *монархия с незанятым престолом*. Более того, думается, что уже можно обнаружить и тенденцию, ведущую к этому. Обратим внимание хотя бы на то, в скольких странах бывшего Союза прошли референдумы, по результатам которых местные президенты продлили свои полномочия до 2000 года. Что это, как не трансформация президента в регента? Что позволяет правителю так прочно обосноваться на своем месте? Наличие Режима, нужда в котором имеется, Режима, не только отвечающего определенной государственной потребности, но и прочно «поселившегося» в головах, управляемых с его помощью.

Задумаемся, почему с такого рода идеями не мог выступить Горбачев? Почему он все время беспокоился о легитимности своего положения, придумывал всяческие политические ходы бутафорского характера, оказавшиеся в итоге бесполезными? Да потому, что тогда шел объективный процесс разрушения старой государственности, старой союзной структуры, а также процесс размежевания прежней элиты.

Сейчас, при Ельцине, этот процесс уже завершен. Слой новой элиты сформирован, и его можно изучать даже социологически, на уровне личных судеб. Весь прошлый год шло выявление и определение реального лидера этой элиты. И среди таких сильных фигур, как, скажем, Лужков и Черномырдин, все же наиболее убедительным оказался Ельцин. И не только по причине того преимущества, которое дает президентский пост, но и потому, что все-таки он, похоже, лучше других представляет себе реальный расклад сил в стране. По антуражу и ритуалу, выполняемому вокруг него, он все более напоминает правителя традиционного типа.

Однако логическое продолжение

Официальная церемония встречи Б. Ельцина и Н. Ельциной с императором и императрицей Японии. Октябрь 1993 г. Токио. Дворец Акасака.

Король Норвегии Харальд и королева Соня. Норвегия. Осло. Март 1996 г.

процесса «монархизации» власти (буде таковое случится) предполагает серьезные изменения в самой структуре власти и управления. Не будем забывать, что регент при незанятом престоле всегда прекрасно понимает, кто ему нужен: а нужен ему не премьер-министр, а советник. Правитель — даже при регентстве — должен быть один.

Следует учитывать и еще один важный, чисто российский политико-культурный аспект. Отношениям между властью и народом во всех странах и обществах свойствен определенный эротизм. В России он к тому же традиционно обретал болезненные, драматические формы. Любовь народа к своей власти (и наоборот) всегда была трагична. Опыт показывает, что трансформация вождизма в монархию означала переход от харизматического к традиционному типу государства, иначе говоря — от романа к брачным отношениям. Вслушайтесь в то, что сказал Бонапарт: «Мы довели до конца роман революции. Теперь остается выяснить, что в ней было реального». И создал свой Кодекс, в котором, кстати, среди прочего, определил правовую сторону супружеских отношений.

Новейшая история нашего «ближнего зарубежья» ярко показала, что власть и влиятельность популистских лидеров — Гамсахурдии, Эльчибея, Ландсбергиса — была своего рода «первой любовью» их народов. Но что же дальше? Массовая любовь к таким фигурам — явление болезненное, оно поражает центральную нервную систему, как, впрочем, и настоящая любовь. Ее тоже никогда ни с чем не спутаешь.

Любовь к лидеру заканчивается, как и всякая любовь в жизни человека. И разочарование наступает не от невыполненных обещаний или политических просчетов, а от природы самой любви, вернее — механизма «выздоровления» от нее. Словом, все как в жизни.

Ситуация у нас осложняется еще и тем, что в России возможны только «браки по любви» с властью. Что, конечно же, чревато будущими конфликтами, но эта наша особенность находит себе опору в самом надежн.. месте — в сердцах людей. Нынешн.. власть, собственно и ставшая властью на волне массовой любви начала 90-х к своему лидеру, стремится все прочнее «оформить свои отношения» с народом. Поэтому какие-то элементы монархической идеи, очевидно, интуитивно опробуются как часть «брачного декора» — семейно-державного государственного строительства с сильной опорой на традицию.

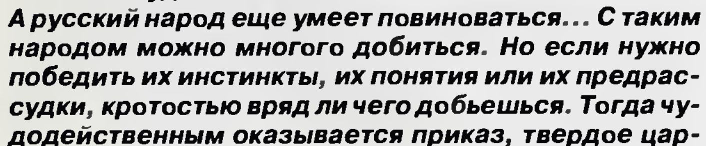
Думаю, однако, что «красивой свадьбы» в этом понимании не будет. Монархическое движение — по сути своих претензий к власти — представляет собой вечную оппозицию. В этой среде режиму не найти себе надежной опоры. Монархические притязания (со стороны тех, кто серьезно, а не в декоративных или конъюнктурных целях их выдвигает) являют собой объяснимую, но наивную попытку определить наши собственные историко-культурные очертания. С позиций современной политической культуры это продукт «юношеского», романтического сознания, характерного для эпохи выхода из советской реальности в просто реальность.

Сам же выход, на мой взгляд, состоит в умении вовремя повзрослеть, развив здоровую национальную идею. Национальное самосознание, свободное как от имперского, так и от националистического эгоизма, от расистского противопоставления «русских» — «русскоязычным», самосознание, объединяющее нацию изнутри, а не «сверху», по воле монарха или регента, — вот признаки этого будущего взросления. А что же монархия? У нее, как правило, слишком много собственных целей, задач и забот, чтобы заниматься столь сложным и хлопотным делом.

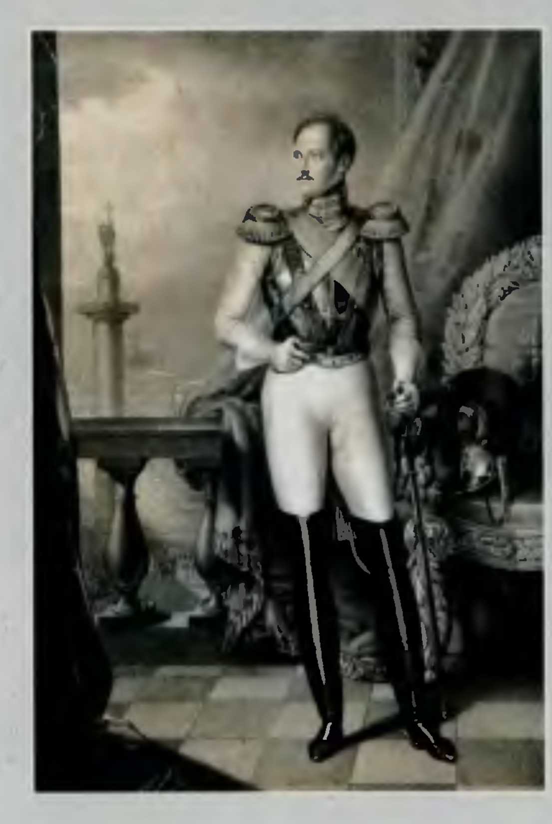
Алексей Пименов,
кандидат исторических наук

АНТИРЕСПУБЛИКА

«...Два мужика в рубахах, перехваченных сыромятными ремешками, подходят и здороваются с офицером, сняв шапки и сунув их под мышку, они кланяются и что-то говорят ему. Офицер одним словом останавливает их, но они не уходят и опять что-то говорят. Мужики двигаются за ним... Неожиданно офицер оборачивается, вытягивает вперед руку и говорит: «Стоять!» И мужики останавливаются. Однажды Николая I преследовала на улице в Санкт-Петербурге разгневанная толпа, он спокойно обернулся, вытянул руку и крикнул зычным голосом: «На колени!» И толпа опустилась на колени. Люди повинуются тому, кто умеет приказывать. Наполеону все повиновались с восторгом. В повиновении есть свое удовольствие.

А русский народ еще умеет повиноваться... С таким народом можно многого добиться. Но если нужно победить их инстинкты, их понятия или их предрассудки, кротостью вряд ли чего добьешься. Тогда чудодейственным оказывается приказ, твердое царское слово. Кнут. «Стоять!» — приказал офицер. И мужики остановились».

Николай I. Литография с оригинала А. Голике.

Этим отрывком из очерка норвежского писателя Кнута Гамсуна «В сказочном царстве», описывающего путешествие автора по России в 1899 году, журнал продолжает разговор о русской монархии. Добавим от себя, что автор допустил лишь одну неточность: император не спасался от толпы, а шагнул в нее...

Мы предложили историку Алексею Пименову поразмышлять над следующими вопросами: отличался ли чем-то российский самодержец от своих западных или восточных августейших «собратьев?» Чем была монархическая власть в сознании русского народа до и после своего падения? И почему процесс нынешних демократических преобразований сделал актуальной монархическую идею — как для ряда политиков, так и для политологов? Иначе говоря, требуется ли современной России тот, у кого достанет власти и воли, чтобы сказать: «Стоять!» — и быть услышанным?

Я бы начал с того, что традиционная власть в России была явлением особым — не совсем европейской монархией и не совсем восточной деспотией. Хотя общие черты и с той, и с другой у нее, конечно же, имелись. Природа же власти была иной, и отношения между властью и народом приобретали подчас своеобразный характер, о чем нам еще в прошлом веке поведал маркиз де Кюстин.

Вспомним момент падения российской монархии. Удивительно, как легко и почти при полном равнодушии народа и общества самодержавие перестало существовать. И еще несколько месяцев после этого эпохального события в царе никто «как бы» и не нуждался. Как вдруг образ убиенного монарха становится символом мученичества, борьбы, нравственного противостояния новой власти...

Далее происходят еще более интересные вещи. Те самые революционеры, которые пришли к власти под лозунгами разрушения прежнего режима, начинают воплощать идею жесткой централизованной власти, и не только в плане подавления всех и всяческих свобод, но и в смысле прямой диктатуры одного человека. Причем диктатуры такой, какая никогда и не снилась ни одному абсолютному монарху или восточному деспоту. И диктатура эта оказалась весьма жизнеспособной в условиях нашего отечества.

Еще занятнее монархическая «наследственность» проявляет себя в современную эпоху, когда на смену советской государственности и социалистической идеологии долженствовало прийти правовое государство и либерально-демократическое сознание. И что же выясняется? Монархическая идея продолжает свое существование, правда, в довольно странной, но вполне убедительной форме. Она — не живая (поскольку мы не имеем сколько-нибудь политически сильного и влиятельного монархического движения), но она и не мертвая, ведь сама наша нынешняя власть, да и ее оппоненты активно ищут поддержки у этой традиции. Причем — в зависимости от собственной позиции — все называют эту традицию по-разному: соборность, монархизм, державность, национальный дух... Но имеют в виду приблизительно одно и то же. Более определенно ситуацию никто не трактует — на словах. Но все (во всяком случае, большинство) понимают, что выйти из нее в условиях радикально реформируемой экономической, социальной и политической системы можно только авторитарным путем. Политическая практика послевоенной Германии и фигура Аденауэра дают в этом плане любопытный пример.

Демократические лозунги и порывы годятся для разрушения тоталитарной системы, но для построения чего бы то ни было на ее развалинах их оказывается явно недостаточно. Более того, именно российские условия последних лет обнаружили всю противоречивость и сложность демократизации как таковой.

Посудите сами: ну разве демократично было запрещать КПСС, если исходить из классической парадигмы демократии? Но, с другой стороны, в тогдашних условиях только это и было демократично! Потому что в случае с КПСС мы имели дело со словесным обманом — не с партией, а с всеохватывающей тоталитарной структурой, с которой несовместима была не только демократия, но и законность. А значит, против силы надо было действовать силой. Что уж говорить о более сложной ситуации — не разрушения, а созидания? Здесь без власти сильной и самостоятельной тем более не обойтись.

Но, с другой стороны, авторитарная власть, как и любая другая, нуждается в серьезном обосновании. Здесь-то нынешний режим неизбежно должен был столкнуться с монархической идеей как одним (но не единственным) из возможных историко-культурных и духовных обоснований. Ведь глубина, притягательная сила и детальная разработанность этой идеи несомненны. Однако на этом пути власть, я думаю, ждут большие разочарования. Европейский опыт XX века свидетельствует о том, что авторитаризм не очень-то уживается с монархической идеей. Даже более властолюбивый — тоталитарный — режим не уживается с монархией, ибо требует себе всю полноту власти безраздельно.

Следует, разумеется, вынести за скобки страны, где тоталитаризм оказался просто не в силах упразднить монархию, как это имело место в Италии, или же настолько отсталые государства, что там просто не существовало политических сил, способных вообще конкурировать с монархической властью (Болгария, Югославия).

Если же взять те «традиционалистские» авторитарные режимы, при которых все же существовала королевская власть — Испанию и Венгрию, — то следует обратить внимание: это были монархии с незанятым престолом. В этих странах не было короля, но были регенты Франко и Хорти, то есть реальные правители, которые по тем или иным причинам не могли основать свои династии. Но им очень нужна была монархия как антитеза республике. Конечно же, не монархия как таковая была их политическим идеалом. Они, кстати, и не допускали реставрации полноценной монархии с подлинным сувереном во главе ее. И если Франко добивался этого политическими методами, то Хорти вооруженным путем подавил выступление настоящих монархистов, которые по наивности долго принимали его за венгерского Монка и ждали от него проведения реставрации. Очевидно, что авторитарным лидерам тогда нужна была не монархия, а *антиреспублика.*

В нынешней же российской ситуации разговор о монархии осложняется тем, что традиция самодержавной власти была не только прервана, но и уничтожена буквально на физическом уровне. Можно сколь угодно торжественно и гостеприимно встречать в старой и новой столицах нынешних Романовых ветви Кирилловичей, но сделать одного из них полноправным, законным самодержцем всероссийским — просто невозможно, исходя из правового характера монархической власти. Это было бы насилием и над обществом, и над народом, и над памятью о самой традиции.

Однако если отвлечься от современности, то на память приходит один яркий и убедительный прецедент сознательного, волевого воплощения монархической идеи — карьера Наполеона Бонапарта. Но для того, чтобы этот вариант сработал, истории требуется сущий «пустяк» — исключительная личность.

Я глубоко убежден в том, что Борис Ельцин — неординарная фигура. К тому же укорененная в национальной традиции. Это незаурядный политический деятель, о чем свидетельствует его эволюция, уложившаяся в восемь лет. Но политика в традиционном массовом сознании — не слишком благородное занятие. Военная стезя — другое дело.

В свое время именно это обстоятельство сыграло на руку Бонапарту. Он стал тем, кто обеспечил победу Франции на фронтах. Делал он это, правда, не один, но делать это он умел, равно как и добывать себе на этой почве престиж. Правда, против него в некоторых случаях играл этнический фактор.

Король Швеции Густав VI и королева Луиза поздравляют советского академика Николая Семенова и его супругу с вручением Нобелевской премии. 1957 г.

Александра Бахтурина,
кандидат исторических наук

Бремя, а не привилегия

Современное состояние России требует не только «объединения», «возрождения» и «восстановления», но прежде всего — осознания. Осознания природы государственности, которая формируется в настоящем и которая существовала в прошлом. Необходимость верного истолкования этого понятия — требование практически любой переходной эпохи. Вглядываясь из конца века в его начало, мы обнаруживаем острую и интересную дискуссию в российском обществе о том, что представляло собой государственное устройство тогдашней России. В поисках ключа к загадке, в чем же была специфика Российской империи и русской монархии, историк и век назад, и в наши дни снова и снова приходит к понятию «с а м о д е р ж а в и е». Оно оказывается сложней, противоречивей и многоплановей, чем это кажется на первый взгляд. Особенно если смотреть на него глазами его «х р а н и т е л е й» — российских консерваторов.

П. Ф. Булацель, В. М. Пуришкевич, Г. Г. Замысловский.

В атмосфере ожидания перемен, охватившей общество в начале XX века, наиболее актуальным и животрепещущим, наряду с темой гражданских свобод, стал вопрос о природе самодержавия как основной отличительной черты государственного строя империи, о назначении и прерогативах самодержавной власти, наконец об определении самого понятия «самодержавие».

С конца XIX столетия эти поиски получили развитие в ряде работ монархически настроенных общественных деятелей. Отражением определенного этапа в осмыслении этой проблемы стало исследование понятия «самодержавие» Д. Хомяковым[1]. В своих рассуждениях он исходил из того, что «тот же или другой внешний строй государственного здания отличается один от другого не прирожденными практическими преимуществами, а лишь как симптомы того внутреннего строя, который присущ тому или другому народу»[2]. Под понятием «внутреннего строя» Хомяков подразумевал степень устремленности нации к высшим духовным ценностям. И в итоге самодержавие, по Хомякову, — не форма правления, которую отличают неограниченные права монарха, а «активное самосознание народа, концентрированное в одном лице», то есть монархе[3]. Все это позволило ему сделать окончательный вывод о том, что самодержавие есть олицетворение духовного союза между обществом и властью, в обществе, где индивид не стремится к власти и полностью передает ее монарху, так как духовный настрой общества помогает видеть в государственной власти бремя, а не привилегию. Теоретические рассуждения Хомякова были весьма показательны на фоне событий начала XX века, когда России, по замечанию А. Киреева, предстояла «эволюция от государства бюрократического к конституционному»[4].

Отношение к предстоящей эволюции не было однозначным. Далеко не всеми она воспринималась как благо и заставляла искать альтернативные пути развития. Один из возможных вариантов был сформулирован в работе А. А. Киреева «Россия в начале XX столетия», где он писал, что выход для России — в «постепенном улучшении наших порядков», которое должно «завершиться возвращением к нашему древнему строю, к сильному крепкому самодержавию земского типа»[5]. Критикуя парламентский тип правления, Киреев видел основной недостаток в «узаконенном эгоизме», «прикрывающемся абсолютным благом, выдающим себя под эгидою парламентского голосования за высшую этическую идею»[6].

Примечательно, что именно этический момент был основным аргументом сторонников неограниченной самодержавной власти. И особенно последовательной в этом плане была позиция представителей Русской Православной Церкви. Еще в конце XIX века схиархимандрит Варсонофий

Оптинский (Плиханков) отмечал, что монарх в России не есть представитель своего народа, а «представитель воли Божией»[7], а следовательно, носитель высшей Божественной правды и справедливости. В годы революции мысль о нравственном значении самодержавия была вновь сформулирована епископом Антонием Волынским (Храповицким) в слове от 20 февраля 1905 года, произнесенном в Исаакиевском соборе в Петербурге. Он сказал, что «после отмены самодержавия» Россия «перестала бы существовать как целостное государство, ибо, лишенная своей единственной нравственно-объединяющей силы, она распалась бы на множество частей»[8]. Предвидению пастыря суждено было сбыться.

Начало революционных событий заставило обратиться к проблеме государственного строя не только консервативно настроенных мыслителей, но и верхи бюрократии и самого императора. 25 мая 1905 года к Николаю II обратилась с петицией депутация собравшегося в Москве земского съезда. В ответ на это обращение император заявил: «Пусть установится, как было встарь, единение между царем и всею Русью, общение между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам»[9].

Совет киевского железнодорожного отдела «Союза русского народа».

Дальнейшее обострение общественно-политической ситуации в стране к осени 1905 года заставило по-новому взглянуть на проблемы государственности Российской империи. 17 октября был опубликован высочайший Манифест, провозгласивший «незыблемым правилом» то, что никакой закон не может восприять силу без одобрения Государственной думы. Соответствующая статья учреждения Государственной думы была спроектирована как предоставляющая Думе право законодательной инициативы и возможность пересмотра всех законов, кроме статей о престолонаследии и императорской фамилии. Одновременно с Манифестом в «Правительственном вестнике» был опубликован всеподданнейший доклад С. Ю. Витте, в котором говорилось: «Волнение, охватившее разнообразные слои русского общества, не может быть рассматриваемо как следствие частичных несовершенств государственного и социального устроения, или только как результат организованных действий крайних партий. Корни этого волнения... в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя. Она стремится к строю правовому на основе гражданской свободы»[10].

Столь радикальное, пусть завуалированное, высказывание в адрес самодержавной монархии, которую «переросла» Россия, было весьма показательным. Оно характеризовало позицию значительной части российской бюрократии, готовой пожертвовать самодержавием как частью государственного строя, чтобы сохранить сложившуюся систему государственного управления. Надо отдать должное С. Ю. Витте, который прекрасно понимал всю трудность сложившейся в конце 1905 — начале 1906 года ситуации. С одной стороны, российская общественность, истолковывавшая Манифест 17 октября 1905 года исключительно в духе ограничения и самоограничения монархии, с другой — настоятельная необходимость как можно скорее оградить правительство от нарастания активности Думы.

Итак, перед российской правящей элитой стояла задача законодательного закрепления прерогатив российского самодержца, чтобы «отмежевать более широкую область для свободной распорядительной деятельности правительственной власти»[11] и «вписать» в новую государственную систему российского императора. Эту задачу предполагалось решить путем издания новой редакции Основных государственных законов Российской империи, разработанной без участия новых законосовещательных учреждений.

В апреле 1906 года под председательством императора начало свою работу Царскосельское совещание. Выступая здесь 9 апреля, С. Ю. Витте сформулировал задачи совещания в части ограничения прав Государственной думы: «...надо отобрать от нее все, что опасно трогать. Не опасно говорить о свободах, о законности, о правах граждан — это все можно, но есть безусловно опасные вопросы — как основания устройства Думы и Государственного совета, основные положения бюджетных правил и правил о займах, прерогативы монарха как верховного главы государства». При этом необходимо было провести это мероприятие в духе Манифеста 17 октября. На практике это означало законодательное провозглашение положения института монархии как института с широкими, но ограниченными полномочиями. В действующем законодательстве Российской империи говорилось о том, что император есть «монарх самодержавный и неограниченный». И именно термин «неограниченный» участники Царскосельского совещания сочли необходимым изъять как несоответствующий ситуации.

Но каков был внутренний смысл этого изъятия? На деле оно должно было способствовать сохранению практически неограниченных прав монарха, закрепляемых в последующих статьях. Идя на этот остроумный шаг, верхи российской бюрократии понимали, что только скорейшее законодательное разграничение полномо-

Гербовый орел на Георгиевском штандарте русских войск. 1812 г.

чий между Думой и императором способно приостановить рост парламентаризма. Но совершенно неожиданно для себя участники совещания столкнулись с упорным нежеланием Николая II отказаться от определения «неограниченный». По этому поводу император произнес самую длинную речь за все время работы совещания. «Все время меня мучает чувство, имею ли я перед моими предками право изменить пределы власти, которую я от них получил... Я знаю, что... это вызовет волнения и нападки... Но я уверен, что 80% русского народа будут со мною, окажут мне поддержку и будут мне благодарны за такое решение... Вопрос о моих прерогативах — дело моей совести...»

Итак, на пути охранительных планов российской бюрократии оказался сам российский самодержец с его сомнениями, собственным пониманием самодержавия, с попытками нравственной оценки происходящего. Императора не поддержал ни один из участников совещания. Консерватизм традиционный, религиозно-почвенный вступил в противоречие с прагматикой консерватизма политического, рационального, стремящегося спасти хотя бы то, что еще можно было спасти. Член Государственного совета граф К. И. Пален заметил: «По-моему, вам, государь, было угодно ограничить свою власть». Великий князь Николай Николаевич, Дурново и ряд других деятелей придерживались мнения о том, что с Манифестом 17 октября «неограниченность монарха перестала существовать» и «надо предусмотреть все те права, которые за императором нужно сохранить».

Обсуждение этого вопроса 9 апреля 1906 года было прекращено Николаем II, который пообещал сообщить свое решение позднее[12]. Но императора необходимо было убедить, и как можно скорее. Неоднократно подчеркиваемое им стремление вернуться к самобытной государственной традиции побудило С. Ю. Витте использовать это обстоятельство в интересах бюрократии. Он обратился к В. О. Ключевскому и попросил его написать работу об институте самодержавия в России. Ключевский ответил отказом. И ожидаемое исследование было поручено одному из слушателей знаменитого профессора — С. Князькову, автору работы «Самодержавие в его исконном смысле» (СПб., 1906).

Основной задачей записки С. Князькова было стремление доказать, что хотя в современном государственном праве стоит, как правило, знак равенства между понятиями «самодержавный» и «неограниченный», но на деле это произошло совсем недавно. Автор отмечал, что «самодержавие, как оно создавалось в жизни русского народа до XVIII века, не включало в себя понятия неограниченный». И «изданные акты 6 августа и 17 октября 1905 года возвращают исконному старинному титулу русских государей тот его смысл и значение, с каким истории известен этот титул в более ранних порах его существования». Поэтому в настоящее время «самодержавие может означать... во вне независимость государя и государства, а во внутренних отношениях державные права и самостоятельность монарха, властвующего по собственному праву, унаследованному от предков, и олицетворяющего идею верховной власти в стране»[13]. Записка С. Князькова стала дополнительным и достаточно убедительным аргументом в пользу составителей новой редакции Основных законов. Ведь автор стремился убедить императора, что отказ от определения «неограниченный» не умаляет, а, наоборот, возвышает монарха, так как возвращает его к исконным началам российского самодержавия.

В апреле 1906 года российская бюрократия одержала верх над императором. Из Основных государственных законов Российской империи было изъято слово «неограниченный» — и глава государства стал «монархом самодержавным».

Московский центральный отдел «Союза русского народа» во главе с А. И. Дубровиным при освящении хоругвей.

Для представителей правого направления после 1905 года понятие «самодержавный» указывало на то, «что ни вне государства, ни в государстве нет другой власти, от которой государь император был бы зависим и которой он повиновался бы»[14]. Правда, в этом вопросе у российских консерваторов не было единства. Для одних Российская империя представлялась государством во главе с монархом, самодержавным по существу и объему своей власти и ограниченным в формах ее проявления, с наделенным диктаторскими полномочиями правительством, не зависящим от народного представительства[15]. Другие признавали полноту власти только за монархом. Но утверждение, что монархический принцип в управлении государством остался главенствующим, требовало аргументации. И аргументация эта была двоякой. С одной стороны, сторонники самодержавной монархии исходили из традиционных доводов в духе славянофилов и представителей духовенства. Так, В. М. Пуришкевич, выступая в Государственной думе в 1908 году, отметил, что «сила русского самодержавия не в насквозь прогнившем бюрократическом аппарате, зараженном к тому же «космополитизмом», а в «единении с народом»[16].

Ряд специалистов в области государственного права стремились истолковать российский парламентаризм в национально-самобытном духе, заявляя, что «государь император осуществляет законодательную власть не единолично, а в единении с народным представительством... Ограничение законодательной власти не умаляет существа и значения монархической власти, а напротив, возвышает его авторитет, так как с монарха слагается нравственная обязанность за издание законов, которые не соответствовали бы действительным нуждам народа»[17].

Гербовый орел на российских государственных ассигнациях. 1819 г.

С другой стороны, появилось целое направление в государствоведении, ставившее задачей доказать, что, несмотря на изменения в государственном строе, монарх остался реальным и полновластным главой государства. Анализируя содержание Основных законов, его представители весьма убедительно доказывали, что реальная власть в государстве сосредоточена в руках самодержца, апеллируя при этом к статье 10, где говорилось, что «власть управления во всем ея объеме принадлежит государю императору, в пределах всего российского государства»[18]. Но в целом аргументы в пользу самодержавия основывались на трактовке его как главного признака национальной исключительности. Позднее, выступая по поводу бюджета МВД, тот же Пуришкевич подчеркнул, что «международный престиж всякой нации поднимается не тогда, когда в этой нации нет государственных и политических идеалов, а когда той разнузданности, которая пребывает в известной части общества, ставятся твердые и прочные преграды... Чем скорее этим космополитическим тенденциям будет положен конец, тем скорее поднимется наш престиж на Западе»[19].

Казанский отдел «Союза русского народа».

Итак, в начале XX века на фоне событий 1905 года даже в консервативной среде «хранителей» монархии не было единства. Консерваторы-традиционалисты основное внимание уделяли вопросам религиозно-философского и нравственно-этического осмысления роли и назначения самодержавия как особой формы государственного строя. Особую позицию занимала российская бюрократическая элита, далекая от идеалистических размышлений и отвлеченного морализаторства. Она видела в императоре гаранта колоссальных прав исполнительной власти, сосредоточенной в руках чиновничества. Однако и те и другие сходились на том, что в начале XX века в самодержавном государственном строе Российской империи происходят существенные и, возможно, необратимые изменения. Но стать опорой традиционной государственности в ту новую эпоху никто из российских консерваторов так и не смог.

Примечания

1. Хомяков Д. Самодержавие (опыт схематического построения этого понятия). М., 1903.
2. Там же. С. 8.
3. Там же. С. 46.
4. Киреев А. А. Россия в начале XX столетия. СПб., 1903. С. 15.
5. Там же.
6. Там же. С. 19.
7. Схиархимандрит Варсонофий (Плиханков) Оптинский. Келейные записки. 1892—1896. М., 1991. С. 44.
8. Прибавление к Церковным ведомостям. 1905. № 11.
9. Цит. по: Глинский Б. Б. К вопросу о титуле самодержец (Из истории кодификации основных законов в 1906 г.)// Исторический вестник. 1913. Февраль. С. 570.
10. Правительственный вестник. 1905. 18 октября.
11. Цит. по: Кризис самодержавия в России. 1905—1917 гг. Л., 1984. С. 284.
12. Былое. 1917. № 4. С. 202, 206, 208.
13. Цит. по: Глинский Б. Б. Указ. соч. С. 597, 600, 601.
14. Егиазаров С. А. Лекции по русскому государственному праву. Законодательная власть. Киев, 1907. Вып. 1. С. 4.
15. Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978. С. 37.
16. Государственная дума. Третий созыв. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1908. Стлб. 2428.
17. Егиазаров С. А. Указ. соч. С. 5.
18. Подробнее см.: Грабовский В. М. Государственное устройство и управление Российской империи. Одесса, 1912. С. 64.
19. Государственная дума. Третий созыв. Сессия 1. Ч. 2. Стлб. 2428.

Владимир Ермаков,
ведущий научный сотрудник Орловского краеведческого музея

Болхов: опыт несбывшейся судьбы

В 1970 году постановлением Госстроя РСФСР и коллегии Министерства культуры республики Болхов был включен в число особо ценных городов-памятников. Кто-то горько пошутил: «посмертно»...

Приказная изба в Болхове. XVII в.

Вид на Болховский кремль с колокольни Георгиевской церкви в Стрелецкой слободе. Начало XVIII в.
Художественные реконструкции В. Неделина.

Жизнь взаймы

Бог весть почему, но в патриотическом каноне последних полутора столетий сакральная идея о России соединена нераздельно и неслиянно с мифом о Деревне. Оставьте, господа! Не было никогда той деревни, что вымышлена пассеистической утопией по весям Святой Руси. А теперь и никакой-то нет. Сельский космос разрушен. Сохранив социально-экономические функции, село утратило культуру как способность к саморазвитию. Что осталось? Сельская местность как маргинальное пространство агрокомплекса. В фундаменте нашего общества опорой стала связка «райцентр — сельский населенный пункт», вдоль и поперек проросшая хозяйственными, бытовыми и родственными отношениями. Ныне поруганная и пренебреженная уездная Россия — пограничная с подступающей катастрофой зона. Удержатся города, городки, городишки — устоит русская цивилизация.

В отличие от деревни, орловское уездное захолустье классиков наших не вдохновляло. Если и заметят, так проездом, если и помянут, так в сердцах. По преданию, сюжет, подаренный Гоголю для «Ревизора», Пушкин нашел в Малоархангельске. А друг его, злоязычный Соболевский, известный эпиграммист, географию нашу так запоминал:

Мценск ваш, Болхов да и Кромы
Мне по гадостям знакомы...

Язвительный Саша Черный в стихотворении «Уездный город Болхов» тоже желчи не пожалел:

25 церквей пестрят со всех сторон.
Лиловые и желтые и белые в полоску.
Дева у окна скребет перстом прическу.
В небе караван тоскующих ворон.
Воняет клеем, пылью и кожей.
Стемнело. День умер. Куда бы пойти?..

Некуда. Тупик. Так казалось классикам. Многим современникам тоже. Ни внимания, ни понимания. А райцентрам России так нужна сегодня поддержка. Экономическая. Культурная. Психологическая. Не удалому Суздалю, воссозданному на потребу туристам. А изболевшему Болхову, борющемуся за реальное бытие. Многажды выходивший на авансцену истории, этот город в конце концов оказался забытым на обочине. Когда-то конкурировавший с Орлом за лидерство в крае, сегодня он уступает и Мценску, и Ливнам. Сворачивается производство. Убывает население. Молодежь мигрирует в крупные города. Родители не удерживают: что тебе тут с нами мучиться?! Уезжай... Приедешь — похоронишь.

Статьей В. Ермакова мы продолжаем серию публикаций под рубрикой «Город ЭН», посвященной нравам, быту, истории и культуре российской провинции (см.: «Родина». 1992. № 8—9, 10; 1993. № 1, 3—4, 7 и др.). В будущем «гостями» «Родины» готовятся стать Архангельск и Нижний Новгород.

Сегодня Болхову трудно, как никогда. Окрестность от поля и хлева кормится, да и от дотаций что-то перепадает. У Орла своя политика, да и есть все же что раскрутить в рынок. А тут единственное крупное предприятие, по причине причастности к ВПК в справочных изданиях не упоминаемое, который год в агонии. А что до прочих, так на их технологическую базу без слез смотреть нельзя. Место на полпути: Традиция более не в помощь, а для Новаций масштаба нет. Живи, как можешь.

Сегодня в Болхове многие (страшно сказать!) признательны «розе ветров» 1986 года за чернобыльский след. За отсутствием прочих источников дохода покупают хлеб-молоко на «гробовые деньги», жалкую компенсацию за загрязнение родимых улиц. Работа если и есть, то в долг; накопления коли и были, так в трубу; веселье — ежели по пьяному делу на случайный калым. Не всем, конечно, так туго. Как ни странно, бюджетникам тут полегче, нет-нет да жалованье индексируется, месяц-другой передыха. Кто-то дела начинает разворачивать. Впрочем, скорее делишки. Как везде, но пожиже. Есть, конечно, подвижки и в общественном секторе. Заасфальтированы по целевой программе главные улицы. Реализуется потихоньку проект газификации. А какой музей осилили! Журнал «Мир музея» статью о нем поместил, из Подмосковья смотреть приезжали «болховский вариант» концепции краеведческого музея, разработанный в Орле специально для этого проекта. А в музее история. Заходи — изучай, извлекай урок из прошлого. Вот только вопрос: какой?

Болхованщина: бестолковщина истории

Неологизм, вынесенный в заголовок, кажется мне имеющим право на частное употребление. Если «хованщиной» окрестили один из стрелецких бунтов, не столько беспощадный, сколько бессмысленный, то можно и нам сходно поименовать безустанное и бесплодное борение города с судьбой. В библиографии по истории Болхова достаточно исследований и публикаций. Исчерпывающую работу посвятил ему классик орловского краеведения Г. М. Пясецкий. В книге «Исторический очерк города Болхова и его святыни» (Орел, 1875) он поддерживает татищевскую версию об основании Болхова сарматами в начале I тысячелетия н. э. Сарматы исчезли, а Болхов, по прошествии темных веков, достался как выморочное наследство вселившимся в эти леса вятичам. И с ними вошел в писаную историю. Но как-то неясно: более осторожные историки стали после Татищева в безусловной древности сомневаться и высказываться уклончиво — известен с XIII века. Тем более что двоится в летописях город. По мнению многих, был у него тезка в Волынских землях. Князья Болховские стали мешаться в большую политику, когда свершилась судьба над городом, и была у судьбы кривая ухмылка татарской сабли. «Страшное шествие Батыя около Болхова навсегда осталось в памяти народа, только предание о нем получило уже характер темной легенды о какой-то свинье, вышедшей некогда из Болхова и дошедшей до Карачева» (Пясецкий). Здесь начало знаменитому «свиному шляху», продлившемуся через Дикое поле. Запустением завладели князья Хотетовские, до поры в Литовском подданстве, потом бежавшие к Москве. Пока шел спор за Киевское наследство, поле все дичало, а народ скорбел. Укрепляя южные рубежи, царь Иван IV повелел поставить здесь города и населить их воинскими людьми. Во исполнение указа в 1556 году Болхов был восстановлен как пограничная крепость. Воинские люди без дела не оставались, а дело у них известно какое: ратное. Рать за ратью прокатывалась через Дикое поле, и каждая вторая через эти места. В 1565 году маленький гарнизон продержался в осаде в деревянной крепостце против орды хана Девлет-Гирея. Обломался хан о болховский тын — и ушел несолоно хлебавши. Цена, конечно... Что ж, воинских людей еще прислали, крепость перестроили. И вовремя. Ибо настало лихолетье. Смута. В 1606 году через Болхов прошел Болотников. Не успели опомниться — «в 1608-м году город Болхов обратил на себя взоры всей России, жаждавшей мира и успокоения от раздиравших ее бедствий своеволия и безначалия. Сюда собрал царь все свое войско, чтобы положить конец господству нового самозванца, утвердившегося в Орле... предавшийся постыдному бегству князь Дм. Ив. Шуйский оробел совершенно... город присягнул в верности самозванцу... за ним последовали и Болховские изменники; но, улучив удоб-

Церковь Афанасия и Кирилла. (1800 г.).
Болхов в начале зимы. Фото Л. Тучнина

Фонетическая фантазия

Болхов. Так назвали его некогда сарматы, а что сие значило — уже не узнать. Говорят, что имена — семена судьбы. Кажется, пытались его некогда переименовать на понятный славянский лад: Девягорск, дивный град на девяти горах. Не привилось. Осталось: Болхов, Болохов. Словно ударил некто в колокол на заре времен, и плыл гул через темные столетия, и даже над запустелым пепелищем кружило тихое эхо и вошло в уши воевод Ивана Грозного: быть по сему!
Что слышалось русскому уху в этом созвучии? Блохов. Плохов... Оставим это злому зубоскальству. ХЛЕБОВ. Хорошо, но не убеждает. Пойдем по отголоскам иных корней. БОЛь ХОВать — прятать страдание. ПОЛ ОКОВан — наполовину скован. БОГОВ, БЛАГОВ — о, если б! БОЛьшой крОВ — всем бездомным Дикого поля. А может быть, в звукописи скрыта картина болот, поросших ольхой в низинах речек? Пожертвуем логику ассоциативным ассонансам, и тогда: в поле глохнущий зов; былому хвала и хулов; память боя лихого; бунт-холопство; бор глухой совиный... А в тени звука боязливый вздох: ох, боком вышло... Далеко, однако, заносит. Впрочем, пустое. Болхов — и все тут. Примите и прочее.

ную минуту, они покинули его и убежали в Москву» (Пясецкий). Бедные болховские изменники... Как им было угадать, кому угождать, когда все царство дыбом.

К концу бунташного века фортуна мимолетно улыбнулась Болхову. Мария Милославская, дочь здешнего боярина Ильи Даниловича, стала царицей. А своим как не порадеть? Стал входить Болхов в силу. По твердой воле сына Марии Милославской, царя Федора Алексеевича, собор русских иерархов приговорил в 1681 году: быть в городе архиерейской кафедре! Под пастырский посох в новую епископию передавались древние грады Мценск, Карачев, Кромы, Новосиль и новоставленный (век лишь с малым!) Орел. А где Владыка, там и прочая власть соберется. Значит — перемена участи городу. Рано радовались... не улыбка у судьбы, а усмешка. Денег в казне на обустройство кафедры не нашлось, архиереи множить конкурентов не пожелали, а царь вскоре занемог да и умер. Правительница Софья еще несколько порадела Болхову — на том век и кончился. Надежда всегда приходила в Болхов беременной разочарованием.

В начале славных дел Петра занесло по пути в Киев и в сей угол. Чем-то ему, видать, глянулся Болхов; зла держать на гнездо Милославских не стал, а, напротив, пожаловал здешний монастырь архимандритам на игуменство, а в город прислать повелел специалистов-кожевенников.

На торговых и кожевенных делах стал Болхов понемногу благоденствовать. Вознесся над округой богатыми строениями. На ежегодную Тихвинскую ярмарку при монастыре съезжались издалека. Кожевенные поставки в казну богатили многих и подолгу. Успех увековечивали воздвижением новых и перестройкой старых храмов. Теша тщеславие горожан, на месте первохрама былой крепости восстал к небесам Спасо-Преображенский собор о шести престолах в два этажа. И колокольня к нему с превеликим шпилем — и с курантами! Нет подобного в губернии, знай наших! Весь город может молиться, а ведь еще два десятка церквей да два монастыря. И росли рядами от центра к концам солидные купеческие особняки. На века строились. Да короток у многих оказался век...

Трудно сказать, отчего стал хиреть город. Вновь переменились времена, и в капиталистическом соревновании Болхов первенства своего не удержал. Говорят, что поскупились отцы города на взятку, и железная дорога прошла через Мценск. На храмы не жалели, а тут пожмотничали, вспомнив не ко времени дедовский завет: «жми денежку в кулак, чтоб пищала». Недальновидно. Товарный поток, а с ним и прибыль пошли мимо. А еще поговаривают, что в Крымскую кампанию захотели промышленники куш побольше сорвать да и пустили гниль на подметки к солдатским сапогам. Дело вскрылось. Подловила судьба-злодейка. Лишили тароватых кожевенников госзаказа, а от конкурентной борьбы за рынки сбыта отвыкли у казны за пазухой. Вот и покатились дела от собора-то да под Красную горку.

Неудачи порождали в болховчанах не предприимчивость, а упрямство. Из поколения в поколение держались за привычное. Болхов долее всех в крае стоял на пути триумфального шествия Советской власти — до конца января 1918 года. Зато уж и показала себя новая власть... 10 марта в город вошел особый отряд по охране порядка: три десятка всяческого сброда при двух пулеметах. По мандату нового самозванца «верховного комиссара» анархиста Сухоносова арестовали местный исполком и два дня терроризировали обывателей. Расстрелы, грабежи-экспроприации и полагающиеся по распорядку дня эксцессы. Проведя показательные акты революционной справедливости, сухоносовцы покинули город под духовой оркестр. Музыканты наяривали свыше сил: дирижировали заряженным револьвером. Под ту музыку уездный мир разлетался вдребезги. Красноармейцы-добровольцы из с. Злынь встали на молитву и, помолившись, выступили на защиту революции. Красноармейцы-добровольцы из с. Усть-Нугрь пошли в запой и, перепившись, закололи штыками попа Иоанна и двух его сыновей...

Окаменелость духа

Если попробовать интерпретировать модный термин «менталитет» с неподобающим буквализмом, по латино-греческим корням, то обнаружим в нем «сознание» и «камень». Прочтем, как в заголовке: окаменелость духа. Новации с трудом преодолевают болховские косогоры, поросшие вольным лопухом. В разных источниках и с различных сторон отмечена одна наследственная болховская черта. Назовем ее — *недоверие*. Первейший апостол болховчанам — Фома. Корни такого склада тянутся, видимо, в сепаратизм вятичей X века. Татарское лихо загнало внутрь их упрямую особость. «И светлое небо кажется насмехающимся над их злополучием, руки их отяготели и неохотно принимаются за соху» (Пясецкий). Но хочешь — не хочешь, а надо вкалывать. И принимались — за соху, за бердыш. Не с того ли процвел кожевенный промысел, что шкура у местных людей дубленая? Бог высоко, царь далеко, а беда всегда рядом. В войну враг немилосердствует, а в мир начальство самодурствует. Будь то воевода, будь то первый секретарь РК КПСС. Форма защиты одна: молчаливое упорство. С допетровских времен прилипло к болховчанам обидное прозвище: «своемеры-дулепы».

И священник Лукьянов в путевых заметках не удержался от охулки. Вышеприведенное описание Болхова краеведы цитируют обычно не до конца, опуская следующее: «люди в нем невежи, искусу нет ни у мужеска полу, ни у женска». Какого искусу не нашел батюшка, не очень понятно. А о невежестве сказано резко, но верно. Дважды, в 1738 и 1762 годах, были попытки открыть школу, но кончалось все скверно. Ученики разбегались; имущество «разломано, похищено и находится в опустошении...» (из донесения церковным властям). В век просвещения здешний народ коснел вне оного, норовя примериться ко всему своим умом. Ну как есть — своемеры!

Болхов упорствовал, где и сколько мог. Когда все духовенство губернии вошло в контролируемую ГПУ «Живую церковь», Болхов во главе с викарным епископом Даниилом пребывал верным. Дед моего друга, церковный староста Быков, коренной донельзя, безбожной власти так и не признал. Жил молча, смотрел только в небо и в землю, а вокруг не желал. Так и умер — согбенным, но не согнутым. Посеешь характер — пожнешь судьбу.

Осень в Болхове. Вечерний эпилог

В застывший осенний вечер, в час меж сумерками и тьмою город открывается к моменту истины.

Лучше всего встать на плотине через Нугрь, спиной к заводи, где тонет томным отражением дебелая уездная луна. Впереди на холме — доминантой ландшафта — монументальный Спасо-Преображенский собор и изящная Троицкая церковь с обезглавленной колокольней. Слева, на предхолмии, купол и колокольня Георгиевской церкви. Как прекрасно и как безнадежно! Не надо благоговейно креститься на мертвые храмы. Не стоит, право: Бог вышел из этих полуразрушенных скорлуп. Если Христос и не оставил Россию и не выбыл на свою историческую родину, он, как и прежде, босиком исхаживает наше нескончаемое захолустье. Может статься, пробирается окраинами этого многострадального городка, расползающимися в полудеревни, бредет через подмороженную радиоактивную грязь незадавшегося века.

А на пригородном монастырском холме встретит Христа смиренный инок Макарий, забытый ныне учитель Болхова, их непрославленный святой. Отсюда весь город виден. Лежит в редких пунктирах слабых фонарей, расчерченный кривыми кварталами, как кусками неумело раскроенной кожи.

Болхов. Колокольня Георгиевской церкви (1862 г.).

Болхов. Главная улица – имени Ленина.

О Болхов, романтический хром, истрепанный вековыми невзгодами! Или нет, в видении остатков архитектурных ансамблей, исполненных верой и тщеславием богатых кожевенников, пусть скажется так: о Болхов, ты фасонный сапог, стоптанный втуне по свиному шляху истории! Простите за метафору. Я долго жил в этом городе и сверял время по соборным курантам. Я сроднился с ним — и, значит, сам стал отчасти своемером.

Момент истины — лишь момент. Мелькнет и ускользает. Темно и пусто. Вот завоют на луну из пустых садов беспородные болховские псы, вкладывая цепную тоску в протяжное кобельканто. У человека случается тоска злее собачьей. Нигде так тяжко осень не давит на душу, как в глухих российских углах. Просторами и умами овладевает унылое оцепенение, и в подвалах сознания скребется вопрос: вот еще год прошел — а толку? Но податься некуда — надо терпеть и вкалывать. Встарь, вчера, сегодня, завтра, всегда. Задолго до полуночи в Болхове гаснут последние огни, и силуэты храмов на холмах теряются во тьме.

Фотографии А. Иванишина.

«ИНТЕРСПУТНИК» с оптимизмом смотрит в будущее

Название Международной организации космической связи «ИНТЕРСПУТНИК» достаточно хорошо известно, и не только в кругу специалистов. Созданная почти четверть века назад Организация ставила своей целью создание и развитие системы спутниковой связи в интересах входящих в нее государств. Однако создание «ИНТЕРСПУТНИКА» преследовало и другую, может быть не столь явную, но тем не менее значительно более важную политическую задачу — противовес созданной в те же годы под эгидой США международной организации спутниковой связи «ИНТЕЛСАТ». Было бы несправедливо утверждать, что все последующие годы «ИНТЕРСПУТНИК» оставался всего лишь инструментом идеологического противоборства — мол, «социалистические» технологии никоим образом не уступают «капиталистическим». Организация действительно решала насущную задачу установления прочного информационного пространства между определенной группой стран посредством спутников связи. К сожалению, хотя круг этих стран со временем и расширялся, он оставался политически мотивирован и включал лишь государства социалистического блока или так называемой «социалистической ориентации».

В силу вышесказанного фундаментальные потрясения, происшедшие в странах бывшего социалистического содружества на рубеже 80—90-х годов, по логике не могли не сказаться на судьбе «ИНТЕРСПУТНИКА». Судите сами: как карточный домик, распался Совет Экономической Взаимопомощи; по сути было полностью свернуто сотрудничество в рамках многосторонней программы «ИНТЕРКОСМОС». Тем не менее, вопреки ожиданиям многих, Организация «ИНТЕРСПУТНИК» не только не потеряла почвы под ногами, но, как бы обретя «второе дыхание», уверенно развивается и неуклонно расширяет свою деятельность.

Две главные причины сыграли решающее значение в обеспечении жизнестойкости Организации. Во-первых, имевшее принципиальное значение решение наиболее влиятельных членов Организации — России и Германии — продолжить членство в «ИНТЕРСПУТНИКЕ». Вторая причина заключалась в том, что в сложных условиях переходного периода руководящий орган Организации — Совет, в котором представлены правительства всех государств-членов, смог в максимально сжатые сроки сформулировать новую концепцию развития и дать необходимый импульс переходу к этапу коммерческой эксплуатации спутниковой системы «ИНТЕРСПУТНИК». Поэтому уже сегодня можно с уверенностью констатировать, что Организация не только сумела найти свой вектор движения, но и уверенно идет в правильном направлении. Приведем лишь один пример в подтверждение: только за последние 2,5 года в «ИНТЕРСПУТНИК» вступило шесть новых членов, и их общее число сегодня насчитывает 22 государства (в 1971 году Соглашение о создании «ИНТЕРСПУТНИКА» подписало лишь девять государств). Добавим к этому, что правительства еще ряда стран — Армении, Канады, Индии, Израиля — в настоящее время рассматривают вопрос о возможном присоединении к «ИНТЕРСПУТНИКУ».

Открытие 6-го совещания по трафику

В президиуме: ***А. И. Будай*** *– первый заместитель министра связи и информатики Республики Беларусь,* ***И. Ковач*** *– заместитель Генерального директора МОКС «ИНТЕРСПУТНИК»,* ***Р. Л. Бхатия*** *– Государственный министр иностранных дел правительства Индии,* ***Г. Г. Кудрявцев*** *– Генеральный директор МОКС «ИНТЕРСПУТНИК»,* ***А. Гурны*** *– председатель Комитета полномочных представителей МОКС «ИНТЕРСПУТНИК»,* ***Р. Кхурана*** *– региональный представитель МОКС «ИНТЕРСПУТНИК».*

(МОКС – Международная организация космической связи)

В середине 1996 года в системе «ИНТЕРСПУТНИК» использовались емкости на 11 российских спутниках связи типа «Горизонт» и «Экспресс», размещенных на дуге геостационарной орбиты от 14 з.д. до 142,5 в.д., а также емкости на вещательных спутниках «Галс-1» и «Галс-2». В контексте использования «ИНТЕРСПУТНИКОМ» российских спутников уместно отметить, что проекты создания спутников «Экспресс» и «Галс» были осуществлены в значительной степени благодаря участию в финансировании со стороны «ИНТЕРСПУТНИКА».

Энергетические параметры используемых спутников позволяют обеспечить пользователей системы широким набором услуг в области связи, телевизионного и звукового вещания.

По состоянию на 01.07.1996 г. пользователями системы «ИНТЕРСПУТНИК» являлись более 100 государственных организаций и частных компаний многих стран мира, включая пользователей таких стран, как Великобритания, Индия, Канада, Китай, Мадагаскар, Папуа-Новая Гвинея, Португалия, США, Филиппины, Франция, Япония и др. Среди частных компаний можно отметить, например, Reuters, WNT (Великобритания), KDD и NHK (Япония), CNN, AT&T, Direct Net и IDB (США), TV-5 (Франция), Marconi (Португалия), China Central Television (Китай), ZEE TV (Индия) и др.

Переход к этапу коммерческой эксплуатации спутниковой системы и новые тенденции на мировом рынке телекоммуникаций ставят в настоящее время в повестку дня проведение комплекса мер, нацеленных на дальнейшее повышение эффективности деятельности Организации. К числу основных из них можно отнести:

совершенствование правовой базы «ИНТЕРСПУТНИКА»;

приобретение и использование в системе собственных спутников нового поколения;

развитие новых видов услуг;

концентрация маркетинговой деятельности на перспективных регионах.

Из вышеуказанных направлений особое внимание в настоящее время уделяется созданию собственных спутников. Хотя в конце 1994 года «ИНТЕРСПУТНИК» начал работать через спутники связи новой модификации типа «Экспресс», тем не менее следует признать, что возможности этих спутников не всегда удовлетворяют задачам, решаемым Организацией. Поэтому с 1994 года «ИНТЕРСПУТНИК» начал работы по реализации собственного спутника связи — проект «ИНТЕРСПУТНИК-8», полностью отвечающего требованиям и задачам Организации.

К настоящему времени создана кооперация производителей спутника — Space Alliance — в составе Aerospatiale (Франция), Daimler-Benz Aerospace (Германия) и SS/Loral (США). Основные подсистемы спутника будут изготавливаться компаниями SS/Loral (ретрансляторы) и Daimler-Benz Aerospace (антенны, солнечные источники питания, система ориентации). Сборка спутника, его монтаж на носителе и запуск на орбиту будут осуществлены компанией Aerospatiale.

Проект «ИНТЕРСПУТНИК-8» также предусматривает участие в его реализации российской космической промышленности.

Для реализации работ по новому спутнику создана специальная проектная компания «Intersputnik Global Communications Inc.» (IGC) в составе «ИНТЕРСПУТНИКА» и трех партнеров -инвесторов из Китая, России и США.

Предстоящее в недалеком будущем использование собственных спутников выдвигает новые требования к маркетинговой деятельности, особое внимание в которой теперь уделяется перспективным с точки зрения развития телекоммуникаций регионам — странам СНГ, Южной Америки, Центральной и Юго-Восточной Азии.

В этом плане уже предприняты первые практические шаги — в первой половине 1996 года «ИНТЕРСПУТНИК» принял участие с собственным стендом в международных выставках по связи в Р. Казахстан (выставка KITEL '96) и в Бразилии (выставка и конференция Telecom Americas '96), а в марте 1996 года провел свое очередное ежегодное совещание пользователей по трафику в г. Нью-Дели (Индия).

Международная организация космической связи «ИНТЕРСПУТНИК» пережила переломный период своего развития, связанный с активным переходом к коммерческой эксплуатации своей спутниковой системы, а также с глубокими трансформациями, происходящими в окружающем мире. Время бросило серьезный вызов. «ИНТЕРСПУТНИК» достойно его принял и уверенно двигается по пути дальнейшего совершенствования и расширения своей деятельности.

Г.Г.Кудрявцев,
Генеральный директор «ИНТЕРСПУТНИКА»

МИНУВШЕЕ

Б. Патерсен.
Большой (Каменный) театр. Фрагмент.

Александр Журавель

МУЧЕНИК

Земная и посмертная судьба Михаила Черниговского

Великий князь Михаил Черниговский. Грановитая палата Московского Кремля.

Штурм монголами древнерусского города. Фрагмент панорамы. Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник. Фото Владислава Даркевича.

Жизнь черниговского князя Михаила Всеволодовича, заполненная непрерывными войнами, походами и столкновениями, закончилась трагически: вызванный в ставку хана Батыя, он отказался последовать монгольскому обычаю и был за это жестоко убит. Его мученическая смерть совершенно затмила в памяти потомков всю остальную жизнь, так что на вопрос о том, что же выдающегося совершил этот князь, большинство интересующихся русской историей не могут ничего ответить. Кроме того, что святой мученик погиб за веру.

Обращение к тексту «Жития» Михаила Черниговского вызывает противоречивое чувство: создается впечатление, что причиной гибели Михаила было... его упрямство, нежелание прислушаться к здравым советам и увещеваниям как монгольских вельмож (например, Едлеги), так и собственного племянника Бориса Васильковича Ростовского и его бояр, обещавших даже принять за него епитимью, лишь бы Михаил Всеволодович согласился исполнить обычный монгольский обряд — прошел «сквозь огонь» и поклонился «кусту и огневи и идолом их», то есть совершил то, что делали все без исключения прибывающие в Орду русские князья. А так смерть его оказывается хоть и героической, но какой-то бестолковой.

То же странное чувство овладевает и при первом знакомстве с летописными сведениями о деяниях Михаила Всеволодовича. Он оказывается зачинщиком длительной усобицы, опустошавшей Южную Русь в 1234—1238 годах, то есть как раз перед монгольским нашествием; в 1239 году, будучи киевским князем, Михаил приказывает расправиться с явившимися в Киев монгольскими послами, после чего — испугавшись содеянного? — бежит из Киева в Венгрию. Помыкавшись в чужих пределах, испытав немало унижений, наш герой около 1243 года возвращается в Черниговскую землю и вскоре, в числе прочих русских князей, вызывается в Орду. Эта поездка оказывается для него роковой.

Более пристальное изучение сохранившихся источников обнаруживает ряд странностей, суть которых сводится к следующему: практически все сведения о Михаиле Всеволодовиче приходится брать из летописей, составленных в землях, подвластных его врагам: Галицко-Волынской, представляющей собой апологетическое жизнеописание его заклятого врага Даниила Романовича; Новгородской Первой (с середины 30-х годов XIII века Новгород прочно находился в руках другого его непримиримого врага — Ярослава Всеволодовича и его потомков); более поздних летописей, ведущих свое происхождение из Владимирско-Суздальской земли, после монгольского нашествия почти полностью оказавшейся в руках потомков Ярослава.

Панорама древнего Чернигова с высоты кремля-детинца. Фото Владислава Даркевича.

Архангел Михаил. Конец XIII века. ГТГ.

Так что рассчитывать на объективность, а тем более на правдивость летописей не приходится, а, напротив, стоит обращать особое внимание на те случаи, когда летописи нечаянно «проговариваются» и сообщают нечто противоречащее нарисованной ими общей картине княжеских взаимоотношений.

Итоги такого исследования приводят к выводу: гораздо более Михаил Всеволодович пострадал от исторической памяти потомков. Ему была приписана неверная родословная; год его смерти по чисто случайным причинам был отодвинут с 1245 на 1246; наконец, была в корне извращена его позиция в годы монгольского нашествия на Русь. Так что не упрямство и не особая приверженность христианской вере были истинными причинами гибели Михаила в ставке Батыя.

Согласно принятым в исторической литературе еще со времен В. Н. Татищева оценкам, Михаил Всеволодович является сыном Всеволода Чермного, внуком Святослава Всеволодовича, правнуком Всеволода Ольговича и праправнуком Олега Святославича, то есть представителем старшей ветви черниговских Ольговичей.

Однако в ряде летописей князь Михаил прямо назван правнуком Олега Святославича, то есть представителем младшей ветви Ольговичей. Историки же до сих пор придерживаются точки зрения В. Н. Татищева, не обоснованной фактически.

Какие же доводы можно привести в ее пользу? Нам известно, что в 1179 году у князя Всеволода Святославича родился сын Михаил, а данные о его смерти, вплоть до известного происшествия в ставке Батыя, отсутствуют[1]. Разбор источников показывает, что в них имеется лишь одно прямое свидетельство в пользу традиционной версии. В описании похода владимирского князя Юрия Всеволодовича и Михаила Всеволодовича на Новгород (1224) Новгородская Первая летопись и Московский свод конца XV века говорят, что «бе бо Михаило шурин Юрью»[2]. И действительно, в 1211 году владимирский князь Всеволод Юрьевич приводит «за сына своего за Георгия невесту ис Кыева Всеволожу дщерь Святославича и венчася у святое Богородици соборные в Володимери месяца априля 10». В. Н. Татищев дает в своем труде подробное описание путешествия невесты из Киева во Владимир, не оставляющее сомнений в том, что она выехала именно из Киева и что она именно дочь Всеволода Чермного. А если так, то названный в летописи шурином Юрию Михаил Всеволодович действительно оказывается сыном Всеволода Чермного.

А вот аргументы противоположного свойства: с 1179 до 1223 года, то есть на протяжении 44 лет, о Михаиле Всеволодовиче, сыне Всеволода Чермного, сведений почти нет — кроме свидетельства о его детской болезни (1186), кратком княжении в Переяславле (1206) и женитьбе в 1211 году. С 1223 года, когда на сцену явно выступает «мученик» Михаил, он оказывается едва ли не самым заметным действующим лицом всех произошедших на протяжении двух десятилетий событий. К тому же старший сын его Ростислав рождается только около 1224 года. Все это более соответствует представлению о существовании в ту пору двух Михаилов Всеволодовичей, из которых известной личностью был только второй.

В 1227 году дочь Михаила Всеволодовича Феодулия, 15-ти лет, постригается в монахини в суздаль-

ском Ризположенском монастыре. Достаточно поставить вопрос: каким образом 15-летняя дочь Михаила Всеволодовича при жизни отца оказалась в монастыре и не где-нибудь, а в Суздале, отчине Юрия Всеволодовича, — чтобы усомниться в том, что Михаил приходился шурином Юрию. Для того чтобы девушка на выданье оказалась в монастыре, да еще не в отчине своего отца, а на чужбине, ее должны были к этому времени уже выдать замуж. И в житии умершей около 1250 года и канонизированной в XVI веке Евфросиньи-Феодулии Суздальской действительно говорится о том, что Феодулия была невестой суздальского князя и ушла в монастырь после того, как ее жених умер накануне свадьбы. Можно со значительной долей уверенности предположить следующее: в 1211 году Михаил и Юрий женятся, и у них примерно в одно время рождаются дети[3]; после битвы на Калке князья вступают в союз и решают обручить своих старших детей. В 1227 году Феодулия отправляется для венчания в Суздаль, отчину своего будущего мужа, и после его внезапной смерти постригается там в монастыре.

Время гибели Михаила Всеволодовича тоже указано неверно.

В летописях это 20 (или 23) сентября 6753 или 6754 года. Папский посол Плано де Карпини, совершивший путешествие в Монголию и дважды — в марте 1246 и в мае 1247 года — побывавший в ставке Батыя, также сообщает о «недавней» гибели Михаила.

В литературе с давних времен утвердилась более поздняя — 1246 год — датировка. Для Н. М. Карамзина выбор ее представлялся естественным: 6754 год стоял в пергаментных списках Троицкой и Пушкинской летописей.

На самом деле при датировке одного и того же события двумя смежными годами большая дата является сентябрьской или — чаще — ультрамартовской и потому из нее для получения современной даты должно вычитать не 5508, а 5509 лет.

Впрочем, эта ошибка — удлинение на целый год жизни Михаила Черниговского — не является самым ярким примером странной слепоты, уже не одно столетие преследующей отечественную историографию.

Земная и посмертная судьба Михаила Черниговского высвечивает скользкий и из-за своей явной «непатриотичности» не популярный в литературе вопрос о позиции русских князей в пору монгольского нашествия. Почему Русь — в отличие, например, от маленькой Венгрии, также подвергшейся опустошительному нашествию, — не смогла отстоять свою независимость? Почему никто из живших в ту пору русских князей — ни Михаил Всеволодович, ни Юрий и Ярослав Всеволодовичи Владимирские, ни Мстислав Глебович Черниговский, ни Даниил Романович Галицкий — не остался в народной памяти в качестве символа борьбы с захватчиками? Таковыми же оказываются не канонизированные русской православной церковью некая Авдотья Рязаночка да Евпатий Коловрат.

Накануне нашествия на Руси было четыре сильнейшие земли — Владимирско-Суздальская, Смоленская, Волынская и Черниговская, каждая из которых могла при благоприятных условиях объединить под своей властью все русские земли, но не имела на это достаточно сил, что, впрочем, заведомо не было известно никому и что можно было определить лишь на поле брани.

Помимо чисто военного пути разрешения противоречий существовала возможность договора. Известны две попытки достичь такого соглашения в XIII столетии. О первой мы узнаем из книги В. Н. Татищева: согласно его данным, в начале 1204 года галицко-волынский князь Роман Мстиславич обратился к русским князьям с предложением впредь после смерти киевского князя Рюрика Ростиславича избирать нового великого князя на съезде 6 князей — суздальского, галицкого, черниговского, смоленского, полоцкого и рязанского — наподобие того, как это делается в германской Священной Римской империи[4]. Предложение Романа не встретило поддержки князей. Вторая попытка была сделана в 1223 году перед лицом монгольского нашествия: в совместный поход на помощь половцам выступили галицкие, волынские, смоленские, киевские, черниговские, ростовские войска (впрочем, опоздавшие с выступлением). Однако этот последний общерусский поход из-за неспособности «старейших» князей[5] договориться привел к бесславному поражению на Калке.

Наиболее заметными тогда из русских князей были Михаил Всеволодович Черниговский, Даниил Романович Галицкий, Ярослав Всеволодович Переяславский. Стоит обратить внимание, что каждый из них имел основания считать свое положение не достойным себя: Михаил Всеволодович не мог мириться с последствиями поражения в 1212 году, отодвинувшего Ольговичей на вторые роли в общерусских делах, что прежде всего выражалось в утрате контроля над Киевом и Новгородом, где в начале XIII века подолгу сидели смоленские князья; Даниил Романович, с детства испытавший немало унижений от венгров, поляков, галицких и волынских бояр, наверняка хотел добиться могущества отца, державшего в конце жизни в своих руках Галич, Волынь и, по существу, Киев; Ярослав Всеволодович явно тяготился обязанностью повиноваться своему старшему брату и в качестве компенсации за это стремился овладеть Новгородом и Киевом.

Компромисс между князьями был вряд ли достижим, а жестокое противоборство не сулило русской земле ничего, кроме ослабления накануне монгольского нашествия.

И можно только горько сожалеть о том, что эти русские князья (так же как и их предшественники) не умели «зреть сквозь целое столетье», что они не вняли примеру Андрея Боголюбского, за полвека до них сумевшего отказаться от борьбы за Киев и начавшего укреплять силу своей — Владимирско-Суздальской — земли, что они вместо того, чтобы поднять значение своих столиц (Смоленска, Чернигова, Владимира-Волынского), стремились любой ценой овладеть чужими им Киевом, Новгородом, Галичем. Но констатация этого факта не помогает понять, почему завоевание Руси оказалось столь успешным для монголов, почему воинственные русские князья не проявили себя в борьбе с завоевателями. Ведь самым, пожалуй, удивительным во всей этой истории является то, что ни один из названных князей в пору нашествия вообще не вел никакой борьбы с завоевателями. Почему?

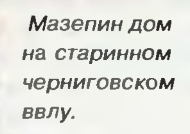

Черниговские соборы: Борисоглебский и Спасопреображенский.

Мазепин дом на старинном черниговском ввлу.

Казнь Михаила, князя Черниговского. Старинный серебряный барельеф.

Перейдем к фактам. Усобица 1234 года началась с того, что сын Мстислава Романовича Изяслав, вероятно посчитавший себя обделенным волостями, полученными от дяди, киевского князя Владимира Рюриковича, заключил союз с Михаилом Всеволодовичем и вместе с ним осадил Киев. На помощь киевскому князю поспешили галицкие войска во главе с Даниилом Романовичем. Михаил отступил к Чернигову, а Изяслав — по давнему обычаю русских князей — обратился за помощью к половцам. Тем временем галицкие и киевские войска осадили Чернигов. После ожесточенных боев Михаилу «некакой хитростью» удалось разбить противников и вынудить их начать отступление к Киеву. На помощь Михаилу шли половцы во главе с Изяславом Мстиславичем. В сражении под Торцким черниговско-половецкое войско добилось победы, а Владимир Рюрикович попал в плен к половцам. Изяслав обосновался на киевском столе, а Михаил преследовал бежавшего с поля боя Даниила и благодаря поддержке галицких бояр, в очередной раз изменивших своему князю, беспрепятственно занял Галич. Даниил остался княжить на Волыни.

В начале 1235 года в дело вмешался Ярослав Всеволодович, который изгнал из Киева Изяслава Мстиславича, однако вскоре заключил с ним договор, согласно которому Изяслав возвращался на киевский стол, но обязался самостоятельно выкупить Владимира Рюриковича у половцев и посадить его на княжение в Смоленск. Изяслав взыскал требуемую сумму с «немецких», то есть иноземных, купцов и освободил Владимира из плена. Тот в ответ, собрав силы, изгнал племянника из Киева и вновь занял киевский стол. Михаил Всеволодович пытался оказать помощь своему союзнику, однако Владимиру при поддержке Даниила удалось отразить наступление галицких войск.

В 1236 году в силу неких причин Владимир Рюрикович уступил киевское княжение Ярославу Всеволодовичу, а сам отправился княжить в Смоленск. В ответ на это Михаил Всеволодович, оставив в Галиче своего сына Ростислава, выступил на Киев и заставил Ярослава бежать оттуда. В итоге киевское княжение досталось Михаилу.

В 1237 году Даниил Романович воспользовался новой изменой галичан и, узнав об уходе Ростислава в поход на Литву, хитростью овладел Галичем. Ростислав, по всей видимости, возвратился к отцу в Киев или же направился в Венгрию ко двору короля Белы IV.

Зимой 1238 года монгольские орды, разорив Рязанскую землю, вторглись в пределы Владимирско-Суздальской земли. Юрий Всеволодович оставил во Владимире семью и отправился на соединение с войсками своих братьев, однако Ярослав и Иван Стародубский, в руках которых было не менее половины сил всей Владимирско-Суздальской земли, на помощь ему так и не подошли. В итоге Юрий вынужден был отступить за Волгу и 4 марта погиб при загадочных обстоятельствах на реке Сити. О действиях Ярослава во время нашествия летописи ничего не сообщают, лишь Никоновская летопись упоминает, что после ухода татар Ярослав вернулся в разоренный Владимир из Новгорода. Видимо, предприимчивый князь счел за лучшее пересидеть нашествие в безопасном месте. После же гибели старшего брата он стал на законных основаниях великим князем владимирским. Отметим также, что примерно в это время Михаил Всеволодович заключил договор о браке своего сына Ростислава с дочерью венгерского короля Белы IV Анной.

3 марта 1239 года татары штурмом взяли Переяславль Русский, который со времен Всеволода Большое Гнездо был подвластен владимирским князьям. Осенью этого же года монголы вторглись в Черниговскую землю, в которой в ту пору княжил Мстислав Глебович, и 18 октября после ожесточенного сражения взяли столицу княжества. Мстиславу Глебовичу удалось спастись. Оказывал ли находящийся в Киеве Михаил Всеволодович поддержку Черниговской земле — неизвестно; скорее всего, нет, поскольку Мстислав Глебович во время усобицы 1234 года воевал на стороне его врагов.

И здесь начинается самое интересное. Монголы предлагают русским князьям мир. Что ж тут такого невероятного? Разумеется, платой за этот мир может быть лишь добровольное признание власти монголов и уплата им дани. И оказывается, что Мстислав Глебович Черниговский, Владимир Рюрикович Смоленский и Даниил Романович Галицкий добровольно, а двое последних даже без борьбы признают власть завоевателей.

Но обнаруживается и другое: киевский князь Михаил Всеволодович отказался это сделать! Дальнейшие действия монголов, описанные во всех летописях, подтверждают это: к Киеву движется тумен во главе с Менгу, который становится лагерем у Песочного, на другом берегу Днепра, напротив Киева, и повторно шлет к Михаилу послов. Что именно требовал Менгу, «хотя прелестити их», — неизвестно, но киевляне то ли по приказу Михаила расправились с послами, то ли просто «не послушаша» их[6]. После этого завоеватели, не решившись малыми силами штурмовать Киев, ушли в Половецкую степь. Далее в летописях следует странное, совершенно немотивированное сообщение о том, что Михаил вместе со своими домашними бежал «перед Татары» в Венгрию, заставляющее предполагать, что либо оно является ложным, либо Михаил был отчаянным трусом и притом психически больным человеком, не способным ясно оценивать последствия своих поступков.

Вероятнее всего, что его оболгали. Тем не менее бегство Михаила из Киева в Венгрию действительно произошло в конце 1239 или в начале 1240 года. За монгольским посольством к Михаилу непосредственно следуют такие события.

В том же 1239 году — в Смоленске? — умер Владимир Рюрикович. Воспользовавшись этим, литовцы во главе с Эрдвилом захватили Смоленск[7]. На помощь смолянам из недавно разоренной монголами Владимирской земли выступил Ярослав Всеволодович «и Литву победи, а князя из изыма. Смоляны же урядив, посади у них князя Всеволода Мстиславича на столе, внука Романова Ростиславича, а сам со множеством полона и с великою честью приде въсвояси». Однако данному известию в ряде летописей предшествует сообщение о том, что «Ярослав иде к Каменцю, а град взя, а княгиню Михаилову с множеством полона приведъ въсвояси». Галицко-Волынская летопись уточняет, что Ярослав отослал жену Михаила Елену Романовну к ее сводным братьям — Даниилу и Василию Романовичам.

Данные сообщения нуждаются в комментарии, ибо подаются в летописях настолько обрывочно и невнятно, что, строго говоря, нет твердых оснований утверждать, что походы Ярослава к Смоленску и к Каменцу согласованы во времени. Более того, они в летописях разделены рассказом о падении Переяславля и Чернигова, а иногда и прочими малозначимыми известиями, причем сообщение о послах Менгу к Михаилу дается еще позже, под 6748 годом, в качестве преамбулы к истории взятия «татарами» Киева. Вот тогда и получается, что «Михаил бежа... перед Татары в Угры», а Ярослав Всеволодович, совершивший непосредственно перед этим огромный переход из Владимирской в Киевскую землю, оказывается к этому как бы непричастным. Тем самым скрывается факт удивительной согласованности действий Ярослава, за год до этого предавшего своего старшего брата, с желаниями монголов: едва только объявился на Руси князь, посмевший открыто проявить непокорность завоевателям, как среди русских князей тут же нашелся тот, который пошел войной на «бунтовщика». Разумеется, нет никаких прямых данных о том, что Ярослав действовал так по воле монголов, но предположить это вполне возможно.

Дальнейшие события разворачивались так: зимой 1239/40 года венгерский король Бела IV отказался выдать свою дочь замуж за Ростислава Михайловича и изгнал его и Михаила из Венгрии. Михаил отправился в Польшу — сначала к дяде, а затем к своему бывшему союзнику Конраду Мазовецкому, однако и там не нашел понимания. Тогда ему не осталось ничего иного, как прийти с повинной к Даниилу Романовичу, в руках которого находилась жена Михаила. Даниил Романович принял Михаила и Ростислава, обещая первому в княжение Киев, а второму Луцк. Затем Даниил Романович отправился в Венгрию для переговоров о женитьбе своего сына Льва на дочери Белы IV Констанции и возвратился на Русь только после того, как вся Галицко-Волынская земля, включая подвластный ему Киев, была полностью разгромлена «татарами». При этом Даниил, увидев у Синеволодского монастыря множество спасающихся от погрома беженцев, повернул назад, в Венгрию. Галицко-Волынская летопись скромно умалчивает также о действиях во время нашествия другого Романовича, но последующие известия о его пребывании в Польше заставляют думать, что поведение Василька было таким же «достойным», как и поведение его старшего брата.

Словом, есть основания полагать, что не столько мощь монголов и обескровленность русских земель сделали возможным возникновение «монголо-татарского ига», сколько отсутствие политической воли русских князей к сопротивлению, предпочитавших ценой предательства сохранить и даже приумножить свою власть на Руси.

Примерно в 1241 году Михаил Всеволодович возвратился в опустошенный «татарами» Киев и около двух лет жил неподалеку от города. В 1243 году его сын выехал в Венгрию. В его отсутствие в Киеве сел воевода Ярослава Всеволодовича, что вынудило Михаила по возвращении на родину отправиться в Чернигов, где он провел последние два года своей жизни. В 1244 году хан Батый в числе прочих русских князей вызвал его в Орду, и Михаил Всеволодович, не имевший в ту пору, вероятно, ни душевных, ни материальных сил для борьбы с «татарами», отправился в Сарай.

Обстоятельства его гибели в общем-то сходно описывают «Житие» и Плано де Карпини, но свидетельства последнего для нас более интересны, поскольку папский посол не имел никакой личной заинтересованности в русских делах.

Черниговский Троицкий монастырь.

Чернигов. Борисоглебский собор. Фото Владислава Даркевича.

В главе о богопочитании «татар» он рассказывает о монгольском обычае в полдень поклоняться идолу императора, о том, что этому идолу они «заставляют поклоняться некоторых знатных лиц, которые им подчинены. Отсюда недавно случилось, что Михаила, который был одним из великих князей Русских... они заставили раньше пройти между двух огней; после они сказали ему, чтобы он поклонился на полдень Чингис-хану. Тот ответил, что охотно поклонится Батыю и даже его рабам, но не поклонится изображению мертвого человека, так как христианам этого делать не подобает. И, после неоднократного указания ему поклониться и его нежелания, вышепомянутый князь передал ему через сына Ярослава, что он будет убит, если не поклонится. Тот ответил, что лучше желает умереть, чем сделать то, что не подобает. И Батый послал одного телохранителя, который бил его пяткой в живот против сердца так долго, пока тот не скончался. Тогда один из его воинов, который стоя тут же, ободрял его: «Будь тверд, так как эта мука не долго для тебя продолжится, а тотчас воспоследует вечное спасение». После этого ему отрезали голову ножом, и у вышеупомянутого воина голова также была отнята ножом»[8].

«Житие» утверждает, что Михаил отказался проходить между огнями, а также называет имена других действующих лиц трагедии: вместо сына Ярослава говорит о племяннике Михаила Борисе Васильковиче Ростовском, «телохранитель» именуется Елдегой, «воин Михаила» — боярином Федором, а отрезавший голову Михаилу — отрекшимся от христианства Доманом (путивльцем, согласно Галицко-Волынской летописи)[9].

Самым же существенным дополнением Плано де Карпини являются его слова о том, как «татары» заключают мир с людьми: некоторые пришедшие к ним «государи» «не получают никакого должного почета, а считаются наряду с прочими презренными личностями, и им надлежит подносить великие дары как вождям, так и их женам... мало того, все вообще, даже и сами рабы, просят у них даров с великою надоедливостью... Для некоторых также они находят случай, чтобы убить их, **как это было сделано с Михаилом**... (выделено мною. — *А. Ж.*)»[10].

Так что, по данным папского посла, сами «татары» искали повода расправиться с Михаилом Всеволодовичем и потому всячески унижали его описанными выше способами, что и вынудило его занять твердую позицию и предпочесть смерть унижениям. Так победители рассчитались с русским князем, посмевшим в свое время оказать им сопротивление. Словом, дали урок всем прочим на будущее.

Нам же спустя 751 год после его героической гибели стоит извлечь совсем другой урок и помянуть Михаила Всеволодовича не как мученика, но как воина. И сделать это 27 сентября, ибо именно этот день по григорианскому календарю соответствует для XIII века юлианскому 20 сентября, дню гибели Михаила, а вовсе не отмечаемый церковью день 3 октября[11].

Примечания

1. Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в Татарское время. СПб., 1892. С. 67—68; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. I. М., 1962. Стлб. 509; Т. III. СПб., 1841. С. 41.
2. ПСРЛ. Т. XXV. М., 1949. С. 121; Т. III. С. 41; Т. VII. СПб., 1856. С. 133.
3. Умолчание в летописях об этом сыне Юрия Всеволодовича не может считаться серьезным доводом против, поскольку в них ничего не говорится и о времени рождения прочих сыновей Юрия, а младший Мстислав вообще упоминается лишь дважды — в связи с женитьбой в 1237 году и осадой Владимира татарами зимой следующего года.
4. Татищев В. Н. История Российская. Т. III. М., 1963. С. 169.
5. Трех Мстиславов — Мстислава Мстиславича Галицкого, Мстислава Романовича Киевского и Мстислава Святославича Черниговского.
6. Возможно, киевляне убили одно из посольств и не «послушали» другое.
7. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. М., 1992. С. 214.
8. Плано де Карпини И. История Монгалов. СПб., 1911. С. 8.
9. ПСРЛ. Т. VII. С. 154—155; Т. II. Стлб. 795.
10. Плано де Карпини И. Указ. соч. С. 34.
11. См., например: Пронштейн А. П., Кияшко В. Я. Хронология. М., 1981. С. 60. Печально сознавать, что ни русская православная церковь, ни многочисленные газетные и теле-«хронологи», изливающие свои «реки времени», не знают, как правильно переводить старинные юлианские даты на григорианский стиль.

Александр Векслер,
доктор исторических наук,
генеральный директор Центра археологических исследований
Управления охраны памятников г. Москвы
Владимир Пирогов,
архитектор

От Неглинной до Моховой

Манежная площадь – сквозь века истории

4 февраля 1990 г.

Центр предъюбилейной Москвы сегодня напоминает большую стройплощадку. Манежная площадь превращена в гигантский котлован, со дна которого поднимаются бетонные опоры и перекрытия запроектированного здесь Торгово-рекреационного комплекса (ТРК).

Одна из самых больших площадей Европы, она задумывалась в 1930-е годы как часть цепи непрерывных площадей, ведущих к Дворцу Советов, заложенному тогда на месте разрушенного храма Христа Спасителя. Однако дворец так и остался в проекте, и более полувека Манежная площадь представляла собой огромное асфальтовое поле, вокруг которого кружил поток машин.

В центре площади с 1967 года стоял закладной камень, на котором было начертано, что здесь собираются воздвигнуть памятник, посвященный 50-летию Великого Октября. С этого времени, до обратного переименования в Манежную, площадь так и называлась – «50-летия Октября».

Проследить прошлое этого места, непосредственно связанного с долгой историей города, впервые поручили сотрудникам Центра археологических исследований, производившим здесь раскопки в 1993–1995 годах.

Эта местность издревле называлась Занеглименьем, так как располагалась за рекой Неглинной, протекавшей здесь у Кремля и впадавшей в Москву-реку рядом с Боровицким холмом.

Средневековая скученная планировка Москвы, сложившаяся к XVIII веку, не отвечала установкам нового стиля – классицизма. Екатерина Великая не пожелала видеть перед своей дворцовой резиденцией в Кремле хаотическую грязную застройку с кривыми проулками. Волей императрицы в 1774 году и был учрежден Особый департамент по перепланировке старой столицы в духе новых веяний, а уже в следующем году появился «Прожектированный план» Москвы. «Вдоль нижнего колена реки Неглинной, которую предполагалось ограничить четкой линией

Сооружения верхнего яруса площади XVII–XIX вв.

Расшитый покров великосхимницы. Вторая половина XVII в.

Общий вид раскопок Воскресенского моста. Рисунок 1994 г.

Покров великосхимницы. Вторая половина XVII в.

берега, на древних плацдармах была намечена система связанных широкими проездами площадей по осям улиц Белого города, открывающих широкие панорамы Кремля и Китай-города...»[1] Вся застройка на месте Манежной площади подлежала сносу, для устройства здесь большой площади.

Наполеоновское нашествие и знаменитый московский пожар уничтожили, как отмечают исследователи, 80 процентов зданий города. Москва, и Манежная площадь в том числе, требовала скорейшего восстановления. С этой целью в 1813 году была учреждена Комиссия для строений города Москвы. По плану В. Гесте, присланному из Петербурга, в центре «предполагалось расчистить полукольцо площадей вокруг Кремля и Китай-города, а от здания Университета проложить новую Тверскую улицу»[2].

Многие положения этого проекта не учитывали исторически сложившейся структуры Москвы, и проектирование велось как бы по белому листу бумаги. План Гесте Комиссия отвергла, а за основу приняла новый план реконструкции, в котором в основном сохранялась и закреплялась историческая планировка, зафиксированная еще в 1775 году. Важную роль в этом градостроительном проекте сыграли архитекторы О. И. Бове и Ф. К. Соколов.

Вместо сгоревших зданий и торговых лавок по линиям внутренних переулков, Тверской и Моховой улиц строятся дома с обязательным расположением «Высочайше опробованных фасадов» по красным линиям. Тогда-то в основном и сформировалась застройка, фундаменты которой открылись взорам археологов.

В 1817–1819 годах река Неглинная была заключена в кирпичный коллектор.

Детальную характеристику планировки квартала, располагавшегося на Манежной площади, дает чертеж 1823 года Комиссии для строений – «План участку состоящему против Кремлевского сада в Тверской части во 2-м квартале»[3]. Плотную каменную, в основном двух-трехэтажную, в большей части торговую и складскую застройку прорезает от проезда вдоль Ма-

нежа до Тверской тупой Лоскутный переулок. Примерно от середины этого переулка отходит буквой «Г» Обжорный переулок, также выходящий к Тверской. Манежная площадь четко закреплена в сформировавшихся границах, и ее окружают трехэтажные здания, построенные по образцовым фасадам.

Пожалуй, наиболее впечатляющие раскопки проводились в северо-западной оконечности площади — напротив гостиницы «Националь», там, где в XVII веке был основан Моисеевский монастырь. Судя по древним рисованным планам Москвы XVI–XVII веков, Моисеевский монастырь являлся узловой градостроительной доминантой территории.

Возле Моисеевского монастыря находились дворы церковников кремлевских соборов и церквей, крестовых певчих. Вещественным подтверждением этому является найденный при раскопках монастыря надгробный камень XVIII века с могилы попадьи Кремлевского Верхоспасского собора. На противоположной стороне Моховой улицы, ближе к Большой Никитской, стояла церковь Георгия на Красной горке, известная с 1619 года, а в 1652–1657 годах перестроенная в камне[4]. Вокруг нее был обширный кладбищенский участок. Оба храма, находясь на возвышенном месте, создавали с прилегающими строениями и близлежащими церквами живописный силуэт начала Моховой улицы.

В результате исследований, проведенных в зоне строительного котлована, удалось восстановить планировку некрополя Моисеевского монастыря, основные этапы расширения его территории.

Свыше 600 погребений, обнаруженных здесь, были совершены в цельных долбленых деревянных колодах — гробовищах, а также в белокаменных саркофагах и кирпичных склепах.

При расчистке захоронений выявлен уникальный инвентарь, который представлен: нательными крестами — деревянными, каменными (серпентин, янтарь), металлическими (серебро, медь); стеклянными и костяными бусами; медными образками; медными, серебряными, костяными пуговицами; керамическими, стеклянными и металлическими сосудами-слезницами.

Интерес представляют расшитые ярким шитьем уборы-куколи, не имеющие аналога по степени сохранности не только в московской, но и в российской археологии в целом.

С погоста Моисеевского монастыря, оказавшегося в зоне котлована у соединения строящегося комплекса с метролинией, по завершении охранных археологических и антропологических исследований останки инокинь и московских мирян были эксгумированы и перезахоронены по православному обряду на ближнем подмосковном кладбище в Ракитках.

Слои XVII — начала XVIII века дали богатейший материал для исторического осмысления освоения местности и позволили по-новому взглянуть на градостроительную средневековую структуру центрального квартала Москвы.

Множество деревянных срубов, подклетов, хозяйственных построек и мостовых прекрасно сохранилось во влагонасыщенном грунте Занеглименья. После Смутного времени начала XVII века строительная деятельность вновь оживает. Осваиваются незастроенные и погоревшие участки в центре города. Найденные остатки построек отражают в основном торговую функцию местности. По левому берегу Неглинной от Воскресенского моста тянулись деревянные лавочки и скамьи Яблочного, Дынного, Огуречного, Ягодного, Капустного, Курятного, Охотного и Харчевого рядов[5]. На противоположном берегу, теснясь к реке и Тверской дороге, располагались лавки Крупяного ряда, а за ним Мучного. Периодически, «для уличного простору», выводилась на другое место торговля с Воскресенского моста, но это мало помогало. Однако один из вышеназванных рядов — Охотный — в 1670 году был окончательно переведен на другое место (на место гостиницы «Москва»), где образовалась в дальнейшем Охотнорядская площадь.

Фронт застройки формирующегося квартала по южной стороне Моховой улицы в XVII веке начинался корпусом богаделен Моисеевского монастыря. За ними располагались кузницы, от которых происходило второе название церкви Георгия на Красной горке — «за Неглинною против кузниц». Третьим по счету шло владение купца Силина с каменными палатами по красной линии, построенными, вероятно, в конце XVII века. Далее стояли деревянные обывательские усадьбы вперемежку с торговыми зданиями.

Резные костяные изделия XVI—XVII вв.

В ходе археологических раскопок были раскрыты белокаменные фундаменты дома купца Силина. Характерной особенностью основания являлось наличие набивных свай, предохраняющих постройку от проседания во влагонасыщенном грунте.

Исследования позволили раскрыть помещения здания и внутреннего двора, у стен которых обнаружен развал печи из расписных изразцов и расчищена углубленная белокаменная постройка-погреб купеческого дома, пол которой был сделан из толстых брусьев лиственницы.

Северную линию застройки улицы, помимо упоминавшейся церкви Георгия, составляли многочисленные дворы знати, издавна селившейся тут. Место Опричного двора Ивана IV занимало владение Шуйских, затем князей Черкасских. Напротив, через Большую Никитскую, располагалось владение Репниных, далее — Морозовых. Ближе к Тверской раскинулись усадьбы Барятинских и Голицыных. Планировка этого квартала строилась по слободскому принципу — все внутренние проезды ориентировались на центр города. Моховая улица имела бревенчатое замощение (частично вскрытое при строительстве коллектора в 1994 году) и имела плавные изгибы по мере движения к Боровицкой площади. Ширина ее у Моховой площадки составляла 11 сажен, а у Тверской 5 сажен.

В начале XVIII века местность, примыкающая к реке Неглинной у Кремлевских стен, подверглась значительной перепланировке. Это было связано с возведением Петром I в 1707–1708 годах земляных укреплений — «болверков» — вокруг Кремля и Китай-города на случай нападения на Москву Карла XII.

Русло реки сместилось ближе к середине площади в специально для этого вырытый ров глубиной до 8 м. Эти оборонные мероприятия не помешали дальнейшей застройке плацдарма.

Железные замки XVII—XVIII вв.

Ввиду упразднения торговли съестными припасами у Воскресенских ворот на правый берег Неглинной перенесли Харчевой и Обжорный ряды, расположившиеся на всем пространстве от реки до Моховой. Затем вместо Харчевых лавок появляются лавки Ветошного (Лоскутного) ряда и Толкучего рынка.

Застройка, расположенная от монастырских богаделен до Никитской улицы, по своему санитарному состоянию оставляла желать лучшего. Все это пространство было заполнено узкими, темными проходами и закоулками: «Тут были лабазы, лавки и лавчонки, построенные из досочек и лубков, в домах и при домах... Тут же был и питейный казенный дом — знаменитый «Скачок».

Немало беспокойства московским властям доставляла река Неглинная, превратившаяся в своем нижнем течении в сточную канаву. Насколько загрязнена она была в это время, видно из отношения в Каменный приказ обер-коменданта Кремля Ржевского — о спуске гнилой воды из мельничного пруда на Неглинной (от 2 марта 1776 года): «В рассуждении всякого от мясного ряду и харчевен нечистоты и помету происходит не только в летнее время, но и в зимнее, вредная мерзкая вонь, так что проезжающим в Троицкие ворота через мост, а паче мне и прочим живущим в Кремле, не меньше же и близь того пруда на Неглинной обывателем по той нечистоте может наносить вредительную болезнь».

Крупнейшим из найденных на Манежной площади архитектурно-археологических сооружений стал Воскресенский мост XVI–XVIII веков, соединявший берега реки Неглинной по трассе Тверской дороги. Впервые в столице исследовалось древнее гидротехническое сооружение такого масштаба.

Через Занеглименье пролегали древнейшие торговые дороги на Смоленск, Волок-Ламский, Тверь. К ним постоянно тяготела деревянная застройка — жилая и торговая. Трассы этих дорог сформировали в дальнейшем современные улицы Воздвиженку, Большую Никитскую и Тверскую. Древние дороги не раз меняли направление через территорию будущей Манежной площади, приближаясь к Кремлевским стенам. Связано это с освоением и планированием заболоченного правого берега реки Неглинной и долины ручья Успенского вражка. Проведенные археологические раскопки вскрыли слои XIII–XIV веков в районе Тверской улицы у Воскресенского моста через реку Неглинную. Особенно плотной застройка была именно у этого тогда еще деревянного моста (а до этого — брода).

Часовня святого князя Александра Невского. (Снесена в 1922 г.)

Анализ документов показывает, что в 1602–1603 годах старый дерево-земляной Воскресенский мост-плотина через Неглинку был заменен на каменный с кирпичными арками поверху. Возле моста размещалась водяная мельница. Тверская улица и мост были покрыты бревенчатой мостовой. Архитектура моста прекрасно видна на многих планах Москвы XVII века. Мост по обеим сторонам был

застроен торговыми лавками, что характерно и для многих европейских городов того времени.

Воскресенские ворота играли важную смысловую и градостроительную нагрузку, являясь вместе с рекой Неглинной как бы границей Великого Посада. Ворота композиционно «работали» на обширное пространство Занеглименья. Особенно это усилилось после их надстройки двумя каменными шатрами в 1689 году. Кроме того, после установки у стен ворот в 1666 году Иверской часовни они стали и одним из сакральных центров города. Ансамблевое звучание острого силуэта ворот усиливали здания Земского приказа и Монетного двора, сооруженные позади них в Китай-городе.

Мост и ворота визуально были неразделимы, составляя как бы единое целое. Их многочисленные изображения часто встречаются в живописи и графике XVIII–XIX веков.

Костяной резной крест. Конец XVII в.

Рисунок деревянных конструкций Воскресенского моста. XVII–XVIII вв.

В первой половине XVIII столетия застройка, обращенная к площади с южной и восточной сторон, укрупняется. За Кремлевскими стенами в 1702–1736 годах под руководством М. И. Чоглокова, а затем Х. Конрада было возведено здание Арсенала. Своей высотой и суровостью в сочетании с островерхими башнями Кремля Арсенал, или Цейхгауз, взял на себя функции основной композиционной доминанты окружающей местности. Ему вторили здания Нового Монетного двора, выстроенного в 1730 году у Тверской, рядом с Неглинной, и дворец Апраксина, вставший на месте Опричного двора. Воскресенский мост в 1740 году по проекту архитектора П. И. Гейдена получил белокаменную облицовку, а ширина дамбы плотины значительно увеличилась. Именно эти «гейденовские» остатки моста-плотины и были обнаружены при земляных работах.

После 1812 года Воскресенский мост был частично разобран и засыпан землей. Петровские бастионы начала XVIII века, окружавшие Кремль, были срыты, а их земля употреблена на засыпку и выравнивание местности вдоль русла спрятанной под землю Неглинки. На образовавшемся пустыре в 1820–1823 годах возникли Александровские сады (до 1856 года Кремлевские).

Фрагменты монументального белокаменного сооружения и деревянные конструкции плотины, которые были открыты в котловане, и станут основой специального, впервые создающегося в Москве археологического музея в подземном павильоне на Манежной площади.

В средневековых горизонтах культурного слоя площади прослеживаются многочисленные сооружения. В «органогенном» слое были открыты деревянные срубы — подклеты домов, погребники, ледники, колодцы с водоотводом.

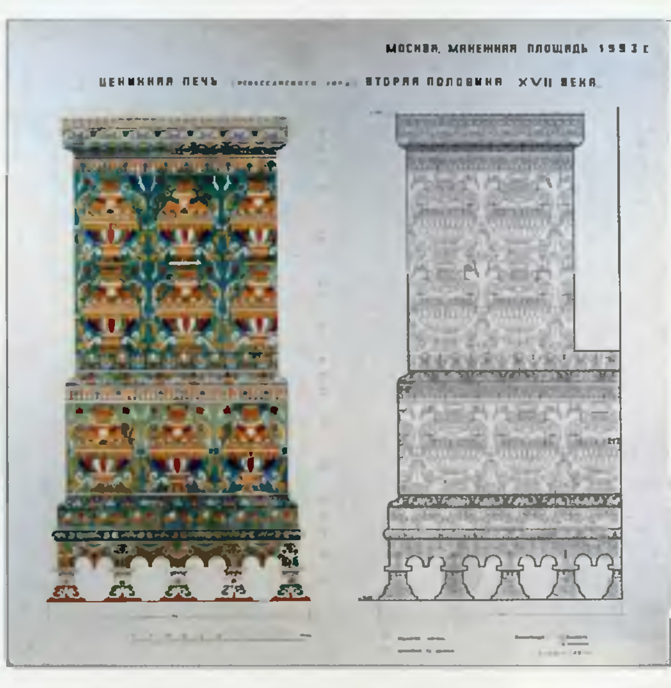
Костяная пороховница. XVIII в.

В горизонте конца XVI — начала XVII века обнаружены редкие терракотовые плитки, красные рельефные изразцы и облицовка печей. К этому же времени относятся предметы вооружения и воинского снаряжения — ружейные замки, пулелейки, костяные пороховницы, перекрестье рукояти сабли с тонкой гравировкой, каменные и металлические ядра. Уникальна находка кожаной кобуры седельного пистолета (олстры). В керамических развалах собраны десятки целых сосудов — горшков, кубышек, рукомоев. В одном из сгоревших погребов оказались белоглиняные корчаги и кувшины большой емкости с обугленным зерном.

От средневековых «транспортных средств» в земле остались и санные полозья, и тележные колеса. И это не случайно: ведь здесь издревле к Кремлю шли важнейшие сухопутные дороги. Их бревенчатые покрытия — древние настилы мостовых обнаружены на целом ряде участков Манежной площади. За века мостовые наслоились, и на одном из участков их было обнаружено пять ярусов, последовательно сменивших друг друга: в древности здесь лежал проезд, соединявший трассы Тверской и Волоцкой дорог.

Особо упомянем находку в слое Стрелецкой слободы — уникальный образок Георгия Победоносца, имеющий не только историческую, но и огромную художественную ценность.

В археологических слоях XIV–XV веков часто встречаются следы пожаров, опустошавших деревянную московскую застройку на протяжении столетий. В 1365 году от «Всехсвятского» пожара пострадала вся Москва, в том числе погорел дубовый Кремль и Занеглименский посад. И если к 1368 году Дмитрий Донской выстроил кремлевские укрепления в белом камне, то вдоль Неглинной Кремлевская стена долгое время оставалась деревянной. К концу XIV века «особенно быстрыми темпами развивался Московский посад, вернее посады, подступавшие к Кремлю не только с восточной напольной стороны, но и с западной, из-за реки Неглинной (Занеглименский посад)»[6].

Деревянные дома и церкви отстраивались и снова гибли в огне пожаров. Так, в 1382 году горожане сожгли свои посадские дома во время нападения Тохтамыша. В 1409 году при Едигеевом нашествии посад также горел, а в 1445 году город выгорел дотла. (Следы этих и других пепелищ прослеживаются практически во всех археологических раскопах на Манежной площади.)

При Иване III в связи с заменой белокаменных стен Кремля XIV века на новые кирпичные масштаб застройки центра Москвы укрупняется. В это время проводятся большие реконструктивные мероприятия и в Занеглименье. «А для безопасности города от пожаров государь повелел расширить посадское пространство по всей линии городовых стен так, чтобы строения отстояли от снет по мере на 110 сажен»[7]. Для чего были разобраны деревянные постройки и церкви. Этому решению способствовали частые пожары. Особенно страшные пожары, испепелившие город, случились во время постройки Кремлевской стены в 1488 и 1493 годах. «...И выгорел посад на Неглиною... И много скорбь людем бысть, и болени дву сот человек людей сгоре, а животов безчисленно выгоре, и все то погоре единаго дня о полудни».

Образовавшиеся после всех реконструктивных мероприятий широкие плацдармы вокруг Кремля и Китай-города служили стратегическим и противопожарным целям.

В течение первой половины XVI века во исполнение указа Ивана III застройки на большей части будущей Манежной площади практически не было. Лишь только на Тверской улице от реки Неглинной до Моховой стояли деревянные торговые шалаши и лавки, а северная сторона Моховой уже была плотно застроена жилыми дворами посадских людей и знати.

Важнейшим результатом исследований явилось обнаружение поселения, относящегося к эпохе до Батыева нашествия на Москву 1238 года. На шестиметровой глубине в предматериковом горизонте вдоль правобережья Неглинной найдены десятки стеклянных браслетов — хорошо известного археологам украшения древнерусских горожанок (производство их прекратилось после ордынского нашествия). Найдены и другие характерные для этого времени металлические украшения, шиферные пряслица и другие предметы. Здесь, несомненно, изначально стоял торгово-ремесленный посад, а, значит, пределы Москвы раннего средневековья были гораздо шире, чем ученые-москвоведы предполагали до сих пор.

Это существенно меняет наши представления о размерах Москвы 1147 года, когда появилось первое летописное упоминание о ней. К моменту исторической встречи двух князей в «Москве» у стен детинца уже существовала застройка, строили дома на берегу Неглинной, славяне-вятичи пахали здесь землю, пасли скот, развивали ремесла и торговлю...

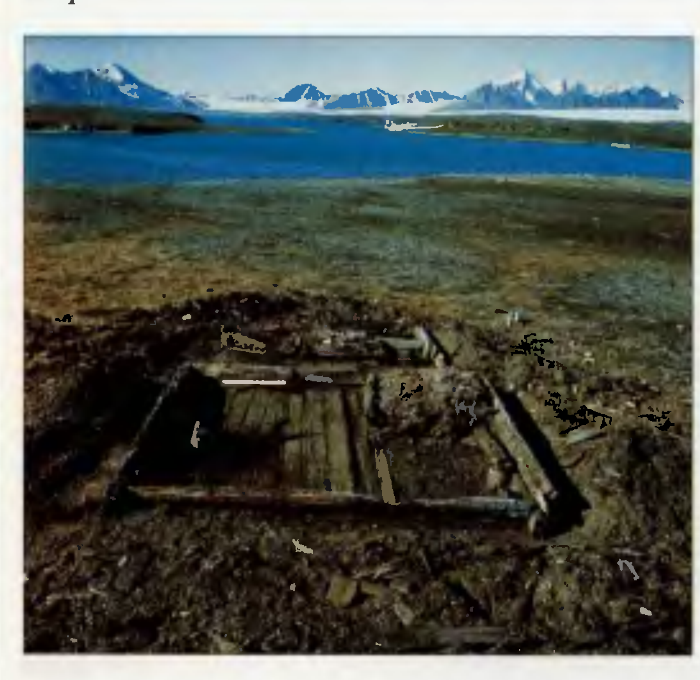
Примечания

1. Москва. Памятники архитектуры. Кремль, Китай-город, Центральные площади. М., 1982.
2. Бондаренко И. А. Красная площадь. М., 1991. С. 132.
3. ЦАНТД. Тверская часть № 286/306.
4. Александровский М. И. Исторический указатель московских церквей. М., 1917. ГИМ ИЗО, рукопись № 305.
5. Забелин И. Материалы для истории археологии и статистики г. Москвы. Т. 2. М., 1891. С. 1138.
6. Бондаренко И. А. Указ. соч. С. 15.
7. Забелин И. История города Москвы. М., 1905. С. 113.

Вадим Старков,
доктор исторических наук

Опасный путь на Грумант

Задолго до петровских реформ жители Русского Севера, поморы, зарекомендовали себя непревзойденными мореходами, первооткрывателями многих полярных земель и главных морских трасс Северного Ледовитого океана.

Первые упоминания о дальних, многодневных походах поморских судов относятся к XV веку. В то время, когда Россия вела активную борьбу с Ливонским орденом и Швецией за Прибалтику, наиболее безопасным оказался путь к северу от Скандинавии. В 1496 году в Данию отправился посланник Григорий Истома: часть пути до Тронхейма он совершил на четырех поморских судах, экипажи которых хорошо знали дорогу в Норвегию. В 1497 году морское путешествие из Дании в Россию совершили посланники Д. Зайцев и Рочев. И в последующие годы русские дипломаты широко использовали этот путь, красочно описанный Сигизмундом Герберштейном.

В XVI веке поморские капитаны уверенно водили суда на Новую Землю, Шпицберген, в устья Оби и Енисея, а в 1648 году экспедиция С. Дежнева впервые прошла проливом, отделяющим Азию от Северной Америки. О высоком уровне русской навигационной практики этого времени свидетельствуют составленные на севере России карты Баренцева и Карского морей. В 1525 году дипломат Д. Герасимов демонстрировал в Италии карту Московии с нанесенным на ней побережьем Северного Ледовитого океана.

В первой половине XVII века русские мореходы открыли и активно использовали четыре основные трассы в Баренцевом и Карском морях, берущие свое начало в Белом море (ходы, как назывались они в Поморье): Мангазейский морской ход, Новоземельский ход, Енисейский ход и ход Груманланский.

Путь в Сибирь — Мангазейский морской ход был наиболее сложным. Название это связано с летописным племенем малконзеев, некогда обитавшим в этих краях, от него же пошло и море Мангазейское, которым поморы называли Обскую и Тазовскую губы. Еще в XVI веке поморские первопроходцы основали в устье реки Таз промысловое становище Тазовский Городок, на месте которого в 1601 году был построен город Мангазея, игравший большую роль в дальнейшем освоении севера Сибири. Не случайно европейские картографы непременно отмечали его на географических картах континента.

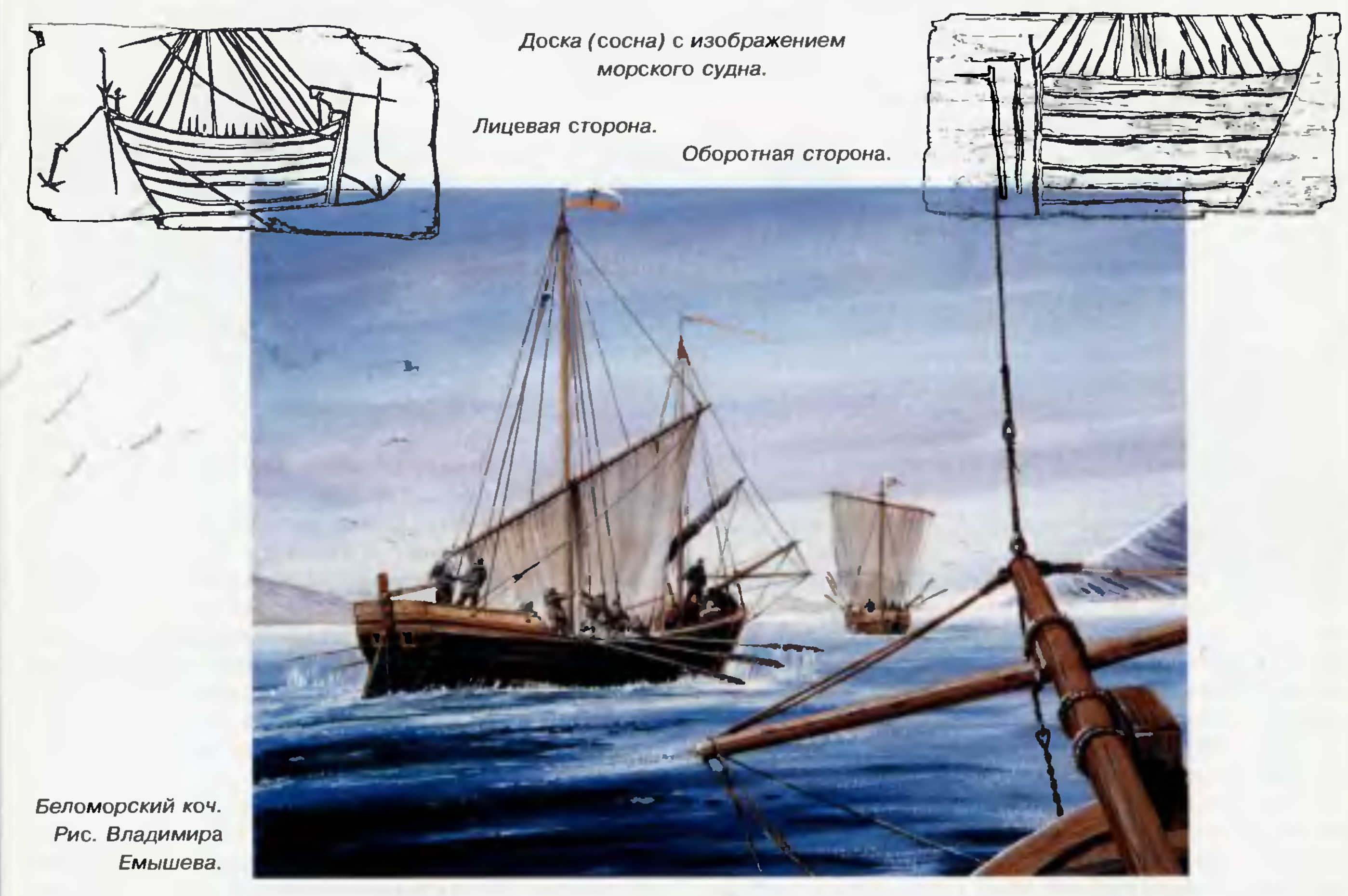
Мангазейский морской ход был морским не в полной мере. На отдельных участках пути он проходил по рекам и озерам, а при пересечении полуостровов Канин Нос и Ямал — по сухим волокам.

Ход — это целый комплекс навигационного обеспечения, включавший в себя самый рациональный, укороченный маршрут, оптимальное время выхода в плавание, обеспечение береговыми знаками, морскими картами, лоциями и особого вида судами. Стремились максимально сократить время плавания, чтобы избежать встречи с ледяным заслоном у полуострова Ямал. Путь из Архангельска до Мангазеи занимал примерно 5 недель. С учетом этого к ямальскому волоку суда должны были подходить не позднее чем на «Успеньев день» (14 августа) или в крайнем случае на «Семенов день» (1 сентября). Задержки в пути приводили к тому, что суда были вынуждены поворачивать на зимовку в Пустозерск.

Продолжением этого хода являлся путь в низовья Енисея. На русской карте Севера, изданной в 1612 году в Голландии Исааком Массой, намечены основные кроки Мангазейского морского хода, продолженного далее до Енисея по притокам Худосей и Малая Баиха, соединенным сухим волоковым путем.

Наряду с речным существовал и морской путь в устье Енисея — в обход полуостровов Ямал и Гыдан. Несмотря на то что рассказы участников этих походов наполнены информацией о непроходимых льдах к северу и востоку от Ямала, для опытных кормщиков «проезд к енисейскому устью есть... и большими кораблями из моря к Енисею пройти мочно».

Хорошо был известен русским мореходам путь к Новой Земле, где процветали зверобойные промыслы и располагались становища, особенно многочисленные на западном побережье Южного острова. В XVI веке русское судоходство в этом районе было весьма интенсивным. Об этом свидетельствуют многочисленные рассказы английских и голландских путешественников, совершавших плавания в северных морях в 1556—1597 годах. При этом иноземцы отмечали не только хорошее знание местной навигации русскими капитанами, но и отменные ходовые качества их судов, легко обгонявших новейшие западные корабли. О неплохой осведомленности русских в географии Новой Земли говорит хотя бы тот факт, что в 1594 году в Голландии была издана привезенная из России карта, на которой Новая Земля изображена уже в виде двух островов, разделенных проливом Маточкин Шар.

Доска (сосна) с изображением морского судна.
Лицевая сторона.
Оборотная сторона.

Беломорский коч. Рис. Владимира Емышева.

Особое место в системе русского арктического мореплавания занимал ход Груманланский. В отличие от путей на восток, ориентированных на прибрежное каботажное плавание, походы к Шпицбергену проходили в условиях открытого морского пространства.

По мнению известных исследователей Арктики Н. И. Зубова и М. И. Белова, первоначальный путь на Грумант (русское название Шпицбергена) мог также проходить по принципу каботажного плавания: вдоль кромки многолетних льдов, которые, подобно мосту, соединяли Новую Землю с архипелагом Шпицберген. Однако уже во второй половине XVI века русские мореплаватели освоили прямую трассу из Белого моря к Шпицбергену, которая проходила вдоль северных берегов Кольского полуострова, а затем открытым морем в северном направлении. Это и есть знаменитый ход Груманланский.

Различные условия мореплавания по каждому из ходов не могли не сказаться на составе северорусского флота. В его основе лежал коч — единственный в то время тип морского судна ледового класса. В зависимости от конкретных условий эксплуатации, то есть от обслуживания того или иного хода, кочи имели несколько модификаций.

Из расспросных речей поморских кормщиков, записанных в Мангазее в 1616 году, видно, что кочи делились на два основных типа: малые и большие. «От Архангельского де города, из Колмогор и с Пенеги ходят они в Мангазею... в малых кочах... а в Енисейское устье малыми и большими кочами».

Итак, Мангазейский морской ход и речной вариант Енисейского хода обслуживался так называемыми малыми кочами. Облик этого судна передают несколько его изображений, сделанных с натуры в XVI—XVII веках. Среди них особую ценность имеют четыре рисунка, вырезанные на деревянных предметах, которые были обнаружены при раскопках «Златокипящей Мангазеи». На них малые кочи предстают в виде одномачтовых судов с высокими бортами, седловатыми в средней части корпуса. Форма кормы по рисункам не угадывается, но, судя по другим изображениям малого коча, она имела эллиптическое закругление. Это были небольшие по размеру суда, длина которых не превышала восьми метров. На борт они брали около семи тонн груза и 10—12 человек.

Интересное описание малого коча приводит в своих записках голландский ученый Николас Витсен, который назвал его «круглым судном» из-за яйцевидного обвода корпуса и отсутствия далеко выступающего киля. Такая конструкция давала судну немало преимуществ: оно легче перемещалось по каткам на волоках, не заваливаясь набок; благодаря высокой осадке не боялось мелководий и меньше страдало от ледового сжатия, поскольку выпиралось на поверхность льдин (качество, позднее использованное Фритьофом Нансеном при строительстве известного судна «Фрам»).

Принято считать, что парусное оснащение малого коча (как и большого) было ограничено одним большим парусом. Действительно, именно таким выглядит это судно на мангазейских рисунках и на одной из гравюр, помещенных в книге Г. де Фера, спутника В. Баренца, который опубликовал свои записки после возвращения из плавания 1596—1597 годов по северным морям.

Однако на одном из рисунков еще одного участника нидерландских экспедиций — комиссара похода 1594 года И. Х. ван Линсхоттена имеются изображения двух малых кочей, совершающих плавание вблизи острова Кильдин. Они оснащены косым треугольным стакселем, прикрепленным к мачте с передней стороны, и прямым шпринтовым парусом. Особенностью такого паруса являестя то, что он растягивается при помощи диагонального рейка — шпринтова. При резком усилении ветра шпринтов быстро отделяется от мачты, уменьшая тем самым площадь паруса. Подобная оснастка делала судно более маневренным и облегчала управление парусом.

Малый коч являлся, вероятно, наиболее ранним типом северорусского морского судна, на основе которого развились другие виды кочей, в том числе большие, предназначенные для дальних переходов к Шпицбергену, Новой Земле, в моря сибирской Арктики.

Исторические документы этого времени пестрят упоминаниями о больших кочах. Так, в челобитной крестьян Пустозерского острога говорится, что в Поморье наряду с малыми кочами строятся «большие суда», на которых «мезенцы и пинежане к морским островам ходят и всякие промыслы ведают». Много упоминаний о больших кочах и в расспросных речах поморских мореходов: «...а другая дорога в Енисейское устье большими судами». О специальном судне, предназначенном для плавания к Новой Земле, говорится в рассказе о промышленнике Родионе Левашове, опубликованном Витсеном в 1662 году. Такие суда имели название «новоземельский промышленный коч». Помимо Новой Земли на них ходили к Енисею и далее к востоку от полуострова Таймыр.

В одном из документов, датированном 1595 годом и представляющем из себя акт о приемке вновь построенного судна, приводятся важные сведения о конструкции новоземельского коча. Из него мы узнаем, что такое судно имело длину 21,5 м и ширину 7,5 м. Грузоподъемность его достигала 32 тонн.

Обнаруженный при раскопках в Мангазее рисунок большого коча позволяет судить о его облике и оснастке. Рисунок схематичный, но довольно подробный. Он изображает совершенно иной тип судна, не сопоставимый с малыми кочами. Оно гораздо массивнее, имеет большие размеры, сложнее по конструкции и оснастке. Корпус судна типично морской, с высоко поднятыми полубаком и полуютом, что давало возможность судну свободно держаться на волне, не позволяя воде заливать палубу посредине надстроек. Судно оснащено двумя мачтами со сложным такелажем и прямыми парусами, а также бушпритом. Не вызывает сомнения, что подобное судно было предназначено для морских походов. Невозможно представить себе, чтобы его можно было вручную, силами одной команды перемещать по волоку в условиях сырой тундры.

Трудно сказать, когда именно русские мореходы впервые появились у берегов Шпицбергена, но произошло это не позднее середины XVI века. Археологические исследования, проведенные там, позволили выявить многие десятки исторических памятников, оставленных русскими поморами. Шесть из них датируются XVI веком. Это самые ранние свидетельства пребывания людей на архипелаге Шпицберген. Они появились здесь задолго до плавания В. Баренца 1596 года, который открыл Шпицберген для Западной Европы. Редкой удачей можно считать находку нескольких текстов, вырезанных на деревянных предметах, которые сохранились в постройках XVI века. Они донесли до нас имена пионеров освоения Шпицбергена, проложивших первые пути к этому архипелагу более 400 лет назад: Иван Петров, Вапа Панов, Миреин...

Судовое обеспечение хода Груманланского также было основано на использовании большого коча, вернее, одной из его модификаций.

Создание подобного судна было бесспорной удачей поморских корабелов и повлекло за собой интенсивное освоение русскими удаленного арктического архипелага. Особенности природной среды Шпицбергена, обилие таких ценных промысловых животных, как морж, белуха, нерпа, песец, северный олень, белый медведь, а также разнообразной птицы — все это не могло не привлечь внимания первооткрывателей этой земли.

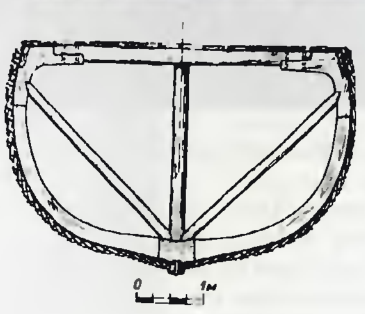

Особый интерес представляют крупные фрагменты поморских судов, обнаруженные на месте древних кораблекрушений на Земле Принца Карла и на восточном побережье Западного Шпицбергена. Эти детали дают представление о большом грумантском коче как о массивном, тяжелом судне. Его длина достигала 20, а ширина 6 м. Высота бортов составляла примерно 4,5 м. Важной конструктивной особенностью этих судов являлось максимальное противоштормовое и противоледовое укрепление корпуса. Основу бортовой конструкции составлял мощный шпангоутный набор без шпаций (зазоров между шпангоутами). С особой тщательностью были укреплены носовая часть и скула судна, где была применена мощная система горизонтальных деталей, способная противостоять фронтальным ударам большой волны и плавающего льда. Борта имели двойную обшивку.

Совершенно очевидно, что такая конструкция предназначалась для судна, которому предстояли плавания в особо трудных условиях, когда возможны встречи с льдами, айсбергами и сильными морскими волнениями. Только подобные условия могли вынудить поморских кораблестроителей до такой степени утяжелить и упрочить конструкцию судна.

Археологические раскопки не позволили, к сожалению, реконструировать оснастку судна, его парусное вооружение. Существующая точка зрения об оснащении кочей одним прямым парусом может вызвать лишь недоумение, если речь идет о судах шпицбергенского типа. Невозможно представить себе, каким образом одномачтовое судно, вооруженное примитивным прямым парусом, позволявшим идти лишь при попутном ветре, могло менее чем за 10 дней преодолеть воды Баренцева, Норвежского и Гренландского морей?

Ответ пришел из нидерландской картографии XVI века. Изучая морские карты авторитетного и скрупулезного голландского картографа Л. Вагенаера, я обратил внимание на миниатюрные изображения судов, бороздящих моря у северных берегов России. Особенно интересным оказалось судно на карте 1592 года, где оно на всех парусах идет вдоль северного побережья Кольского полуострова. Неподалеку от него курсирует большой корабль, пришедший, по-видимому, из Голландии, а также несколько более мелких суденышек.

Интересующее нас судно имеет все внешние признаки русского коча. Нос его тупой, массивный, борта слегка седловаты, плавно опускающиеся к середине. На транцевую корму навешен руль, управляемый румпелем. На корме же находится слабо приподнятая надстройка.

С этим описанием типичного коча никак не согласуется хрестоматийное представление о его парусном вооружении. Прежде всего оно далеко не примитивно. Судно двухмачтовое, с бушпритом, на который навешен большой прямоугольный блинд. Главная особенность оснастки — косые паруса, прикрепленные к мачте при помощи гафеля. Хорошо видны элементы стоячего такелажа — ванты и так называемые вожи — снасть, служившая для управления парусами. Парусное вооружение больших кочей не ограничивалось косыми парусами. На карте того же Л. Вагенаера, датированной 1593 годом, изображен коч, идущий под парусами смешанного типа: косым и прямым.

Подобная парусная оснастка совершенно по-другому характеризует большой поморский коч. Она давала ему возможность свободного маневра и позволяла двигаться по курсу при боковых и встречных ветрах.

Поморский флот XVI—XVII веков не сводился, конечно, к одним кочам. При ближних сезонных промыслах активно использовались лодьи, раньшины и другие более мелкие суда. Однако коч занимал особое место в системе арктической навигации. Именно это судно позволило поморам стяжать славу первооткрывателей многих высокоширотных территорий — от Шпицбергена до Берингова пролива.

Сергей Антоненко

«Мы пришли не о грамматике с тобою говорить...»

Староверы и власть на полотне Василия Перова

Поведение зрителей в залах вновь открывшейся Третьяковской галереи дает прекрасную возможность убедиться, насколько изменились за истекшее десятилетие – нет, не вкусы, а скорее эстетические вопрошания наших соотечественников. И едва ли не лучше всего это видно на примере восприятия творчества В. Г. Перова – «знáкового» для всей русской культуры XIX века мастера. Через залы, где выставлены его хрестоматийные вещи, посетитель теперь проходит не слишком задерживаясь, лишь отмечая: вот та самая картина, по плохой копии которой из школьного учебника его когда-то заставляли писать сочинение. Проходит – и застывает, завязая в нервно переговаривающейся толпе у «провальной», «путанной» работы, относимой прежними критиками к периоду угасания творческого гения художника, – у «Никиты Пустосвята». Это масштабное историческое полотно, буквально «съевшее» последние годы жизни В. Г. Перова (1879–1881), но так и оставшееся незавершенным, изображает кульминационное событие московской смуты 1682 года – последнюю попытку старообрядцев остаться в сфере политики, восстановить древнерусское православие в качестве государственного исповедания...

В. Г. Перов. Никита Пустосвят. Спор о вере. ГТГ.

Как известно, после смерти царя Федора Алексеевича на русском престоле оказались сразу два государя – родной брат покойного Иоанн, сын Алексея Михайловича от брака с Марией Милославской, и сводный – Петр, будущий император Петр Великий, рожденный царю Алексею его второй женой Натальей Нарышкиной. Фактически же вся власть оказалась в руках хищной, умной, энергичной царевны Софьи, главы партии Милославских. Такая ситуация стала возможной в результате инспирированного Софьей стрелецкого бунта 15–17 мая 1682 года.

«Софья посредством стрельцов избавила себя и своих от страшной беды, – комментирует складывавшуюся ситуацию С. М. Соловьев, – отогнала ненавистную мачеху (царицу Наталью Кирилловну Нарышкину) от правительства и сама стала правительницею. Ей было очень тяжело по смерти брата Феодора, в будущем представлялось еще худшее, и она в отчаянии, по инстинкту самосохранения, ухватилась за стрелецкие копья. Но были еще люди, которым было также тяжело и которые, по указанию Софьи, хотели ухватиться за стрелецкие копья, чтоб выйти из тяжелого положения, дать торжество своему делу. Стрельцы избили бояр, возвратили старшинство старшему царевичу (Иоанну): они сильны поднять и старую благочестивую веру, которую гонят никонианцы»[1]. В Титовом стрелецком полку уже на третий день после бунта рассуждали о том, чтобы изыскать старую православную веру, подать челобитную, чтоб власти и патриарх гласно и открыто дали ответ о причинах их ненависти к старым книгам и обряду. Во главе движения стрельцов стали иноки: Савва Романов (бывший келейник архимандрита Макарьевского Желтоводского монастыря), жители волоколамских пустынь отец Дорофей, отец Гавриил. Челобитную властям весьма искусно составил инок Сергий из Олонецкого края. Выслушав ее, стрельцы решили: «Подобает, братия, постоять за старую веру и кровь свою пролить за Христа-света; за тленное бо головы свои положили, за Христа-света для чего не умереть?» По совету начальника Стрелецкого приказа князя Хованского для участия в предстоящих прениях был приглашен известный своими ораторскими способностями суздальский священник Никита Константинов сын Добрынин, оставшийся в истории с прозвищем Пустосвят.

5 июля 1682 года произошли прения о вере в Грановитой палате Кремля. Приверженцы «старины» с самого начала стремились придать событию значение сакральное, с эсхатологическим подтекстом – должен был состояться не схоластический диспут в стиле Киево-Могилянской Академии, а подобие состязания святого Пророка Божия Илии со жрецами Ваала при горе Кармил. «Старообрядческие попы с раннего утра, отпев молебен, двинулись своего рода крестным ходом в Кремль. Предносили крест, Евангелие и икону Страшного Суда. Книги свои несли на головах с предносимыми свечами»[2], – пишет известный историк Церкви. По соглашению обеих сторон, под личные гарантии князя Хованского, арену словесного поединка решено было перенести с площади перед Архангельским собором внутрь дворца. Тот момент, когда спор в Грановитой палате сменился насилием, и запечатлен на картине Перова.

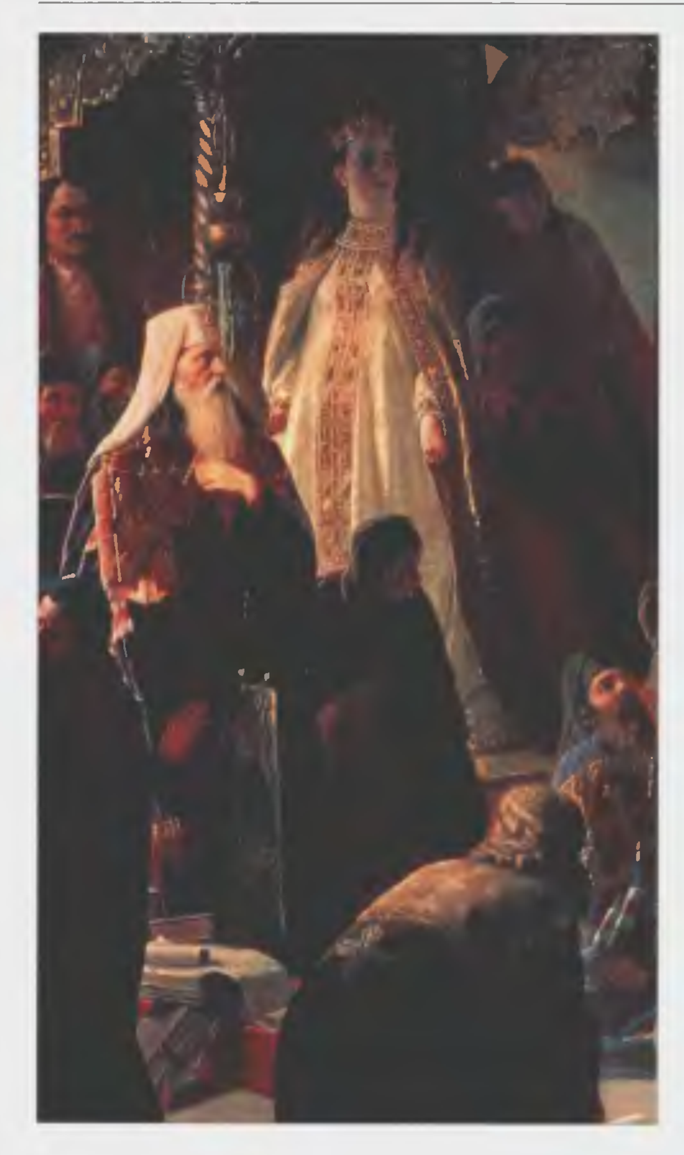
Фигура Никиты Добрынина. Фрагмент картины.

В центре полотна мы видим ярко и точно выписанную фигуру Никиты Добрынина – в священническом облачении, с осьмиконечным крестом в руке попирающего новопечатную книгу. Слово «Пустосвят» означает недействительность, «пустотность» совершаемых им таинств: Никита был лишен права священнодействовать и причастия за обличения своего архиерея, суздальского архиепископа Стефана. Продолжая активно выступать против «новин» в церковной жизни, он составил челобитную, об убедительности и богословской состоятельности которой говорит хотя бы то, что для ее опровержения один из лучших писателей того времени Симеон Полоцкий составил труд «Жезл правления». На соборе 1666 года Никита был анафематствован, отлучен от церкви. Ему грозила смертная казнь, и ради спасения собственной жизни Добрынину пришлось принести формальное покаяние. К 1682 году Никита являлся едва ли не последним из крупных «расколоучителей», оставшимся в пределах Российского государства (после взятия 29 января 1676 года Соловецкого монастыря, казни протопопа Аввакума с соузниками 1 апреля 1681 года и массовой эмиграции в шведские, польские и турецкие пределы уцелевших священников старого поставления, то есть рукоположенных до Никоновых реформ). Возможно, своеобразный исторический фатализм вместе с желанием искупить грех вынужденного отступничества обусловили дерзновенное поведение Пустосвята 5 июля в Грановитой палате.

Собственно, никакого соборного обсуждения в палате не состоялось. Старообрядцы стремились просто «выкрикнуть» свою правду. Им противостоял патриарх Иоаким с синклитом духовенства. Иоаким известен своим заявлением: «Я не знаю ни старой веры, ни новой, но что велят начальницы, то я готов творить и слушать их во всем». С именем этого патриарха связано дело позорное, небывалое на Руси, известной своим трепетным отношением к почитанию святых: деканонизация в 1677 году св. княгини Анны, супруги св. Михаила Тверского. Почитание св. Анны Кашинской было восстановлено в Русской Церкви лишь при последнем Государе. Патриарх Иоаким изображен на картине стоящим около трона в белом клобуке с книгою в руках («Вот старые книги, – сказал он во время спора, – и мы им вполне последуем»).

Когда старообрядческие отцы вошли в Грановитую, патриарх обратился к ним с вопросом: «Зачем пришли в царские палаты и чего требуете от нас?» Никита ответил: «Мы пришли к царям-государям побить челом о исправлении православной веры, чтоб дали нам свое праведное рассмотрение с вами, новыми законодавцами, и чтоб церкви Божии были в мире и согласии». На это возражая, патриарх сказал, что Никита и его товарищи не имеют права исправлять церковные дела, так как они еще «грамматического разума не коснулись». «Мы пришли не о грамматике с тобою говорить, а о церковных догматах!» – гордо ответствовал Никита. На дальнейшие претензии Никиты попробовал было ответить Афанасий, епископ Холмогорский. Будучи родом из Зауралья, в своей монашеской юности он активно выступал за «старину», но после ареста при Тобольском митрополичьем доме явно «отрезвел». Впоследствии стал деятельным сподвижником Петра I. Услышав возражения Афанасия, Никита бросился на него с поднятой рукою: «Что ты, нога, выше головы ставишься? Я не с тобою говорю, а с патриархом». Далее, как утверждают некоторые источники, Никита «заушил» епископа, ударил его массивным крестом и даже «бил и терзал» его. Все это не соответствует истине. Стрелецкие выборные поспешили оттащить Никиту от епископа. Раздувать скандал, представляя правительственную сторону пострадавшей, апеллируя к воинской гордости

стрельцов, было на руку Софье: «Видите ли, что Никита делает? В наших глазах архиерея бьет, а без нас и подавно бы убил... Неужели вы, верные слуги нашего деда, отца и брата, в единомыслии с раскольниками? Вы и нашими верными слугами зоветесь: зачем же таким невеждам попускаете?» «Раскольники» пробовали возражать: «Нет, государыня, он не бил, только рукою отвел». Епископ Афанасий на картине представлен упавшим на подножие трона, запутавшимся в складках архиерейской мантии.

Фигура царевны Софьи. Фрагмент картины.

Из иных исторических лиц, изображенных Перовым, назовем царевну Софью, непоколебимо стоящую под тронной сенью. Исторически во время диспута на царских тронах сидели две царевны — Софья и тетка ее Татьяна Михайловна, пониже в креслах царица Наталья Кирилловна, царевна Марья Алексеевна и патриарх. Старообрядцы, пришедшие уничтожить все новшества, не замечали, какое небывалое новшество встречало их в Грановитой палате: на царском месте одни женщины, царевны-девицы открыто пред всем народом! Стоящий по правую руку от Софьи красивый молодой человек, чья фигура возвышается над двумя монахами, очевидно, Голицын, по мнению многих историков, автор проекта модернизации России, альтернативного Петровскому.

Хотя Никите удалось зачитать челобитную, не встретив возражений по ее существу, и старообрядцы выходили с диспута, радостно восклицая: «Победихом, посрамихом, препрехом!» — романтическая попытка реставрации Традиции была обречена. Правительство устроило для стрельцов празднества, выплатило им «наградные деньги» (фактически — плату за жизнь доверившихся им старообрядцев). Стрельцы не выказали никакой заинтересованности в судьбе старой веры. Вождей движения похватали поодиночке. Никиту Добрынина казнили 11 июля на Красной площади. Он оказался первым и последним в истории осужденным, которому отрубили голову на Лобном месте, откуда обычно читали царские указы...

Фигура «коварного толстяка». Фрагмент картины.

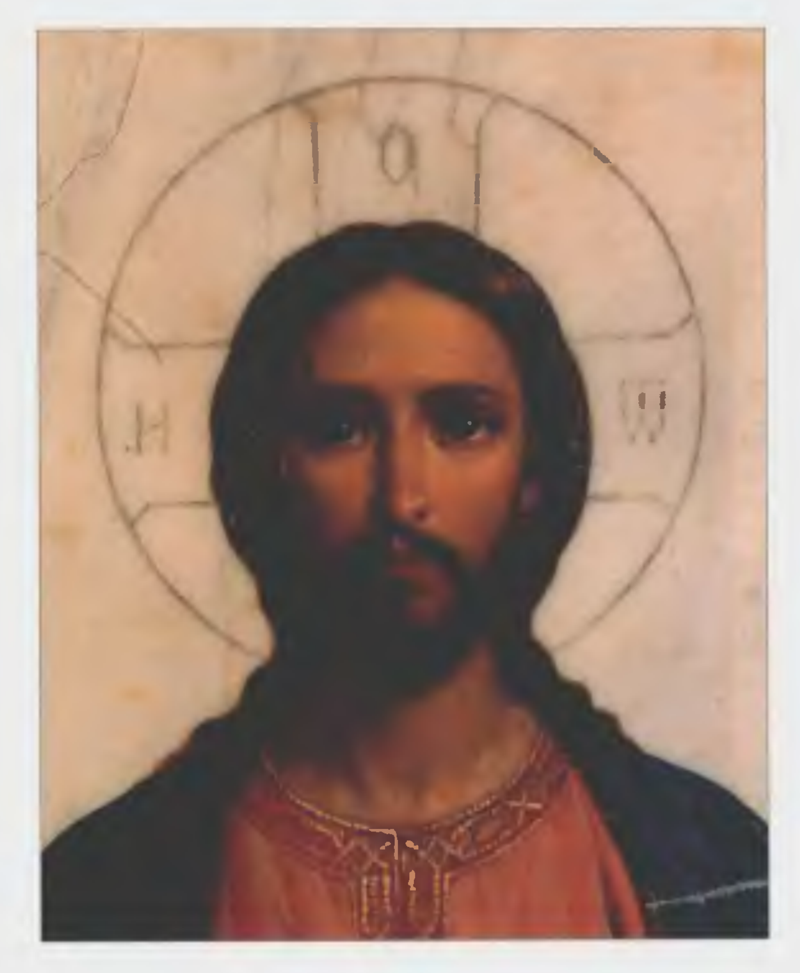
Спор о художественных и эстетических достоинствах последней крупной работы Перова продолжается вот уже более ста лет. Известный критик Стасов писал, сравнивая творчество Перова и композитора Мусоргского («Хованщина»): «У обоих авторов нет ничего враждебного, ничего нетерпимого к раскольничьей, сектантской Руси, не взирая на весь осадок нелепости, закоренелой темноты и дикости, присутствовавшей там рядом со множеством хорошего. Оба автора светло видели, видели всеми глазами души, сколько чудесного, могучего, чистого и искреннего было все-таки на стороне этой Руси, и всего более видели, как она была в своем праве, отстаивая свою старую жизнь и зубами, и когтями... Перов мало способен был к изображению многосложных сцен, событий, характеров, моментов — что он ни пробовал в этом роде, все не удавалось, все выходило слабо и неумело; но отдельные личности собственно из народа не могли ему не удаться, и вот поэтому-то в такой неважной, нестройной и неудовлетворительной картине, как «Никита Пустосвят», мы встречаем, среди общего запустения и неудачности, такие изумительные создания, как сам Никита и главный его товарищ, стоящий в нескольких шагах позади него с серебряным образом в руках... Только вся левая сторона картины, там, где царевна Софья, боярыни, русское православное духовенство и иностранные гости, — уже вполне лишена всякой талантливости, характеристики и правды...»[3]

Оригинальное видение смысла картины изложил в небольшом очерке писатель Н. Лесков: «Я полагаю, что картина «Никита Пустосвят» представляет собою удивительный факт художественного проникновения... Раскол есть дело не фанатиков и не политиков, а это дело неугомонных московских честолюбцев и интриганов, образовавших религиозную п а р т и ю, у которой были свои выгоды враждовать с «грамотеями», ибо эти при своей образованности видимо «забирали верх» при дворах царском и патриаршем... Первый, кто рассмотрел настоящую суть этой махинации, была Софья, и в остром взгляде ее круглых глаз на картине, при виде безумного азарта Никиты, кажется, надо видеть именно тот момент, когда она поняла, что тут никакие уступки не помогут, и сказала себе:

— Этот слишком далеко метит!

Непримирим, как видите, на картине один Никита... фанатики с ним, конечно, есть... но это все хвост, который Никита может откинуть в какую ему угодно сторону». Авторитетная власть без всякой животворящей идеи — такой изображена, по мнению Лескова, православная церковь. Всех безжалостнее и спокойнее стоят за своими аналоями иноки... «Понимают дело только уставший монах, Никита да Софья». Интрига лезет на все, и правительство решает не дать потачки интриге. «Лицо» же пройдошеской интриги — «коварный толстяк, который держит Пустосвята за одежду: «Оставь, отче, — мы его вдругорядь доспеем»[4].

Очевидно, чисто художническая проработка последней масштабной вещи Перова не дает возможности однозначно судить о позиции автора в самом Споре о вере. В этой связи представляется весьма убедительным мнение ведущего современного специалиста по творчеству художника — В. А. Петрова.

Спаситель. Икона В. Г. Перова.*

По его мнению, в картине Перова отражена эпическая традиция: суровое любование сцепкой, поединком двух сил, при сочувствии к одной, но без явной идеализации обеих. Истина, которую отстаивает Никита Добрынин, направлена против истории, «антиисторийна». Именно поэтому ее носитель не может быть классическим «положительным героем» в произведении, созданном человеком в рамках истории.

Эта же правда, не обретшая себе места на страницах летописей сынов Адамовых, безнадежностью тающего льда светится в глазах Спасителя на иконе, написанной уже смертельно больным чахоткой русским живописцем В. Г. Перовым...

*Редакция благодарит В. А. Петрова за предоставление слайда.

Примечания

1. Соловьев С. М. История России с древнейших времени. Т. 13. Гл. 3. (С. М. Соловьев. Сочинения. В 18-ти кн. Кн. VII. М., 1991. С. 270).
2. Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. М., 1992. Т. 2. С. 238.
3. Стасов В. В. Перов и Мусоргский (1834–1882 и 1839–1881)//Стасов В. В. Избранные сочинения. В 3-х т. Т. 2. М., 1952. С. 150–151.
4. Лесков Н. О картине «Никита Пустосвят»//Художественный журнал. 1882. № 11. С. 293–295.

Николай Павленко,
доктор исторических наук

Екатерина Великая

Глава II

3. Наступление на внешних врагов

Б. Патерсен. Большой (Каменный) театр.

В наследство от своих предшественников Екатерина II получила три главных направления во внешней политике. Первое из них — северное. Шведы постоянно стремились вернуть утраченные в петровские времена земли, но успех им не сопутствовал: зенит величия Швеции, достигнутый при Карле XII, при нем же был утерян безвозвратно. После Северной войны страна никак не могла восстановить свои экономические и людские ресурсы до уровня, достаточного для успешной войны с Россией. Это, однако, не исключало присутствия в Стокгольме сил, готовых воспользоваться любым удобным случаем, чтобы попытать счастья. О давних чаяниях шведов в Петербурге хорошо знали и были готовы к отпору.

На южном направлении истекшие со времени Прутского похода десятилетия внесли существенные коррективы в соотношение сил: Османская империя клонилась к упадку, в то время как Россия находилась на вершине славы и могущества. Робость перед турками прошла, и на смену осторожной оборонительной тактике пришли широкие наступательные замыслы и уверенность в скорой победе над некогда грозным неприятелем.

Традиционным было и третье направление, отражавшее стремление к воссоединению с Россией двух братских народов — украинского и белорусского. В отличие от Левобережной Украины, вошедшей в состав России в середине XVII века, украинские земли по правому берегу Днепра и вся Белоруссия все еще находились под владычеством Речи Посполитой. В этой связи польский вопрос приобретал первостепенное значение.

В XVIII столетии объединенное польско-литовское государство — Речь Посполитая — переживало примерно такие же тяжкие времена, как и Османская империя. В то время как соседи развивали промышленность и торговлю, создавали мощные вооруженные силы и крепкие абсолютистские режимы, Речь Посполитая не могла преодолеть сепаратизм магнатов, изжить политический хаос, ярким проявлением которого было пресловутое liberum veto, и стала легкой добычей своих хищных соседей: Пруссии, Австрии и России*.

В этой главе мы ограничимся изложением екатерининской внешней политики до конца 1770-х годов. Сменявшие друг друга коллизии сплелись в столь тугой узел, что его пришлось не распутывать, а разрубать. Центральным событием этого периода стала русско-турецкая война 1768–1774 годов.

Объявлению войны султанским двором предшествовали драматические события в Речи Посполитой, внутренняя слабость которой дала Екатерине повод прямо вмешаться в ее внутренние дела. Россия считала своим правом и долгом защитить интересы так называемых диссидентов — некатолического (в основном православного) населения, подвергавшегося постоянным притеснениям. Наглядно подкрепляя свои требования об уравнении прав диссидентов с католиками, Екатерина велела ввести в Речь Посполитую войска. После этого русский посланник в Варшаве князь Репнин стал вести себя так, будто бы он пребывал на должности губернатора где-нибудь в глубине России — распоряжался сеймом, превратил короля в послушную марионетку и ревниво следил за сохранением в стране существующей системы правления, полностью устраивавшей Петербург. Суть политики Репнина ярко иллюстрирует его заявление депутатам сейма в Варшаве: «Криком у меня ничего не возьмете, просите тихим, учтивым, порядочным образом, и тогда, может быть, сделаю вам удовольствие».

Силы, выступавшие против диктата Репнина, организовали в 1768 году так называемую Барскую конфедерацию. Однако она так и не превратилась в оплот борьбы за сохранение суверенитета страны. У поляков оставалась лишь надежда на помощь извне. Силой, способной противостоять натиску с востока, считалась Турция. В Стамбуле отдавали себе отчет в том, что укрепление позиций России в Речи Посполитой угрожает османским интересам. Напомним, что уже Прутский мир 1711 года решительно требовал от России невмешательства во внутренние дела польско-литовской державы. Правда, турки стерпели и войну за польское наследство (1733–1735), в ходе которой русская армия вторглась в польские земли с целью изгнания с трона польского ставленника Станислава Лещинского, и вручение короны угодному России Августу III, и восшествие на престол в 1764 году бывшего фаворита Екатерины Станислава Августа Понятовского.

И на этот раз в Стамбуле были удовлетворены разъяснениями русского резидента Алексея Михайловича Обрезкова, успокоившего османов заверением, что Россия не имеет никаких поползновений на территорию Речи Посполитой, а войска будут выведены, как только решится диссидентский вопрос.

Екатерина Великая. Гравюра резцом.
Тип Эриксен-Радиг. 1775 г.
(Надпись сделана на греческом языке)

Но когда последнее условие было выполнено и диссиденты обрели равноправие с католиками, Екатерина не спешила отзывать свои войска из пределов Речи Посполитой, используя в качестве удобного предлога существование Барской конфедерации.

Заручившись поддержкой Франции, османы потребовали отвода русских войск от своих границ и одновременно подтянули к северным рубежам свои отряды. Вслед за этим в дело вмешались казаки. Их нападение на пограничное местечко, одна половина которого принадлежала полякам, а другая — туркам, дало последним основание объявить войну: посланник Обрезков был арестован и заключен в душное и сырое подземелье.

Позже Екатерина писала Вольтеру, что «Мустафа был к войне так же мало подготовлен, как и мы» (Вольтер и Екатерина. СПб., 1882. С. 57). Тем не менее императрица была уверена в успехе. Графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, вслед за назначением Румянцева и Суворова командующими двумя армиями, она писала в игриво-шутливом тоне: «Туркам с французами заблагорассудилось разбудить кота, который спал; я сей кот, который им обещает дать себя знать, дабы память не скоро исчезла». Далее императрица продолжала в том же духе: «И вот разбудили спавшего кота, и вот он бросился за мышами, и вот вы кой-что увидите, и вот об нас будут говорить, и вот мы зададим звон, какого не ожидали, и вот турки будут побиты».

Впрочем, времени, когда турки будут побиты, пришлось ожидать долгих шесть лет. Надо отдать должное императрице — она взялась за дело со свойственной ей энергией и методичностью. Первым делом она учредила Императорский совет, который, как Конференции при высочайшем дворе времен Елизаветы, вменялось руководство военной стратегией и дипломатией. В отличие от Елизаветы Петровны, лишь изредка навещавшей Конференцию, Екатерина с удивительным старанием вникала во все детали. Многие ее распоряжения дают основание считать, что императрица постигла премудрости во-

*Подробнее см. специальный номер «Родины» о русско-польских отношениях (1994. №12), где представлены несколько иные подходы к проблеме причин и характера разделов Речи Посполитой.— *Прим. ред.*

Продолжение. Начало см.: «Родина». 1995. № 10–11; 1996. № 1–3, 6, 9.

енного искусства и способна была давать различные советы.

На первом же заседании Совета, в состав которого по предложению Н. И. Панина Екатерина включила виднейших штатских и военных сановников, она предложила его членам ответить на три вопроса: 1) какую надлежало вести войну — оборонительную или наступательную; 2) точно определить позиции, с которых вести наступательную операцию; 3) каково положение на прочих границах страны, оголенных ввиду расположения основных сил на юге.

Совет единогласно высказался в пользу наступательной войны, причем цель ее должна была быть достаточно скромной: добиться права свободного черноморского мореплавания, для чего на побережье предполагалось соорудить порт и несколько крепостей. Самое неслыханное постановление Совета, удивившее мир, предполагало отправку в Средиземное море эскадры военных кораблей, экипажей и десантных отрядов, которые призваны были поднять на борьбу с османами православные народы — греков, сербов, болгар.

Неизвестный художник.
Граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский.

В Петербурге полагали, что до весны 1769 года османы к активным боевым действиям не приготовятся, но просчитались. 15 января 1769 года крымский хан Крым-Гирей, отличавшийся воинственностью и ненавистью к русским, отправился в поход. Предполагалось участие в нем двухсот тысяч человек, разделенных на три армии, но удалось наскрести всего 70 тысяч татар. Этого, однако, было достаточно для того, чтобы разорить Елизаветградскую провинцию: захвачено 1800 пленных, сожжено свыше 1000 домов, уведено большое количество скота.

С успехами и неудачами в войне были связаны не только судьбы стран, в ней участвовавших, но и судьбы правивших ими государей, не исключая и Екатерины. Война с турками стала первой широкомасштабной внешнеполитической акцией императрицы, узурпировавшей власть супруга. Неудачная война могла поколебать престиж Екатерины как внутри страны, так и за ее пределами.

Военные действия русских армий опрокинули все расчеты недоброжелателей России. Уже в кампании 1769 года армия под командованием П. А. Румянцева одержала первые победы, овладела Хотином, Яссами, Бухарестом, фактически изгнав османов из Молдавии и Валахии. На Азовском театре военных действий русские овладели Азовом и Таганрогом. Екатерина была уверена, что османы запросят мира, ибо, как она писала Вольтеру, «мы имеем перед собою слабый призрак, все части которого разваливаются при первом прикосновении» (Сб. РИО. Т. 10. СПб., 1872. С. 401). Однако османы никаких признаков миролюбия не выказали.

Победы, предопределившие исход войны, были одержаны главным образом в следующем, 1770-м году. Обратим особое внимание на морскую викторию русских — прежде всего потому, что она была одержана вдали от родных берегов: русскому флоту довелось обогнуть Европу, войти в Средиземное море, чтобы сжечь там османские корабли.

Эскадра, отправленная из Кронштадта 26 июля 1769 года под командованием адмирала Григория Андреевича Спиридова, состояла из семи линейных кораблей, одного фрегата, одного бомбардирского судна и шести мелких. На каждом корабле помимо экипажей находилось 250 десантников.

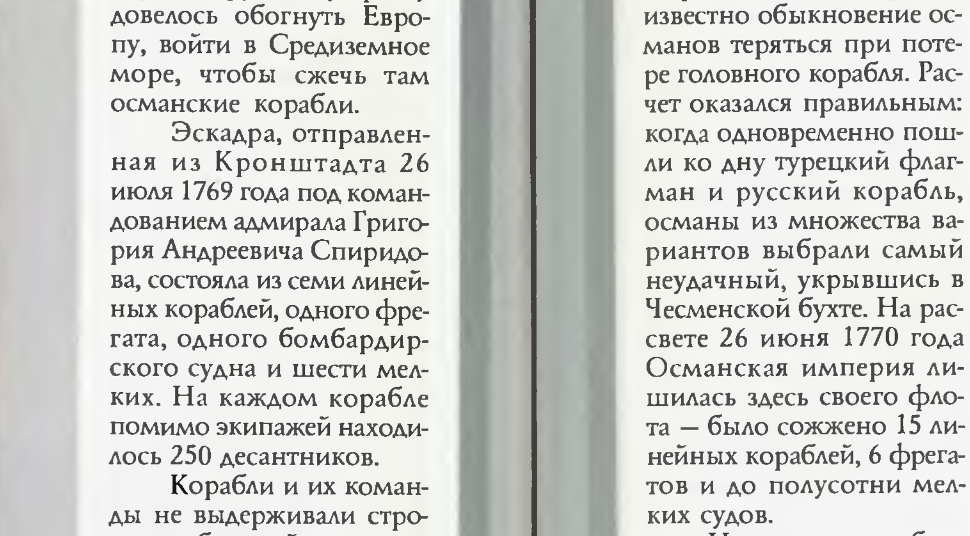
Корабли и их команды не выдерживали строгих требований: экипажи, укомплектованные рекрутами Московской губернии, и понятия не имели о море. Сооруженные наспех корабли также не отличались ни прочностью, ни высокими мореходными качествами. В итоге эскадра продвигалась крайне медленно, а из 5 тысяч моряков и десантников 800 захворали в пути. Императрица выражала недовольство медлительностью Спиридова. Обычно сдержанная в упреках, она на этот раз дала волю раздражению: «не от мешкования ли вашего» столь много больных? Екатерина опасалась, что пока экспедиция достигнет цели, вся провизия будет съедена и люди помрут с голоду. Резкая фраза рескрипта привела адмирала в уныние: «С крайнейшим прискорбием вижу я медление, с которым вы идете с эскадрою. Прошу вас для самого Бога,— переходила на миролюбивый тон императрица,— соберите силы душевные и не допустите до посрамления пред всем светом» (Сб. РИО. Т. 10. С. 390).

Во время движения эскадры по Средиземному морю Екатерина обрела еще одного помощника — находившийся на излечении в Италии граф Алексей Григорьевич Орлов предложил свои услуги по организации антитурецких восстаний христиан. Императрица согласилась, но разжечь пламя освободительной борьбы экспедиции не удалось.

Вдогонку Спиридову императрица послала вторую, более многочисленную эскадру контр-адмирала Эльфинстона. 11 июня 1770 года состоялось соединение двух эскадр. Исходя из того, что между их командирами установились напряженные отношения, Екатерина поручила общее руководство экспедицией графу Алексею Орлову, из всех четверых братьев отличавшемуся наибольшей рассудительностью.

Вдоль анатолийского берега при входе в Хиосский пролив стоял на якоре османский флот в составе 16 линейных кораблей, 6 фрегатов и множества мелких судов. При виде такой армады, писал Орлов Екатерине, «ужаснулся я, был в неведении, что мне предпринять должно». Решено было атаковать, причем главной мишенью атакующих сознательно был избран флагманский корабль — морякам было хорошо известно обыкновение османов теряться при потере головного корабля. Расчет оказался правильным: когда одновременно пошли ко дну турецкий флагман и русский корабль, османы из множества вариантов выбрали самый неудачный, укрывшись в Чесменской бухте. На рассвете 26 июня 1770 года Османская империя лишилась здесь своего флота — было сожжено 15 линейных кораблей, 6 фрегатов и до полусотни мелких судов.

А.Мендель. Фридрих II.

Нежданная победа вызвала в столице огромную радость. Императрица писала Алексею Орлову: «Лаврами покрыты вы, лаврами покрыта и вся при вас находящаяся эскадра» (ЧОИДР. М., 1865. Т. II. С. 2–23, 33–35, 37–43). Более обстоятельный отзыв о случившемся Екатерина дала в пространном рескрипте Федору Орлову, чудом спасшемуся вместе со Спиридовым при взрыве флагманского корабля 24 июня: «Скажу вам о нас мысли разных народов. Сначала никто не хотел верить, чтоб мы дошли до сего места, а еще менее, чтоб атаковали нашего неприятеля. Все думали: пошатавшися де по морю и ничего не сделав, назад возвратятся. Узнали теперь свою ошибку. Открыли глаза, не знают что думать и что делать, с удивления все окаменели... Только то знаю, что все кричат, робеют и удивляются проворству Кабинета полуночного...»

В честь Чесменской победы была отчеканена медаль. На лицевой стороне — портрет Екатерины, а на оборотной — османские корабли и выразительная надпись из одного слова: «Был».

Еще больший успех принесла русской армии кампания 1770 года на суше, во время которой в полной мере раскрылись полководческие дарования Петра Александровича Румянцева. При впадении реки Ларги в Прут Румянцев разгромил 80-тысячную армию османов, понеся при этом минимальные потери (29 убитых и 61 раненый). Екатерина рассыпалась в благодарностях — полководцу был пожалован орден св. Георгия 1-й степени и деревни.

Ларгой Румянцев не ограничился. Великий везир Халил Бей, узнав, что победители насчитывали 17 тысяч человек, решился атаковать русских при Кагуле 21 июля. Успеха он не достиг. «Визирь, увидев в сем случае лучших своих янычар, составляющих первую стену, падших, на всю мочь побежал из лагеря со всеми войски» (Румянцев П. А. Документы. Т. II. М., 1913. С. 313). Победителям достался весь обоз и 138 пушек. Победой при Кагуле Румянцев дал повод Екатерине торжествовать победу.

Успехи русского оружия не на шутку встревожили Австрию и Пруссию, которые за спиной России стали активно плести интриги. В 1769–1770 годах состоялись две встречи Фридриха II с австрийским императором Иосифом II. Собеседники наметили план, как сдержать аппетиты России. Во-первых, надлежало лишить ее роли единственного гаранта соблюдения традиционного порядка в Речи Посполитой и потребовать, чтобы она поделилась этим правом с Пруссией и Австрией. Во-вторых, создавалась исключительно благоприятная ситуация для округления своих владений за счет Речи Посполитой. «...Надобно было не иметь никакой ловкости,— рассуждал Фридрих II,— или находиться в бессмысленном оцепенении, чтобы не воспользоваться таким выгодным случаем». Прусский король действовал в привычном для себя ключе: Австрию он пугал опасностью возвышения России, а Петербург стращал Веной, убеждая Екатерину, что Австрия только и ждет поражения от османов, чтобы посадить на варшавский трон одного из саксонских принцев.

Екатерина была не против тройственного союза с Фридрихом и Иосифом, но направленного против османов, а не против Речи Посполитой. Ни Берлин, ни Вена не соглашались на условия мира с турками, выработанные в Петербурге: Азов и Таганрог остаются за Россией; ей предоставляется право беспрепятственного плавания по Азовскому и Черному морям; все христианские народы, боровшиеся за свое освобождение, должны быть амнистированы; крымские татары обретают независимость от Стамбула, равно как и Молдавия и Валахия; обе Кабарды включаются в состав России.

Заручившись в 1771 году конвенцией с Австрией и зная подлинное отношение Пруссии к условиям мира, Османская империя не соглашалась на прямые переговоры с Россией о мире. Война продолжалась. Кампания 1771 года не принесла Румянцеву успеха. Удача выпала на долю второй армии, действовавшей против Крыма под командованием князя Василия Михайловича Долгорукого, сменившего на этом посту П. И. Панина. 14 июня 1771 года вторая армия овладела Перекопом, который защищали 50 тысяч татар и 7 тысяч турок. Перекопская операция обеспечила

беспрепятственное взятие важнейших крымских городов: Керчи, Ялты, Еникале. Татары поклялись в вечной дружбе с Россией и отторглись от Османской империи.

В конце июля 1772 года в Фокшанах начались переговоры. Русскую делегацию составили два человека: фаворит Екатерины Григорий Орлов и выпущенный из заточения посланник Обрезков. Конгресс, как и следовало ожидать, окончился ничем — ни один пункт договора, предложенного русской делегацией, не устроил турок. Делегации споткнулись на первом же пункте соглашения о предоставлении Крыму независимости.

Одновременно быстро и на первый взгляд безболезненно случился первый раздел Речи Посполитой. Слова Екатерины, обращенные к Дидро: «Если бы я могла еще отказаться от раздела, я охотно бы это сделала»,— полностью соответствуют сути тогдашней русской политики. Императрица не лукавила, когда писала своему давнему приятелю Станиславу Августу Понятовскому: «Я хочу усмирения Польши, удержания нации в ее правах и спокойствия ее короля на престоле». Не лукавил и русский посланник в Варшаве Сальдерн: «Императрица вовсе не одобряет видов короля прусского, но великая нужда в мире заставляет ее закрыть глаза и согласиться на исполнение плана этого государя».

К договоренности Пруссии и России о разделе Речи Посполитой была привлечена и Австрия. 7 сентября 1772 года русский и прусский посланники в Варшаве Штакельберг и Бенуа передали властям Речи Посполитой объявление о разделе их государства. Доля вины за эту акцию лежит на короле Понятовском и прочих облеченных властью поляках, фактически не оказавших сопротивления разбойным действиям соседей. По первому разделу Россия получила восточную часть белорусских земель, где проживало родственное русским население. Именно поэтому действия России в данном случае не заслуживают нравственного осуждения. Это признавал и Фридрих II: «Я знаю хорошо, что у России много прав так поступить с Польшею, но нельзя того же сказать об нас с Австрией». Что касается последних, то они прибрали к рукам коренные польские земли: Австрия — Галицию, Пруссия — Поморье и часть Великой Польши.

Первый раздел Речи Посполитой в некоторой степени ускорил мирный договор с османами. Венский двор отказался от декларации 1771 года, по которой обязался добиваться возвращения туркам земель, захваченных у них Россией. Предоставленные по сути самим себе, османы какое-то время еще пытались упорствовать. Екатерина твердо стояла на своем.

Выход из тупика в Петербурге усматривали в активизации военных действий. Румянцев получил повеление императрицы «вынудить у неприятеля то, чего доселе не могли переговорами достигнуть и для того с армией или частью ее, перешед Дунай, атаковать визиря и главную его армию». Весной 1774 года Румянцев форсировал Дунай, и русские армии одержали две важные победы: генерал Салтыков разбил 15-тысячную армию турок у Туртукая, а А. В. Суворов разгромил сорокатысячную армию великого везира у Козлуджи. Однако Румянцев, не обладая необходимыми ресурсами для дальнейшего наступления, принужден был отойти на левый берег Дуная. Желаемый мир и торжество России опять откладывались на неопределенный срок.

В условиях начавшейся в сентябре 1773 года пугачевщины императрице был крайне необходим мир. Екатерина была готова отступиться от части своих требований. Помог, как это часто бывает, случай: умер султан Мустафа III. Османы запросили мира, согласившись полностью удовлетворить российские условия.

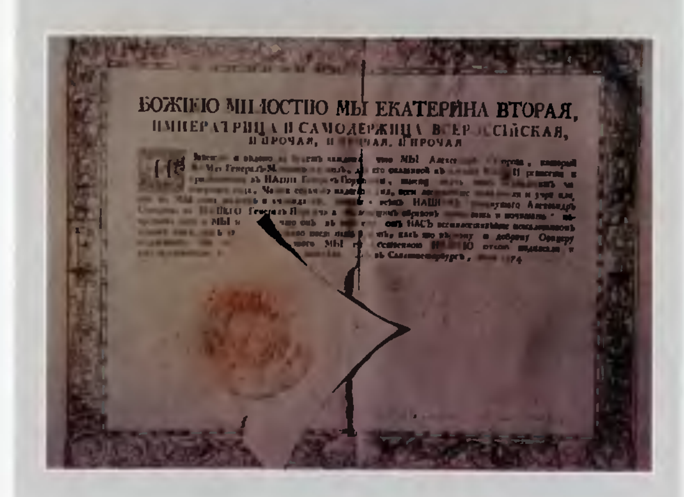
10 июля 1774 года в деревне Кючук-Кайнарджи был заключен мирный договор, по которому Крым объявлялся независимым; Керчь, Еникале и Кинбурн, а также территория между Бугом и Днестром передавались России. Купеческим кораблям разрешалось плавание по Черному и Мраморному морям. Османская империя обязалась выплатить России 4,5 млн. руб. контрибуции. Ликующая императрица писала Румянцеву: «...вам одолжена Россия за мир, славный и выгодный, каковою, по известному упорству Порты Оттоманской, никто не ожидал».

Значение для России Кючук-Кайнарджийского мира трудно переоценить. Он избавил страну от опустошительных набегов крымских татар, обеспечил хозяйственное освоение огромного массива плодородных земель Северного Причерноморья, наконец, Россия получила выход к Черному морю, а через него — в Средиземное...

(Продолжение следует)

Коронация Екатерины II.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,
ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ,
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ

Грамота о пожаловании Суворову чина генерал-поручика. За подписью Екатерины. 1774 г.

БЕРЕГ ТУРЕЦКИЙ...

Эта заметка — плод двух моих коротких поездок в Турцию. Я не решился бы ни на какие геополитические или страноведческие рассуждения на этот счет, но, оказавшись на том берегу, который нам, согласно известной старой песенке, «не нужен», вдруг обнаруживаешь, что нужен. А нужен потому, что и сам ты на том берегу, как выясняется, нужен, и это главное, что поражает там.

Интерес к русским и подчеркнутое доброжелательство к ним (то есть к нам) — повсюду. Этот интерес вопиет с огромной вывески «АРБАТ-МАГАЗЫН», вклинившейся между рекламами на английском и немецком языках. Он шелестит в русских фразах, которые старательно выговаривает почти каждый продавец, а иной, выступив вперед с ослепительной улыбкой и оттолкнувшись от ритуального разговора о цене, с ходу на беглом русском врубается в наши родные «душевные» материи, в ответ же на твое изумление поясняет, что четыре года торговал где-нибудь в Сызрани и «жил что надо».

Конечно, тут и чистая коммерция. Палубы прогибаются от «челноков», берега резонируют от русской речи. Поток россиян, хлынувших на теплое побережье, подкрепляет репутацию Турции как курортной зоны всеевропейского уровня, — но много ли возьмешь с нашего брата как с плательщика? Много или мало, не знаю, но иной раз кажется, что русских в Анталии уже не меньше, чем немцев. И не только «новых русских», общением с которыми я похвастаться не могу, а тех самых родимых «совков», которые вчера еще кантовались в Крыму или в Юрмале, а теперь залетают аж на Средиземное море. Там наш брат обкатывается, учится бросать окурок не под ноги, а в урну, перекладывает вилку из правой руки в левую и оттаивает душой, то есть теряет ощеренное выражение, застывшее на лице от постоянного ожидания агрессии.

Гаснут комплексы, и выясняется поразительное: мы с турками похожи. И они, и мы — бывшие имперские народы, пережившие унижение распада; с ними это произошло на век раньше, чем с нами, но что такое век на весах вечности? Это очень близко, очень понятно: народ, создавший великое сверхнациональное государство, теряет все это как бы в одночасье. Никогда не забуду на картинах, запечатлевших финал последней русско-турецкой войны, людей в красных фесках, их горькое достоинство, когда они подписывались под своим поражением.

У Ататюрка хватило решимости отсечь страну от имперских амбиций (и от красных фесок тоже), сберечь народные силы для чисто этнического возрождения и — для прыжка в западную цивилизацию.

Она, Турция, и есть теперь — западный зуб в исламской челюсти. И это разгадка того, почему так нужна Турции Россия — такой же зуб Европы, врезавшийся в Азию...

Мой знакомый турок, бывший советский гражданин, в пятилетнем возрасте вывезенный отцом на «историческую родину» (старик-отец хранит медаль за взятие Берлина и считает самым святым праздником 9 мая), попросив называть его по-русски Борисом, дал мне почувствовать, что для него «интеллектуально подпитаться» (его формулировка) важнее, чем накормить меня физически (что он взялся сделать как совладелец маленького ресторанчика). Так вот он мне сказал:

— Не бойтесь, Азербайджан никогда не повернется на юг.

— Как? — опешил я. — Разве Эльчибей не хотел положить бывшую Советскую республику к ногам Турции?

— Эльчибей хотел — Турция не захотела. И не захочет.

— Как? Разве кто бы то ни было не хочет в этом мире прихватить то, что плохо лежит или тем более само идет в рот?

— Дурак хочет. А умный понимает, что Россия — естественный геополитический союзник Турции.

— Как?! А глаз Кутузова, выбитый в Крыму? А Суворов на стенах Измаила? А «первый звук Хотинской оды»? А бросок Нахимова к Синопу? А Плевна, а Шипка? — мечу я ему через частокол четырех русско-турецких войн.

— Неизбежная притирка двух империй, деливших пространство. Россия никогда не была фатальным противником Турции.

— А кто был?

— Иран, — ни мгновения не колеблется он. — Иран против Турана, тысячелетний фатум. Плюс арабы...

И тут русско-турецкая косилка, так гладко пошедшая в нашем разговоре, налетает на армянский камень.

— Турция давно была бы вернейшим другом России, если бы Ельцин не находился под влиянием армянского лобби.

Далее следуют сведения о происхождении Елены Боннэр и о том, от кого избрана в парламент Галина Старовойтова. Я постыдно ухожу от темы: тут роковой пункт, на котором мой собеседник перестает меня слышать.

Но и я знаю твердо: русско-турецкие отношения не сдвинутся с этого камня, пока турки не изменят своего отношения к армянам. Я отдаю себе отчет в том, что это отношение постоянно обостряется от встречной ненависти армян. Я понимаю, как это глубоко и страшно: я видел, как в Ереване люди целуют землю у Вечного огня, мечущегося меж вставших дыбом гробов. Я помню, что пришлось пережить Вардгесу Петросяну, когда в своем романе он решился протянуть руку туркам. Я никогда не забуду, что говорил мне один блестящий молодой ереванский интеллектуал: турки не люди, человечество должно раздавить их... не помню имени этого интеллектуала (сознание само выбросило — такой это был сгусток ненависти).

Но и турки могут привести ворох «объективных причин», приведших к гибели миллионов армян в 1915 году (как немцы кучей «причин» могут оправдывать свое вторжение в Россию в 1941-м). Но когда страшное уже свершилось, — надо понимать, что оно откладывается в души на века. Причины придут и уйдут, пепел будет стучать.

На этом застывает наше русско-турецкое братание. Мы обходим окровавленный камень и тихо движемся каждый к своему берегу.

Я — к твердому убеждению, что русские никогда не предадут и не оставят армян.

Он — к твердому убеждению, что такой маленький народ, как армяне, не должен мешать сближению таких гигантов, как Россия и Турция.

С тем и тает в голубой дымке гостеприимный турецкий берег.

Лев АННИНСКИЙ,
обозреватель журнала «Родина»

Игорь Борисов,
кандидат исторических наук

«Двуглавый шиш»

Геральдика в сатирических журналах начала века

К событиям 1905—1907 годов можно относиться по-разному, соглашаясь или не соглашаясь с термином «революция». Но очевидно одно — это было первое масштабное противостояние русских русским.

Издательский бум охватил тогда всю Россию. Исследователями учтено около 400 названий юмористических журналов общим тиражом до 40 миллионов экземпляров[1], выходивших в то время. Средний тираж издания составлял очень высокую по тем временам цифру — 15 тысяч экземпляров.

«Жупел». № 1. Худ. З. И. Гржебин.

«Бурелом». 1905. № 1. Карикатура «Печать Департамента провокации» пародирует двуглавого орла, где вместо орлиных голов — бородатые лица военных или жандармских чиновников, повернутых в разные стороны и упрятанных в один форменный китель с пышными эполетами. Вместо когтей, которые должны были зажимать скипетр и державу, у этого псевдоорла нарисованы руки, держащие нагайки. В малом щите, на груди, посередине известная фраза Трепова: «Патронов не жалеть!» По окружности подпись «Печать Департамента провокации» и тюремные цепи. Рисунок вместо короны венчает полицейский головной убор. Автор рисунка неизвестен.

Современник вспоминает, что 1905 и 1906 годы «памятны появлением небывалого числа сатирических журналов: «Зритель», «Пулемет», «Стрелы», «Сигнал», «Жупел», «Красный смех», «Адская почта», «Скоморох», «Леший»... В столицах их конфисковывала полиция, но отдельные номера попадали в провинциальную глушь, переходили из рук в руки и жадно прочитывались. Их агитационное действие на умы читателей было огромным»[2]. Несмотря на то что подобные органы печати издавались в основном выходцами из имущих классов, все они были едины в антигосударственной направленности, доставляя немало хлопот и беспокойства политическим цензорам. В силу этого многие журналы очень быстро заканчивали свое существование — как правило, на втором или третьем номере. К судебной ответственности привлекались литсотрудники, художники, авторы эпиграмм и стихотворений. Редакторы же нередко подвергались аресту.

Популярность этих журналов достигла пика после выхода Манифеста 17 октября. Об этом вспоминали потом с иронией: «Наступили дни «свободы». На улицах заалели красные флаги, раздалась «Марсельеза» и другие гимны. Городовые и околоточные казались переодетыми маркизами, — так галантна и предупредительна сделалась полиция».

«Волшебный фонарь». 1906. № 4. Карикатура «Два режима», также с использованием геральдических элементов: рисунок вертикально поделен на два одинаковых поля. Изображения в правой и левой его половинах одинаковые, или «зеркальные», в них — повешенные с черными платками на головах. Под повешенными — диагонально к центру — трупы, лежащие на полу. Верх рисунка венчает нечто похожее на геральдический нашлемник — череп с обрывком намета. На нем надпись: «Режим Плеве — Режим Витте». Монограмма художника «А. И. Г-ц».

«Пулемет». 1906. № 5 (конфискованный). В статье, посвященной годовщине январских событий, под броским названием «Граждане, помогите Правительству» с каплями и размывами красной краски на листе, имитирующей кровь, мы читаем горькие, полные презрения и негодования слова, посвященные русскому правительству: «Граждане, помогите кто как может и кто чем может нашему хилому, бледному, бедному, беспомощному правительству! Пожалейте его! Вот оно стоит перед вами осмеянное, обруганное, оплеванное, лишенное доверия и у нас на родине и за границею. Вглядитесь в его лицо. Неужели никакого другого чувства, кроме чувства презрения и негодования, не вызывает в вас Его растрепанный, общипанный вид!..» Заставкой этой статьи является виньетка неизвестного художника, изображающая государственного орла с головой Витте, увенчанной графской короной. В лапах у орла скипетр и держава, на правом крыле — голова министра внутренних дел Дурново.

«Залп». 1906. № 1.

В скором времени «на читателя обрушился буквально ливень из сатирических журналов. Они сыпались один за другим, как звезды в августовскую ночь, одни остроумные и язвительные, другие пошлые и тупые; их ловили на улицах, кромсали на куски в типографиях, но они все росли и росли в числе»[3].

Художникам, работавшим в этих журналах, приходилось применять различные иносказательные и символические образы (в том числе и геральдические), при помощи которых слегка прикрывалась, декорировалась основная мысль рисунка, что производило на зрителя очень сильное впечатление. В безобидных с первого взгляда рисунках и карикатурах узнавались образы государственных чиновников, представителей административной и военной власти. В сатирической журналистике выработался своеобразный язык, которым обозначалось то или иное лицо: так, усы кольцами обозначали П. А. Столыпина; усы кверху, торчком — председателя II Государственной думы кадета Ф. А. Головина; плоский лоб и огромные бакенбарды принадлежали И. Л. Горемыкину; некий дегенеративного вида субъект, сгибающийся под тяжестью орденов, — не кто иной, как адмирал Дубасов; в вислоухом старце в очках, с лысым черепом узнавали К. П. Победоносцева; П. Н. Дурново имел несчастье обозначаться дву-

мя символами — свиньей и овсом (намек на то, что Александр III, узнав о его причастности к крупным хищениям овса, в сердцах обозвал сановника «свиньей»).

Во всех слоях русского общества в эти годы на-

«Жупел». № 2. Худ. М. В. Добужинский.

растала неприязнь к правящей династии. Облик царя сильно потускнел, но впрямую к карикатуре на него прибегнуть еще не решались. Значительную помощь в шаржировании его образа оказала геральдика. Объектом сатиры для начала стали императорские и государственные эмблемы, и среди них главный — российский орел с мечом, скипетром и державой. Именно с помощью геральдики были сделаны две блестящие карикатуры на царя и государственного орла, навсегда вошедшие в историю мировой политической карикатуры. Они были опубликованы в превосходном с точки зрения оформления и полиграфии сатирическом журнале «Жупел» (основатель и редактор — художник З. И. Гржебин)[4].

В первом же его номере было помещено несколько памятных рисунков. Центральным стал «Орел-оборотень» Гржебина, остроумно и зло трактовавший герб Российской империи. Мы наблюдаем стилизованного двуглавого орла, к которому, с точки зрения официальной геральдики, как будто бы нет претензий — на орлиных головах корона, горностаевая мантия с подбоем и т. д. Однако подпись настораживает. Если это «оборотень», то, следовательно, рисунок надо перевернуть.

Что же увидит зритель, когда гордый орел будет перевернут? Тыльную сторону стоящего царя, высоко поднявшего мантию и представшего в жалком обнаженном виде. Слово «Конституция» на короткой, вздернутой мантии, заключенное в геральдический щит, орлиные лапы в виде эполет на плечах царя, странная шутовская корона на его голове — все это показывает нелепость, неестественность ситуации, зыбкость всей затеи 17 октября. Недаром в те времена бытовала поговорка «о царском манифесте, годном только для известных мест».

Другой пропагандистской акцией, направленной против царя, стало изображение осла в пышно декорированной средневековыми военными атрибутами рамке, выполненное художником И. Я. Билибиным. Блестяще знавший предмет живописец изобразил геральдический сюжет, поместив в середине солнце, но в центре солнца — силуэт осла. Гордый символ монархизма трансформировался в полезное, но, увы, малопочтенное животное. По технике исполнения эта иллюстрация напоминает имитацию гравюры на дереве.

В сочетании с короткой, но очень емкой надписью: «Осел... в 1/20 натуральной величины» — эта карикатура в № 3 «Жупела» за 1906 год производит впечатление и сейчас. Именно она явилась причиной закрытия журнала и водворения в тюрьму его редактора. Художник проявил большую смелость, ибо искажение подобным образом самодержавных атрибутов власти (осел вместо орла, помещение на первом плане грифонов — эмблемы рода Романовых) расценивалось тогда как тяжкое уголовное преступление, наравне с подделкой

«Жупел». 1906. № 3. Худ. И. Я. Билибин.

«Аргус». 1906. № 9. Художник, скрывавшийся под псевдонимом «Эзоп», изобразил тупое лицо и соответствующую фигуру торговца-черносотенца. Слева в верхнем углу (геральдически справа) изображен герб черносотенцев-охотнорядцев — в фигурном коронованном щите кулак, в обрамлении полувенка из листьев, над щитом — корона. За щитом видим две дубинки, положенные накрест.

«Стрелы». 1906. № 9.

государственных кредитных билетов.

Было придумано и еще несколько символов, обозначавших Николая II, — это рисунок шишки и пылающего сердца. И тот и другой имеют под собой историческое обоснование. Первое связано с эпизодом, имевшим место во время кругосветного путешествия Николая II, когда он был еще наследником престола. В Японии произошел известный инцидент с полицейским, который ударил Николая саблей по голове. На месте ушиба образовался костный нарост, что позволило сатирикам использовать шишку для иносказательного изображения царя. Современник без труда мог понять, что за шишкой любых размеров и любой формы скрывается царь. С. Чехонин, художник журнала «Зритель», в номере 10-м поместил виньетку с изображением царя и его чиновников. Царь изображался в виде рахитичного человека на тоненьких кривых ножках с огромной шишкой на голове. Когда цензура догадалась об этом, Чехонин нашел новый символ — пылающее сердце. Толчком к этому послужила одна из речей С. Ю. Витте, в которой тот, обращаясь к бастовавшим рабочим, сказал, что о них «думает пылающее сердце царя».

В других сатирических журналах также время от времени появлялись карикатуры с использованием геральдических элементов (мы воспроизводим некоторые из них, выявленные автором).

И в дальнейшем художники довольно часто прибегали к приемам сатирического отображения действительности при помощи геральдики или геральдической атрибутики, но именно революционная эпоха 1905 года проложила им этот путь.

Примечания

1. Тимонич А. Н. Революционная сатирико-юмористическая журналистика. М., 1930. С. 19.
2. Кузьмин Н. Воспоминания о книгах.// Альманах библиофила. Вып. 4. М., 1977. С. 21.
3. Минцлов С. Р. Четырнадцать месяцев «свободы печати» (заметки библиографа).// Былое. № 3/15. Март 1907. С. 124–125.
4. «...Журнал «Жупел» занял первое место, как самый лучший орган того времени по своему художественному облику и тем графическим достижениям, какие он сумел воплотить в жизнь» (Дульский П. Графика сатирических журналов 1905–1906 гг. Казань, 1922. С. 42).

Олег Будницкий

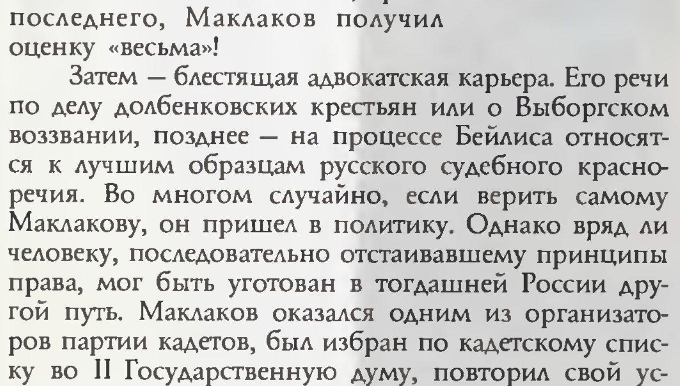
Написанные без оглядки

Василий Маклаков и его письма-портреты

В. А. Маклаков.

Говоря о Василии Алексеевиче Маклакове (1869—1957), современники, относящиеся к нему лояльно, чаще всего использовали эпитет «блестящий». И действительно, легкость и удачливость, казалось, сопутствовали ему во всем, чем бы он ни занимался. Отличный студент, успевший поучиться на трех факультетах Московского университета и два из них — исторический и юридический — блестяще закончить. Причем курс юридических наук Маклаков прошел менее чем за год! Один из профессоров-юристов, с которым Маклаков советовался о возможности подготовиться к экзаменам в сжатые сроки, был возмущен его «нахальством» и «обеспечил» предельную строгость. И тем не менее на всех экзаменах, кроме последнего, Маклаков получил оценку «весьма»!

Затем — блестящая адвокатская карьера. Его речи по делу долбенковских крестьян или о Выборгском воззвании, позднее — на процессе Бейлиса относятся к лучшим образцам русского судебного красноречия. Во многом случайно, если верить самому Маклакову, он пришел в политику. Однако вряд ли человеку, последовательно отстаивавшему принципы права, мог быть уготован в тогдашней России другой путь. Маклаков оказался одним из организаторов партии кадетов, был избран по кадетскому списку во II Государственную думу, повторил свой успех на выборах в III и IV.

По авторитетному мнению Марка Алданова, специально ходившего послушать русских парламентариев, *«Маклаков еще до Думы считался одним из лучших ораторов России, впоследствии он стал самым лучшим»*[1]. Сам Столыпин, едва ли не единственный из николаевских министров способный соперничать с кадетскими златоустами, признался, что ему трудно говорить после речи Маклакова о военно-полевых судах. Позднее, уже после смерти Маклакова, известный литератор Н. В. Валентинов-Вольский, автор наделавших много шума воспоминаний о В. И. Ленине, человек на своем веку много видевший и много слышавший, писал, что, по его наблюдению, большинство знаменитых ораторов с возрастом утрачивало свой дар. Он указывал, в частности, на Керенского и Троцкого. Вольский знал только одно исключение — это был Маклаков.

Василий Алексеевич стал лидером правого крыла кадетской партии. Еще до революции наметились его принципиальные расхождения с признанным лидером кадетов П. Н. Милюковым[2]. Впоследствии, в эмиграции, они переросли в откровенную вражду. Маклаков, по мнению некоторых современников, мог претендовать на более крупную роль в партии, если бы... не тяготился длинными и нередко скучными заседаниями партийных ареопагов. Во всяком случае, общество хорошенькой женщины он частенько предпочитал компании своих товарищей по ЦК[3]. Амурные похождения старого холостяка Маклакова были притчей во языцех московского и петербургского общества. Кстати, среди его пассий была любвеобильная Александра Коллонтай. Впоследствии Маклаков утверждал, что только в 1917 году узнал, что его «приятельница» — большевичка. Возможно, так оно и было — вряд ли во время нечастых свиданий при проездах Маклакова через Германию они предавались обсуждению партийных программ[4].

Февральскую революцию Маклаков встретил без восторга. Возможно, поэтому он не прилагал особых усилий для того, чтобы занять как бы «причитающийся» ему пост министра юстиции и в конце концов оказался «всего лишь» послом во Франции. По иронии судьбы он нанес первый визит в МИД Франции 8 ноября 1917 года, на следующий день после большевистского переворота. Ему так и суждено было остаться послом несуществующего правительства.

Но неожиданно пост посла в Париже приобрел важнейшее значение в деле организации борьбы против большевиков. В период гражданской войны Маклаков играл центральную роль в «дипломатическом обеспечении» белого движения.

В 1924 году, после признания Францией СССР, он был вынужден оставить здание посольства на улице Гренелль. С этого времени он возглавил «Офис по делам русских беженцев» во Франции, став представителем еще одного официально не существующего «государства» — Зарубежной России. Париж, по крайней мере до второй мировой войны, был ее признанным политическим и культурным центром. На этом посту Маклаков прослужил до самой смерти в 1957 году. Таким образом, 40 лет он находился в центре политической, интеллектуальной и культурной жизни Русского зарубежья.

Такое положение Маклакова обусловило широкий и разнообразный круг его общения — от правых, как, например, бывший председатель Совета министров Николая II В. Н. Коковцов или генерал П. Н. Врангель, до левых — таких, как Б. В. Савинков. Широкий и разнообразный круг общения Маклакова обусловливался не только его официальным положением, вынуждавшим прибегать к его помощи людей самых разных политических убеждений, но и личными его качествами — редкими для российского политика терпимостью и умением не переносить политических разногласий в сферу личных отношений. А также, разумеется, большим и незаемным умом, уникальным жизненным опытом и блеском собеседника и литератора.

К счастью для историков, личный архив Маклакова был передан им в Гуверовский институт войны, революции и мира в Стэнфордском университете, где и содержится в образцовом порядке в настоящее время. Это 26 коробок ценнейших документов. Наиболее интересная часть маклаковского архива — 14 коробок переписки. Собственно, к текстам Маклакова и некоторых близких ему корреспондентов не вполне подходит термин «письма». Это скорее трактаты, эссе, воспоминания. Многие из них достигают 20, 30 и даже 70 машинописных страниц. Среди корреспондентов Маклакова посол Временного правительства в Вашингтоне Б. А. Бахметев, не нуждающиеся в специальном представлении М. А. Алданов, А. Ф. Керенский, А. А. Кизеветтер, П. Б. Струве, Б. В. Савинков и многие другие.

Переписка Маклакова — настоящий кладезь сведений по истории русского либерализма, русской революции и гражданской войны, разумеется, по истории первой волны русской эмиграции, как, впрочем, и по истории второй волны, которую успел «застать» глава «Офиса по делам русских беженцев». Значение переписки Маклакова выходит за чисто информационные рамки. Это памятник политической и правовой мысли, во многом не утративший значения до наших дней. Размышления Маклакова и его корреспондентов о причинах катастрофы 1917 года, о путях выхода из исторического тупика, в котором оказалась Россия, звучат свежо и современно. В интеллектуальном же плане, так же как и в литературном отношении, они превосходят большинство из того, что создала российская «постперестроечная» публицистика и историография. Полагаю, что эти тексты с интересом прочли бы не только профессионалы, но и более широкие круги людей, не равнодушных к истории и судьбе своего Отечества.

Письма Маклакова печатаются по машинописным отпускам, находящимся в его личной коллекции в Hoover Institution, фрагмент письма Бахметева — по оригиналу, находящемуся там же.

Весна 1917 г. Петроград. Демонстрация за продолжение войны.

На страницах писем Маклакова то там, то здесь разбросаны заметки и рассуждения о людях, сыгравших немалую, иногда роковую роль в истории России. Маклаков не ставил своей целью создавать некие исторические портреты. Писал он по тому или иному конкретному поводу и совсем не думал о возможной публикации. Более того, как раз для публикации его заметки не предназначались. Написаны они «без оглядки» и очень субъективны. Этим и интересны.

Вниманию читателей предлагаются «портреты на фоне эпохи» первого главы Временного правительства князя Георгия Евгеньевича Львова (1861—1925) и председателя Реввоенсовета РСФСР и члена Политбюро ЦК ВКП(б) Льва Давидовича Троцкого (1879—1940).

Примечания

1. Алданов М. К 80-летию В. А. Маклакова//Маклаков В. А. Речи. Париж, 1949. С. 11.
2. См.: Karpovich Michael. Two Types of Russian Liberalism: Maklakov and Miliukov//Continuity and Change in Russian and Soviet Thought. Cambridge, Mass., 1955. P. 129—143.
3. Davies David Arwyn. V. A. Maklakov and the Problem of Russia's Westernization. A thesis... for the degree of doctor of philosophy. University of Washington. P. 222, 292—293.
4. См.: Фрагмент из воспоминаний Р. Г. Винавер//Архив Гуверовского института войны, революции и мира. Коллекция В. А. Маклакова. Кор. 1. Папка 3; Письмо к ней Маклакова от 21 августа 1945.//Там же. Кор. 15. Папка 3.

«Хороший человек, хороший барин и земец...»

(В. А. Маклаков – Б. А. Бахметеву[1]. Париж, 10 декабря 1921 года)

Князь Г. Е. Львов.

[...]Вот человек, к которому у меня двойственное отношение, потому что в нем самом есть два различных лица. Понимаю, что Львова можно не только уважать, но и глубоко любить: это человек, который выйдет с репутацией чистого человека, который не делал карьеры и не нажил состояния; с этой стороны он часто меня трогает и своим бескорыстным отношением к делу, своей незлобивостью и в общем своим патриотизмом. Если в моем отношении к нему проявлялись злобные нотки, то потому, что мне пришлось испытывать на себе другую сторону Львовского характера. Всем своим существом Львов стоит в лагере русской земской интеллигенции, хорошего земского элемента, хотя и третьего; надышавшись этим воздухом, он усвоил себе и провинциальную земскую идеологию, по которой правительство есть враг, относительно которого все средства позволены. В былое время Львов сражался с губернаторами и предводителями дворянства, отстаивая против них интересы земства, к моменту расцвета земского союза он сражался против министров, и таким он остался и в настоящее время. В сущности это привело к привычке с кем-то интриговать против другого и ведя одно общее дело разделять работников этого дела на своих и чужих; в былое время в земской работе он относил управу и третий элемент в свой лагерь, а губернаторов и предводителей – в другой, и продолжая внешне прилично совместно работать с последними, он одновременно под сурдинку всегда, где можно, подставлял под них ножку; эти свои привычки Львов перенес и в правительство. Оставляя его грехи как председателя власти, его слабость и все другое, я близко наблюдал, живя в Петербурге, что Львов и в том правительстве, главой которого он был и в полной солидарности которого был единственный залог его прочности и успеха, Львов и в этом правительстве возобновил свою провинциальную систему, создав правительство в правительстве, т. е. маленькую группу единомышленных людей из 5 «демократов»[2], с которыми он интриговал – не могу употребить другого слова, – против тех, кто остался за бортом этой пятерки. Думаю, что у него не хватило силы отречься от старых привычек и дружб. И переселившись из Москвы в Петербург в помещение министра внутренних дел, он остался под властью своих прежних сотрудников – Дмитрия Щепкина[3], Полнера[4] и других, которые остались теми же, что были, с теми же горизонтами и с той же безответственностью. Я со стороны наблюдал это в Петербурге и мне было обидно и больно за Львова. Я хорошо видел, как ему приходилось все время вертеться, иногда лгать, иногда обещать то, что он не собирался делать или не мог сдержать, и попадать в глупое и фальшивое положение. Помню такой случай лично со мной. Когда я принял одно из немногих назначений Временного правительства и стал членом Юридического Совещания при Временном правительстве, Львов упрашивал меня не отказываться от этого, уверяя, что конечно меня следовало бы использовать на что-нибудь более важное, но я сам не захотел, и потому сейчас, в ожидании большего, он просит по крайней мере не бойкотировать их в деле, которое должно быть мне по душе, т. е. в юридической помощи им. Я согласился. В первом же заседании неожиданно для самого себя я был выбран председателем; несмотря на свою воспитанность, Кокошкин[5] не мог скрыть неудовольствия и удивления. После двух заседаний однажды приезжает ко мне Львов, просит позволения говорить откровенно и сообщает, что правительство было уверено, что председателем Юридического Совещания будет Кокошкин, что эта должность была ему обещана, что они не знают, как быть. Эта часть его речи была совершенно правдива и искренна; дальше он прибавил уже неискренне, что правительство имеет в виду поручить мне более ответственное дело, назначивши председателем комиссии по составлению закона о выборах, что несовместимо с функцией председателя Юридического Совещания и что потому было бы хорошо, если бы я их из затруднения вывел. На это я без всякой задней мысли, а с полною охотой сказал Львову, что не претендую на сохранение должности председателя Юридического Совещания, никаких компенсаций не прошу и в следующем же заседании откажусь от должности; так я и сделал, и при вторичных выборах сам подал голос за Кокошкина. Прошло не более 10 дней, и я читаю в газетах, что Кокошкин назначен председателем комиссии по выработке закона о выборах в Учредительное Собрание. Откровенно скажу, что этой должности я не добивался и едва ли бы на нее согласился. И если оставил вопрос открытым, то только оттого, что одинаково не хотел ни принимать компенсации, ни иметь вид обидевшегося. Но поведение Львова ясно показало, что около него завелась кружковщина, раздача мест друзьям и знакомым. Но мне было досадно, что Львов счел нужным хитрить и лукавить, и не сказал по старой дружбе, положа карты на стол, то, что было на самом деле. В Львовской натуре слишком сильно желание ни с кем не ссориться, сохранить со всеми лучшие отношения, изображать дело так, будто каждый получает то, чего сам хочет; чтобы довести до такого результата, он не брезгает мелкой неправдой и хитростью. Хитрить не для себя лично, не для своего личного положения, а для сохранения благожелательной атмосферы кругом себя. Но стараясь сохранить по внешности хорошие отношения, он по существу сам не может не порадеть своим людям, толкает их вперед, устраняет независимых, иногда под сурдинку ведет партийную борьбу и интригу. Делает это, так как в *этом* он своим сопротивляться не может. Это все сказалось в деятельности его в Политическом Совещании[6], это продолжалось и после в Финансовом Совете[7]. Он остался таким, каким был; хотя сидел с нами в одной коллегии, но всецело зависел от психологии тех друзей, которые в Земском Союзе смотрели на нас, Послов, как на узурпаторов, от которых нужно бы все отобрать; я далек от мысли заподозрить их в чем-то дурном; они не воры; в этом их неизгладимая заслуга, но как истинные земские люди, они и здесь на все места стали проводить своих людей, тружеников, деятельных, может быть полезных, но непременно своих; Львов у нас подчинялся этой директиве и старался использовать свое положение в интересах своих, делая это со всеми привычными мелкими хитростями, с недоговоренностями, а иногда прямой ложью или лукавством. Здесь не было ничего нового в его практике, так он прежде вел себя с правительством и за это его не осуждали; непоследовательно, что мы обиделись, когда он стал применять эти методы к нам. Я готов в своей непоследовательности повиниться, если бы у меня не было сознания, что наше отношение к Львову было не таково, как отношение к нему старой власти, и что поэтому старые методы относительно нас были и неуместны и обидны. Но это и все, что могу сказать против характера Львова; все остальное – недостаток твердости, недостаток мысли, недостаток убеждений – свойства, за отсутствие которых винить нельзя, как за степень ума и таланта. В защиту Львова скажу, что сам он не лез на первые роли, что он скромнее и умнее своих поклонников, что он не добивался того поста, на который его вознесла Революция; он их не добивался – и это его заслуга. Но он их все-таки принял, дал себя изнасиловать – в этом его грех. Но это и все. Ему нужно было бы быть под хорошим влиянием и тогда он будет тем, что он есть, – хороший честный человек, умелый организатор, и чистый человек, и если Америка оценила его, то я этому очень рад. Львов часто меня раздражает и огорчает, но я не могу его ненавидеть; мне его часто бесконечно жалко[8].

Архив Гуверовского института войны, революции и мира. Коллекция В. А. Маклакова. Коробка 3. Папка 18. Машинопись. Копия.

Восставшие ведут переодетых городовых.

(Из письма Б. А. Бахметева В. А. Маклакову. Вашингтон, 16 января 1922 года)

[...]Единственный человек, по крайней мере здесь, который все понимает, опять-таки, князь Львов. Последние недели были полны его успехов; он нам страшно помог; в нем видели символ той будущей России, которая американцам так желательна; он их купил искренностью и широким гуманизмом. В течение нескольких лет я пытался вызвать к активной жизни предположения широкой образовательной, медицинской и прочей помощи; благодаря полному отсутствию людей, неспособности буквально ни одного русского в Нью-Йорке оказать какую-нибудь помощь делу это не удавалось и вдруг все пошло, зацвело – просто потому, что Львов сумел затронуть необходимые душевные струны. Мне смешно вспоминать, во что обратились взаимоотношения между ним и Финансовым Советом. Больно ощущать, что милый мальчик, но в конце концов пустельга с чиновничьей душонкой, который, по-видимому, правит финансовыми делами в Париже, фактически определяет судьбу работы Георгия Евгеньевича. На днях Г. Е. мне поведал, что отсутствие

средств на жизнь заставляет его питаться кубиками бульона и яйцами, которые он варит в своей ванной комнате. У него нет средств, чтобы обедать в ресторане. Он не берет денег от земства и перевел в Париж все, что ему удалось получить со старых счетов Земского Союза здесь в Казначействе. Правительство выдало ему эти деньги под влиянием личного обаяния. Они мне ясно и определенно сказали это. Львов установил огромные, крайне полезные связи в Нью-Йорке. Одним словом, больше помог русскому делу за три месяца здешнего пребывания, чем все русские люди и организации вместе взятые, за все время их прозябания. И что же. Он растворяет в горячей воде кубики бульона, а в Париже существует масса никому не нужных и бесполезных привесков. Финансовому Совету, должно быть, будет стыдно, что они не субсидировали его поездку, которая вызывалась не политическими, а исключительно гуманитарными соображениями, и которая, м[ожет] б[ыть], была единственная полезная из многочисленных поездок, широко субсидировавшихся и финансировавшихся.[...]

Там же. Кор. 4. Папка 1. Машинопись. Подлинник.

Манифестация на улице.

Снимают царскую эмблему.

(Из письма В. А. Маклакова Б. А. Бахметеву. Париж, 4 марта 1922 года)

[...]Что он человек честный и в общем хороший, которому можно было бы найти место в будущем строительстве России – я не сомневаюсь; но когда Вы говорите, что он единственный, который понимает Вас и вообще положение России, я невольно вспоминаю слова какого-то французского писателя, который говорил, что лучшее средство прослыть умным человеком это соглашаться со всяким из своих собеседников. Этим свойством обладает и Львов. Когда он попадет в другое общество и к другим людям, он точно так же искренне согласится и с ними. Львовский шарм в том, что у него нет эгоизма и того, что мы называем личными видами; он не стремится провести что-нибудь, что бы хотелось лично ему; в нем есть чувство долга, есть привычка и желание работать, он не лентяй и не празднолюбец, в нем нет пороков, которыми можно наполнить бессодержательную жизнь, и при личной честности, умении грамотно писать, читать и считать, Львов может быть хорошим работником. Этого я у него не отрицаю. Но с этими свойствами он попадает под влияние тех, с кем работает, и несется в потоке событий. Несся с земцами, когда был в земском союзе, несся в урагане революции, которой не понимал и которой не сочувствовал, когда был в правительстве, может в будущем понестись и в потоке восстановителей России. В том, что он Вас понял, нет ничего удивительного, так как если бы судьба поставила его сейчас в Белграде среди монархистов, если бы только они не приняли его в палки, а стали бы с ним дружески говорить, он бы распознал то, что в них есть разумного и мог бы идти вместе с ними. Львов человек случая и обстоятельств; событиями не управляет. Этого я ему в вину не ставлю и не на это Вам возражаю. Но в характере Львова при всей честности есть много хитрого, скрытного и иногда прямо лживого, он не предает своих друзей, но не стесняется с теми, кого в данный момент считает своими врагами или по крайней мере не считает своими. Этим он способен лгать и лгать про них, и я даже не знаю, сознательно или бессознательно. В Ваших словах о наших отношениях с ним я вижу следы этой лжи. Ведь даже те нелепые отношения, которые установились между Финансовым Советом и Земгором Вы ставите в вину «финансовому мальчику». По-видимому, Вы говорите так потому, что хотите найти козла отпущения и Вам не хочется обвинять прямо нас. И, вспоминая отношения Львова с нами, мне становится досадно; если что-либо испортило наши отношения, то только его неискренность и не прямая политика. И что он наговорил, что мы отказали ему в деньгах на поездку в Америку? Во-первых, зачем и на какой предмет мы бы стали посылать его в Америку? Если его поездка оказалась полезной, я этому рад. Но разве Вы просили устроить его поездку к Вам, разве Вы не писали, что боитесь наплыва ненужных людей? Далее, если бы Львов ехал за деньгами для Земского Союза, то было естественно, что на эту поездку он от них получил бы деньги; деньги у них были и они всегда имели на текущих счетах остатки большие, чем наши[...] Если Вы пишете, что он оказался настолько без средств, что живет бульонными кубиками, то это больше похоже на Львова и его трогательная черта, но опять не понимаю, почему, добыв денег для Союза, он не мог оплатить свое путешествие. Сам Львов на земские деньги устроил в Париже типографию, которой жило несколько десятков человек, так, что на каждого из них оказалось истраченных денег больше 10 тыс. франков. Поэтому, если на кого-нибудь нужно обратить Ваши упреки, что в Париже кормится много никому не нужных привесков, то этот упрек нужно обратить прежде всего по адресу Львова и союза, который и в настоящее время, получив через посредство Львова деньги, восстанавливает те кредиты, которые мы вычеркнули, потому что они представляют как раз те привески, которые мы считаем лишними и ненужными. Также в этом Вы упрекаете именно нас, а не его, и нас упрекаете, что ему не дали денег. Но, относясь с уважением к личному аскетизму Львова, я вспоминаю и другое. Когда Львов приехал сюда после Америки, снял хорошую квартиру и жил довольно широко, конечно, не столько по собственной охоте, сколько по широкому размаху г. Вырубова[9]: привычки Вырубова швырять деньги по ресторанам вызывали очень упорное осуждение в русской колонии, конечно, как всегда при этом преувеличенные. Но во всяком случае жили они не бедно. На какие деньги он жил? Долго этого мы не знали, так как он отказался от получения жалованья по должности председателя Политического Совещания. Но однажды, и мне кажется, что Вам я это тогда говорил, он пришел ко мне с просьбой послать телеграмму Колчаку, прося прислать ему на содержание и представительство особые деньги, так как, говорил он в телеграмме, он считает невозможным ассигновать их себе в общем порядке. Я эту телеграмму послал, по его просьбе не вклеивая в общий журнал; какой был ответ Львову – не знаю. Но я воспользовался этим, чтобы спросить Львова, на какие деньги он живет; он ответил, что Колчак дал ему 300 тыс. Не вижу в этом дурного и не понимаю, почему это должно было быть тайной и почему для Львова испрашивались кредиты у Колчака в необычном порядке. Я не сделал бы из этого вопроса и понял бы желание Львова не связываться с Политическим Совещанием, не давать повода являться к нему за вспомоществованием тем, которые этим живут, но когда в результате он представил дело так, что Вы умилились над ним как нянька и восстали против нашей черствости, не могу в этом не увидеть подтверждения того, о чем я говорил, что наряду с трогательными чертами Львова в нем есть неискренние приемы относительно тех, кого он не считает своим. Солнце не без пятен, а человек не без греха. И Львову не полагается быть святым. Но мне обидно, что он Вас провел, и что Вы не заметили того, что в нем самое неприятное, т. е. что он тихоня, что его недостатки не лезут всем в глаза, что он умеет их прятать, что он кажется лучшим, чем он есть, что он делает зло втихомолку, исподтишка. Помню, как он пробирался в председатели Политического Совещания. Он как будто пальцем не двинул для этого, а все сделалось само, или благословил сделать. Пусть же он остается тем, что он есть: хорошим человеком, хорошим барином и земцем. Но не теряйте чуткости, реальности и не давайте себя ему обойти, как он умел обойти Николая II.

Там же. Кор. 4. Папка 3. Машинопись. Копия.

Примечания

1. Письмо Бахметева, на которое реагирует Маклаков, не сохранилось среди бумаг последнего, находящихся в архиве Гуверовского института. Очевидно, речь шла о хорошем приеме, оказанном американской общественностью бывшему российскому премьеру. Львов, наряду с Н. Д. Авксентьевым и П. Н. Милюковым, прибыл в США для воздействия в благоприятном для России духе на американское общественное мнение в период Вашингтонской международной конференции (12 ноября 1921 – 6 февраля 1922). Она была посвящена урегулированию отношений на Дальнем Востоке после первой мировой войны. Делегация РСФСР на конференцию не была допущена. Бахметев, в рамках своих весьма ограниченных возможностей посла несуществующего правительства, пытался отстаивать национальные интересы России, используя личные связи и общественное мнение. Львов пытался также, и довольно успешно, получить средства для поддержки русских эмигрантских организаций.
2. Неясно, кого конкретно имеет в виду Маклаков. Возможно, речь идет не только о министрах, но и об их заместителях, других работниках правительственных структур, среди которых было немало прежних сотрудников Львова по земской деятельности.
3. Щепкин Дмитрий Михайлович – товарищ главноуправляющего Земским союзом, товарищ министра внутренних дел в правительстве Г. Е. Львова.
4. Полнер Тихон Иванович (р. 1864) – земский деятель, журналист. Автор апологетической биографии Г. Е. Львова (см.: Полнер Т. И. Жизненный путь кн. Георгия Евгеньевича Львова: Личность. Взгляды. Условия деятельности. Париж, 1932).
5. Кокошкин Федор Федорович (1871–1918) – политический деятель, юрист, публицист. Один из лидеров партии кадетов. Депутат 1 Государственной думы. После Февраля председатель Юридического совещания при Временном правительстве, председатель Особого совещания по подготовке Положения о выборах в Учредительное собрание, государственный контролер. В ноябре 1917 г. арестован, в ночь на 7 января 1918-го убит в Мариинской тюремной больнице революционными матросами.
6. Русское политическое совещание – организация, созданная в Париже в конце 1918 г. для поддержки белого движения и защиты интересов России на международной арене. В состав Совещания вошли Г. Е. Львов, С. Д. Сазонов, Н. В. Чайковский, Б. В. Савинков, В. А. Маклаков и некоторые другие политические деятели и дипломаты.
7. Финансовый совет – орган для управления русскими активами за границей и распределения средств среди различных эмигрантских организаций. Решающую роль в нем играли послы Временного правительства.
8. Неоднозначная оценка Маклаковым личных и политических качеств Львова вызвала следующий отклик в письме Бахметева от 31 декабря 1921 года: «Меня искренне порадовали Ваши слова о Георгии Евгеньевиче во втором письме. Я иногда тоже страдаю от его окружения, но у него есть совершенно необыкновенные качества. От него исходит благодать и это его качество бесценно. Америка живо это поняла; она резко выделила князя из всех других русских и искренне полюбила. У меня самого в результате разговоров и наблюдения над работой развилось к Г. Е. чувство глубокой и нежной привязанности. Мне хочется его немного опекать, но это не опека сверху вниз, это забота о чем-то таком, чего нет ни во мне, ни в других, что бесконечно ценно, но хрупко и страдает от неумелого прикосновения к жизни» (Архив Гуверовского института войны, революции и мира. Коллекция В. А. Маклакова. Коробка 3. Папка 18).
9. Вырубов Василий Васильевич – в 1917 г. председатель Комитета Всероссийского Земского союза Западного фронта; в 1919-м управляющий делами Русского политического совещания в Париже.

«Это не убежденный фанатик, а карьерист...»

(В. А. Маклаков – Н. Н. Чебышеву. Париж, 8 февраля 1925 года)

Москва. 1 мая 1922 г. Во время парада частей Московского гарнизона на Красной площади. Слева направо: второй – М. Лашевич, третий – Л. Троцкий, пятый – Л. Каменев, рядом с ним – М. Томский.

[...] Марать столько бумаги и портить себе столько крови только затем, чтобы иметь возможность утешать публику фразой, что он давно для нас умер, несвойственно человеческой натуре, и причины всей той травли, которая против него начата, по-моему, гораздо проще и понятней[1].

Во-первых, что такое он сам. Не сомневаюсь, что прежде всего это не убежденный фанатик, а карьерист; этот вывод сходится и с людьми, его лучше знавшими. Это же многое и объясняет в отсутствии в нем определенной линии поведения. Человек очень способный и честолюбивый в условиях прежней русской действительности, да и вдобавок будучи евреем, он не мог не понять, что единственная карьера, открытая его честолюбию, есть карьера революционера; в нее он и устремился, меняя в ней партийные платформы, ни к одной из них плотно и прочно не приставая. Но во всем том, что он в это время делал, неизменно оставалось одно желание революции. Только революция, причем подлинно демократическая, а не какая-нибудь революция 1905 года, революция, которая сбросит все социальные верхи, открывала ему шансы. А так как ему приходилось много жить за границей и войти в сношения с западными революционерами, то не мудрено, что для него революция представлялась не иначе как мировой. Такие настроения могут быть делом прочного искреннего убеждения, но также и результатом ненасыщенного честолюбия.

Но вот революция произошла; она его вынесла наверх; из меньшевика он превратился в большевика; а достигнувши высоких степеней, в типичного милитариста; едва ли кто-либо с такой легкостью, как он, ввел бы в своем ведомстве все старые порядки и приблизил к себе старых людей; признак малой веры его в те демократические принципы, которые он будто бы исповедовал и которые привели Керенского[2] и даже Гучкова[3] к разрушению армии. При таких условиях он мог бы стать Бонапартом; но это было невозможно: не только потому, что большевистская партия принимала свои меры против всякого бонапартизма, но и потому еще, что для этого ему мешало его еврейство. Словом, эта дорога была закрыта, для роли же рядового члена партии, подчиняющегося решению большинства, более глупого, чем он, для роли человека, который чувствует свое превосходство умственное и организационное, принуждать воскуривать фимиамы коллективу – партии, – для этой роли у него не хватало преданности идее и вообще преданности делу. Отсюда неизбежность его столкновения с другими главарями и даже со всем коллективом. Психологически это понятно: какие же идеи стал он защищать в этом столкновении с коллективом: довольно любопытно и глубоко поучительно, что защищал он всегда не правые идеи, т. е. что в своих нападках на свою партию правда была на стороне партии. В это время партия переживала отрезвление, катилась назад, отказываясь от прежних глупостей, более умные люди шли впереди этого перерождения, т. е. старались способствовать эволюции большевизма. Троцкий, очевидно, должен был бы быть одним из этих умных. Но так как он был демагог и человек мало убежденный и страшно честолюбивый, то он предпочел другую роль – быть притворным и неискренним, защитником тех глупостей, которым продолжала верить масса. Главари партии отказывались от мировой революции – Троцкий на ней настаивал, упрекал партию, что она не обнаружила достаточной твердости и упустила момент. Ленин мирился с крестьянством, капитулировал перед ним, коммунистическое болванье видело в этом непоследовательность, капитуляцию, трусость. Троцкий оказался вместе с этим болваньем. Для умных главарей коммунизма было совершенно ясно, что Троцкий лжет и притворяется; не мог же он повторять коммунистические [пропуск в тексте], когда он первый при организации армии взял на службу всех прежних царских офицеров, чем показал, что он умеет быть выше предрассудков и революционных фраз. Но главари партии отлично понимали, что они конечно делают уступку, что они непоследовательны, что им приходится менять шкуру, потому что они прежде врали и что они теперь власть; и когда они видели, что Троцкий подлавливает их на этом и бьет их же собственным орудием, то они чувствовали к нему ту специальную ненависть, которую авгуры чувствовали к тому, кто выдавал их секреты. Но затем дальше; для того, чтобы можно было перевести коммунистическую барку на новые рельсы, нужно было господствовать над коммунистической партией, не подчиняться решению глупого большинства, вообще нужно властвовать, диктаторски властвовать над партией. Это было слабое место того этапа, который переживал коммунизм, но совершенно необходимый. Массам это не нравилось и они почувствовали, что есть какие-то олигархии, которые не дают им разговаривать; но на эту массу можно было прикрикнуть. И вдруг Троцкий появляется во главе этой массы, говорит о демократизме и о свободных дискуссиях внутри партии. Это опять-таки было предательство по отношению к главарям, которое они так и оценили. Словом, Троцкий подобрал для нападения на большевистских главарей самые опасные для них аргументы; но в то же время бил их на тех путях отступления, которые необходимо было пройти, чтобы спастись. Отсюда именно у главарей, а не у массы такая жгучая ненависть к этому изменнику и эта ненависть только усилилась той популярностью, которую эта позиция ему приобрела. Ведь ты подумай, кто с ним пошел. Пошли все недовольные, а ведь недовольны были решительно все, кроме небольшого меньшинства, которое связало себя с господствующей олигархией. Пошли, во-первых, остатки честных и убежденных и потому глупых коммунистов, которые верили тому, что им до сих пор говорили, и продолжали верить, что коммунизм есть спасение всего мира. Но эти честные люди понимали, что они ничего не могут сделать против своих начальников; что они рискуют даже попасть в контрреволюционеры; как же им было не радоваться, когда вместе с ними, рядом с ними выступала такая фигура, как Троцкий. Но рядом с этими убежденными коммунистами пошли все те, которые разочаровались уже в интегральном коммунизме, которые хотели бы гораздо скорее, чем это делала знаменитая «тройка»[4], переходить на буржуазные рельсы; все эти люди, не имея общей определенной программы, или по крайней мере, не решаясь ее защищать, спрятались под формальный флаг демократизма, как когда-то в былое время мы в споре с самодержавием прикрывались готовностью подчиниться решению всенародного коллектива. Дескать, дайте народу высказаться, глас народа – глас Божий. Все эти люди отлично понимали, что, когда им дадут высказаться, то с прежним коммунизмом будет покончено, и не могли не радоваться, что Троцкий вместе с ними. Наконец, все недовольные тем, что делается в России, господством коммунистической партии, советским режимом, словом, все те, которые радовались всякому расколу и непорядку в среде господствующего меньшинства, как мы когда-то радовались всякому скандалу в бюрократическом мире, словом, вся настоящая контрреволюция, которая бы повесила Троцкого на другой день после его успеха, все-таки же горой стала за него тогда, когда он выступал как враг их общего дела. Все эти условия, общее оппозиционное настроение в массе, общее недовольство сосредоточивалось вокруг Троцкого, сделало его героем минуты, как когда-то оно таким же героем минуты сделало Буланже[5]. Но и Буланже и Троцкий недостаточно сильны, а главное недостаточно убежденные люди, чтобы сломить силу сложившегося порядка; они столкновений с этим порядком не выдерживают, как не выдержал и Троцкий; как верно сказал Маслов[6] – Троцкий только барометр, показавший состояние атмосферы. Вот как я представляю себе личность и судьбу Троцкого; интересна не она, а интересен его успех, и тут мы подходим к вопросу о том, что сейчас происходит в России, и я глубоко согласен с тобой в оценке общего положения. Но об этом говорить уже более некогда. Обнимаю тебя.

Там же. Кор. 6. Папка 21. Машинопись. Копия.

Публикация Олега Будницкого.
Примечания Олега Будницкого и Сергея Горяйнова.

Публикатор выражает признательность Совету по международным исследованиям и научным обменам (IREX), благодаря гранту которого стала возможной работа в архивах США, а также сотрудникам архива Hoover Institution, чья доброжелательность и профессионализм способствовали успешному проведению исследования.

Примечания

1. Письмо В. А. Маклакова – ответ на письмо Н. Н. Чебышева от 30 января 1925 года с вопросом о Троцком в связи с его травлей в партийной печати и книгой «1917». Уничижительная статья Чебышева о книге Троцкого «Макулатура как экспорт» была опубликована в белградском «Новом Времени» № 1026 от 21 декабря 1924 года.
2. Керенский Александр Федорович (1881–1970) – адвокат, лидер фракции трудовиков в IV Государственной думе. Министр-председатель Временного правительства в июле–октябре 1917 года; с июня 1918-го в эмиграции.
3. Гучков Александр Иванович (1862–1936) – предприниматель, политический деятель, один из основателей и лидер партии «Союз 17 октября». С марта 1910 по март 1911-го председатель III Государственной думы. Вместе с В. В. Шульгиным принимал отречение Николая II. Военный и морской министр первого состава Временного правительства. Активно участвовал в белом движении, после окончания гражданской войны в эмиграции.
4. «Тройка» – И. В. Сталин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев. Этот временный и весьма противоречивый «союз» был создан для того, чтобы помешать Л. Д. Троцкому овладеть полнотой власти в ВКП(б).
5. Буланже Жорж-Эрнест-Жан-Мари (1837–1891) – французский генерал и политический деятель, военный министр в кабинетах Фрейсине (1886) и Гобле (1886–1887). Вокруг Буланже группировались различные политические силы, стремившиеся к государственному перевороту, который должен был поставить Буланже во главе государства. Борьба с буланжистами сделалась главным содержанием политической жизни Франции в 1888–1890 гг. После возбуждения дела по обвинению в государственной измене Буланже бежал в Брюссель, где покончил жизнь самоубийством.
6. Маслов Семен Леонтьевич (1873/74–1938) – ученый-экономист, публицист, член партии социалистов-революционеров с 1902 года. Автор одного из первых проектов закона о земле, министр земледелия 3-го коалиционного Временного правительства, член Учредительного собрания. В начале 20-х отошел от политической деятельности, но в 1930 году был обвинен в принадлежности к нелегальной эсеровской организации, отбывал ссылку, расстрелян в 1938 году. В 1988-м реабилитирован.

Москва, Воздвиженка 4/7...

Каждый день в редакцию приходят десятки писем от наших читателей. С благодарностями, советами, критическими замечаниями... Спасибо вам за внимание к журналу! А сегодня мы отвечаем на ваши вопросы.

«Почему объем журнала меняется: то 96 страниц, то больше?»

Деньги, которые мы получаем от подписки, покрывают лишь часть редакционных затрат, остальное – за счет государственных дотаций. К сожалению, в этом году получить дотации в полном объеме не удалось, поэтому пришлось уменьшить объем журнала и даже сдвоить (№ 7–8) один выпуск. Если недополученные средства поступят на редакционный счет, мы обязательно компенсируем читателям «пропущенный» номер.

«Вы обещали карты-вкладки как приложение к журналу. Где они?»

С предыдущим номером вышли две карты-вкладки. Чтобы выпускать их чаще, требуются дополнительные средства.

«Вы пишете, что «Былое» – бесплатное приложение к «Родине». Ничего бесплатного в природе не бывает...»

Верно. Выпуск «Былого» осуществляется за счет средств, полученных от размещения в «Родине» рекламы. Расчет прост: три рекламы – это полновесный выпуск одного номера газеты.

«Цена журнала все время растет. На лотках – до 20 тысяч рублей. Но как же быть нам, учителям, кому «Родина» нужна в первую очередь, да вот зарплата не позволяет...»

Мы изучаем возможность снижения цены. В частности, те, кто оформил годовую подписку, – не проиграли, годовой комплект им достался значительно дешевле. Может быть, введем адресную подписку – с заказом журнала непосредственно в редакции... Что же касается розницы, то тут, к сожалению, мы бессильны. Лоточники взвинчивают цену в 2–3 раза против отпускной, по которой журнал отдаем мы.

«Нам очень нравятся тематические военные выпуски «Родины». Что еще планируется издать в ближайшее время?»

В работе сразу несколько номеров (перечисляем в порядке готовности): монгольское нашествие (X – XV вв.); «холодная война» (1945 – 1964 гг.); русско-шведские войны (XVII – XIX вв.); русско-японская война (1904–1905 гг.)...

«Вышел нулевой номер «Репетитора» – еще одно приложение к «Родине». Понравился! Но будет ли № 1?»

«Репетитор» предназначен для старшеклассников и абитуриентов. «Пилотный» номер подтвердил, что такой журнал им действительно нужен. Вместе с учителями истории и литературы из екатеринбургских школ мы подкорректировали содержание следующих номеров. Осталось найти спонсоров или собрать заказ (на 30–40 тыс. экз.) – и в типографию! Надеемся, что в октябре появится первый номер «Репетитора».

«В журнале «Источник» (приложение к «Родине»), где печатаются только документы, в том числе из бывших секретных архивов ЦК КПСС и КГБ, – столько сенсаций! Но тираж этого журнала небольшой. Можно ли некоторые документы из «Источника» публиковать и в «Родине»?»

Так и планируем с нового года.

«Где можно купить «Родину» и ее приложения?»

Москвичам «Родину» можно приобрести на лотках в метро, в киосках, а подписаться в любом отделении сбербанка Москвы или в Старообрядческой книжной лавке (здесь же можно подписаться на приложения к «Родине» и купить старые номера журналов) по адресу: Бутырский вал, 8/3 (ст. м. «Белорусская»).

«Можно ли приобрести книги, выпущенные журналом «Родина»?»

Да, можно. Цены, включая пересылку, такие:

«Сталин в объятиях семьи» (переписка с матерью, женой, дочерью, документы о В. Сталине, личный фотоальбом И.Сталина) – 8 тыс. рублей;

«Кремлевский самосуд» (секретные документы Политбюро о писателе А. И. Солженицыне) – 15 тыс. рублей;

«Державный орел России» (около 150 цветных и ч/б иллюстраций) – 18 тыс. рублей;

«Мигающий синема» (история дореволюционного русского кино) – 16 тыс. рублей;

«229 кремлевских вождей» (биографические данные руководителей партии с 1917 по 1991 г.) – 23 тыс. рублей;

Н. И. Павленко «Страсти у трона» (история дворцовых переворотов от Петра I до Екатерины II) – 16 тыс. рублей.

Москвичи могут приобрести эти книги в Старообрядческой книжной лавке, **а иногородние должны перечислить деньги в редакцию журнала «Родина»**: *Внешторгбанк РФ, расчетный счет 60902155 в ЦОУ ЦБ РФ корсчет. 187161400 МФО 299112 код ЕЕ.*

В документе на пересылку денег не забудьте указать, какую книгу вы хотите приобрести и количество, а кроме того, эти же данные и домашний адрес сообщите в письме в редакцию.

Подписка на 1997 год!

Журнал «Родина»
(с бесплатным приложением газетой «Былое»):

◆ *Полугодовая подписка (6 номеров) — **60 тыс. рублей.***
*Индекс в каталоге «Роспечать» **73325.***
◆ *Годовая подписка (12 номеров) — **120 тыс. рублей.***
*Индекс в каталоге «Роспечать» **72331.***

Журнал «Источник»
(с бесплатным приложением «Вестник Архива Президента РФ»)

◆ *Полугодовая подписка (3 номера) — **30 тыс. рублей.***
*Индекс в каталоге «Роспечать» **73187.***
◆ *Газета «Былое»: полугодовая подписка*
*(6 номеров по 24 страницы) — **12 тыс. рублей.***
*Индекс в каталоге «Роспечать» **50009.***

Рассчитывавм, что наши подписчики будут лучшими пропагандистами «Родины» и ев приложений!

Игорь Можейко,
доктор исторических наук

«Поручик Голицын, надеть ордена!»

Кому и за что давали награды в белой армии

Существует распространенное мнение, что орден св. Георгия, а также Георгиевские кресты никогда не выдавались за участие в военных действиях при подавлении беспорядков, в боях гражданской войны. Вопрос этот непростой и остается таковым вплоть до сегодняшнего дня хотя бы потому, что орден св. Георгия возрожден в числе орденов России, но награждение им в мирное время не предусмотрено.

Какова была судьба ордена св. Георгия и Георгиевского креста в годы гражданской войны, узнать нелегко. Дело в том, что существует лишь одна серьезная книга о наградах белого движения, а именно труд П. Пашкова, изданный в Париже в 1961 году: «Ордена и знаки отличия Гражданской войны 1917–1922 гг.». Работая над книгой, автор беседовал с ветеранами белого движения, читал их воспоминания и эмигрантскую прессу. Но в советские архивы он (как, впрочем, и отечественные фалеристы) заглянуть не мог. Так что приведенные им сведения, хоть и проверенные показаниями очевидцев, требовали документального подтверждения.

Какова же была точка зрения Пашкова, а значит, и белой эмиграции, на судьбу «георгиевских» наград в гражданскую войну?

«Полный бант» солдатских Георгиевских крестов.

Пашков полагает, что на фронтах адмирала Колчака, генералов Миллера и Юденича солдаты не награждались вовсе, а офицеры могли получать дореволюционные ордена, однако орден св. Георгия выдавался лишь в армии Колчака. «Несколько особняком, – продолжает Пашков, – стоял фронт генерала Деникина, где ордена (но не орден св. Георгия) давались только в Донской армии. В Добровольческой армии, а потом и Вооруженных силах Юга России этот вопрос был разрешен принятием принципа, который гласил о невозможности награждения старыми русскими орденами за отличия в боях русских против русских».

Что же говорят документы?

Дело обстояло несколько сложнее, чем описывает Пашков. Это и понятно: ведь командующие белой армии находились между Сциллой и Харибдой. С одной стороны, требовались награды, с другой – существовали моральные возражения против их вручения. В результате складывалась ситуация, о которой генерал Врангель писал в своих воспоминаниях: *«В армиях генерала Деникина боевые подвиги награждались исключительно чинами. При беспрерывных боях многие получали в течение двух лет несколько чинов, и в штаб-офицеры и даже в генералы попадали совсем юноши. Являясь по своему чину кандидатами на высшие должности командиров частей и высших соединений, они не обладали ни достаточной зрелостью, ни должным опытом».*

И Пашков, и Врангель оказались на поверку не правы. Недавно в Филадельфии тиражом в сто экземпляров вышли два сборника документов, составленные Дмитрием Петерсом. В них – выдержки из приказов, протоколы забытых заседаний и вырезки из канувших в Лету газет, объединенные единой темой – историей наград белого движения эпохи гражданской войны. В их числе – сообщение о награждении генерал-лейтенанта Гусельщикова Георгиевским крестом (степень не указана), а также приказ по Добровольческой армии № 490 от 27 сентября 1919 года о награждении Георгиевской медалью 3 класса помощника машиниста бронепоезда «Полковник Запольский» Моисея Шестуна, подписанный генералом В. Май-Маевским. Из документов, опубликованных Д. Петерсом, следует также, что в ноябре 1919 года Георгиевским крестом 1-й степени был награжден член Большого войскового круга Донского войска подхорунжий Борисотов.

Совершенно очевидно, что если Петерсу удалось отыскать в архивах эти приказы, то существовали и иные, не дошедшие до нас. И вывод однозначен: в 1919 году в Добровольческой армии «георгиевские» награды существовали.

Также ошибочной оказалась категоричность Пашкова в отношении Северной армии генерала Миллера. Петерс отыскал приказ Миллера № 278 от 13 сентября 1919 года, в котором приводится список награжденных Георгиевским крестом офицеров и рядовых с описанием их подвигов. Причем важно подчеркнуть факт, о котором Пашков, очевидно, не подозревал: в армии генерала Миллера не только широко практиковалось награждение Георгиевскими крестами, но была введена собственная нумерация, чтобы, раздавая уже «бывшие в употреблении» награды, не путаться в отчетности.

Подпрапорщик Потехин был награжден Георгиевским крестом 1-й степени за № 7, старший унтер-офицер Харитонов получил Георгиевский крест 3-й степени № 121, а стрелок Чубарев — 4-й степени № 1026.

Д. Петерс взял на себя труд проверить по спискам награжденных, опубликованным в газете «Вестник Временного правительства Северной области», каковы были максимальные номера Георгиевских крестов. Оказалось, что до конца 1919 года было роздано 17 крестов первой степени, 106 — второй, 422 — третьей и 2270 — четвертой.

Из этого можно сделать вывод о крайней редкости «миллеровских» крестов, чем объясняется их отсутствие в собраниях. Так что до сих пор неизвестно, чем же отличались Георгиевские кресты генерала Миллера от дореволюционных.

Ошибаясь в отношении награждений в Южной и Северной армиях, Пашков прав, когда говорит о том, что в армии Колчака награждали не только Георгиевскими крестами и медалями, но и орденом св. Георгия.

Колчак считал сомнения своих «сотоварищей» по белому делу излишними. Это явствует из его приказа № 110, изданного в декабре 1918 года, на заре его деятельности. Адмирал велит *«восстановить день Празднования св. Великомученика и Победоносца Георгия и считать этот день праздником для всей Русской Армии»*.

В феврале 1919 года, как следует из опубликованных Петерсом «Правил», офицеров и солдат колчаковской армии стали награждать орденом св. Георгия, Георгиевскими крестами и Георгиевским оружием.

Вскоре «по постановлению Георгиевской думы» Верховному правителю адмиралу А. В. Колчаку был преподнесен орден св. Георгия 3-й степени. Практически одновременно сам Колчак вручил орден св. Георгия 3-й степени генерал-лейтенанту Г. Вержбицкому и генерал-майору Б. Зиневичу за Кунгурскую и Пермскую операции. Генералы же В. Каппель и С. Войцеховский удовлетворились орденами 4-й степени.

Известно также об одном награждении Георгиевским знаменем. Этой награды удостоилась Ижевская стрелковая дивизия, сформированная из добровольцев-рабочих Ижевских заводов.

На юге России отношение к «георгиевским» наградам изменилось лишь с осени 1919 года. Первыми ласточками грядущих перемен послужили приказы, отданные командованием Добровольческой армии, направленные на упорядочение награждений, произведенных за пределами Добровольческой армии.

7 сентября 1919 года генерал Деникин издает приказ № 2070, по которому «награждение орденами, совершенное в бывшем отряде Бичерахова, считается несостоявшимся».

Братья Георгий и Лазарь Бичераховы, осетины, были выдающимися командирами гражданской войны. Здесь не место описывать их подвиги и авантюры. Главное, что после ряда боев и перемены сторон части Бичераховых сосредоточились в Петровске-Порте и Баку, где их разоружили англичане. Остатки отрядов Бичераховых влились в Добровольческую армию, и тут обнаружилось, что офицеры отрядов, как рождественские елки, увешаны русскими орденами.

9 сентября Деникин приказывает считать недействительными награждения русскими орденами, и в первую очередь орденом св. Георгия, произведенные командованием Кавказского фронта, а также национальными правительствами Азербайджана и Грузии (что само по себе открытие, ибо ранее не было документальных свидетельств тому, что в независимых государствах Закавказья награждали русскими орденами).

С приходом к командованию Добровольческой армией генерала Врангеля отношение к «георгиевским» наградам окончательно определилось. В приказе, изданном в августе следующего года, всем командирам предписывается провести ревизию орденов и крестов св. Георгия, ибо слишком многие носят награды незаслуженно. И, наконец, еще через месяц, на закате эпопеи белого движения, Врангель публикует приказ следующего содержания: *«Знаки ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия, пожалованные адмиралом Колчаком за отличия, оказанные в Гражданской войне — не носить в Русской Армии... Указанные знаки отличия знаками ордена св. Николая Чудотворца — не заменять»*.

Таким образом завершается непростой внутренний спор между основными руководителями белого движения. Правда, не стоит забывать, что к тому времени адмирал Колчак уже был расстрелян, а остальные сторонники награждений георгиевскими знаками сошли со сцены. Остатками колчаковцев командовал атаман Семенов, также запретивший награждения Георгиевским крестом.

Последний приказ Врангеля, на мой взгляд, актуален и сегодня. Если Правительство считает Чечню неотъемлемой частью России, значит, война с ней является гражданским конфликтом. На заседании Государственной комиссии по наградам я высказал свое мнение в том, что награждать русскими орденами и званием Героя России за действия, приведшие к гибели десятков тысяч российских мирных жителей, аморально. Однако почти все члены Комиссии как бы приняли точку зрения адмирала Колчака, полагая, что выполнение воинского долга должно поощряться орденами независимо от того, в каких условиях этот долг выполняется.

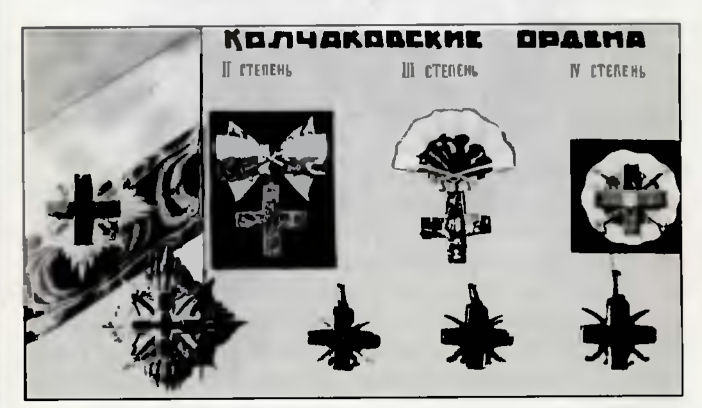
Пропавший орден

Сомнения по поводу того, насколько этично награждать царскими орденами, и в первую очередь орденом св. Георгия, участников гражданской войны, на всех фронтах решались схоже — путем учреждения

Звезда ордена «Освобождение Сибири» с саблями. Украшена хризолитами.

Колчаковские ордена
II степень
III степень
IV степень

Витрина со знаками орденов «Освобождение Сибири» из Новосибирского музея. Начало 30-х гг.

Нарукавный знак корниловцев — элиты белого движения.

Генерал Н. Саблин, командир Корниловского полка с нарукавным знаком полка, орденом святого Георгия 4-й степени и знаком за первый кубанский поход.

собственных орденов и наград. Однако, если медалей и крестов насчитываются десятки, то орденов белое движение родило немного. Орден св. Николая Чудотворца был учрежден в Добровольческой армии, а таинственный орден «Освобождение Сибири» — в стане Колчака.

На исходе гражданской войны некоторым штабам удалось покинуть Россию, сохранив документы. Так случилось на Юге, где из Севастополя были вывезены многие архивы. Однако в замерзающих эшелонах на Великом Сибирском пути, на льду Байкала, в степях Монголии документы сохранялись плохо. Большая часть того, что удалось спасти, на долгие десятилетия залегла в секретных отделах советских хранилищ. Поэтому неудивительно, что история создания, статуты и даже сами знаки ордена св. Николая давно известны специалистам и многократно описаны, в том числе и Пашковым, а вот об ордене «Освобождение Сибири» до последнего времени ходили лишь путаные слухи.

«Открытие» этого ордена связано с именами П. Кваскова и Д. Петерса.

Толчок к розыску дало туманное упоминание об ордене «Освобождение Сибири» в книге Пашкова. Вот что он пишет: *«Об этом ордене сведения чрезвычайно скудны и надо полагать не особенно достоверны. Германский исследователь... К. Г. Клитман, ссылаясь на сведения, полученные им от генерал-лейтенанта В. Сахарова, говорит, что орден «Освобождения Сибири» действительно существовал, представлял собою золотую звезду, украшенную зеленым малахитом, и награждены им были всего несколько лиц. Учрежден этот орден был «Всероссийским временным правительством», так называемой «Директорией», образовавшимся в сентябре 1918 года и в октябре того же года переехавшим в Омск. Просуществовала эта директория однако недолго, была свергнута в ноябре, и адмирал Колчак был провозглашен Верховным Правителем»*.

При таком описании допустимо, что орден мог существовать, а мог и не существовать. Он был создан помимо Колчака и, возможно, последним запрещен...

В начале 60-х годов книга Пашкова попала в руки охотнику за наградами Кваскову. Он, бывший цирковой борец, работал в цирке администратором. Петр Петрович был могучим добродушным гигантом, питерским коллекционером первого послевоенного поколения. Особую страсть он питал к наградам времен гражданской войны, в то время совершенно неизвестным в нашей стране, ибо их носители обычно оставались за пределами нашей державы, а если и попадали домой, то уж, конечно, без таковых. Поверив Пашкову, Петр Петрович отправился в Сибирь на поиски ордена. К счастью, на сибирские гастроли попасть было нетрудно.

Я не знаю, как долго Квасков шел по следу. Мне он об этом не рассказывал. Но, разумеется, его поиски не ограничивались колчаковским орденом. Ему удалось обнаружить неизвестные награды атамана Семенова, отыскать медаль Приамурского Земского собора — последнюю награду белого движения в России, появившуюся на свет в августе 1922 года... Но однажды Петр Петрович встретился с женщиной, работавшей до войны в Новосибирском музее. Она рассказала, что собственными глазами видела знаки ордена «Освобождение Сибири», причем «большие и маленькие». Якобы в музее была даже специальная витрина для этих орденов, что и послужило в конце тридцатых годов одним из оснований к аресту музейщиков. О дальнейшей судьбе орденов она ничего не знала.

Знак ордена св. Георгия 3-й степени.

Рождественская эмигрантская открытка.

Но Петра Петровича, тем более когда он учуял запах «добычи», со следа не собьешь. Он понял, что если и есть шансы отыскать орден, то именно в Новосибирске.

Квасков принялся методично обходить всех бывших работников музея и их родственников. Как-то он попал к одной пенсионерке, и там его ожидал приятный сюрприз: в свое время она помогала оформлять новую экспозицию и на всякий случай ее сфотографировали, в том числе и витрину с орденами Колчака. А фотографии остались у нее дома. Из стопки забытых фотографий, которые чудом не выкинули, Квасков вытащил ту, которую вы видите перед собой. На ней — полный набор знаков ордена «Освобождение Сибири».

И вы думаете, что, получив фотографию — свидетельство того, что орден существовал наяву, Петр Петрович успокоился? Ничего подобного. С новыми силами он продолжал методично обходить всех, кто мог иметь отношение к музею в тридцатые годы. Правда, теперь он имел в руках фотографию и показывал ее. Люди кивали, узнавая витрину, но не более того.

И вот за два дня до окончания гастролей Кваскову удалось получить адрес бывшего музейного слесаря.

Придя к старику, Квасков повторил ставшие почти ритуальными действия: достал фотографию и спросил, не знает ли слесарь о судьбе этих знаков.

Ответ был неожиданным.

— *Знаю, правда не о всех, а вот об этой, нижней слева, звезде знаю.*

— *И что же вы знаете?* — спросил Петр Петрович.

— *Я ее тогда взял,* — сказал слесарь.

Оказывается, все эти награды было приказано уничтожить. И тогда слесарь выпросил у директора одну из них. Золотая сабелька на ордене очень пригодилась бы для починки ювелирного изделия. Слесарь отломал сабельку со звезды и пустил ее в дело. А ненужный орден бросил в большой ящик с болтами, винтами, железками и прочей ерундой, столь необходимой каждому рукастому человеку.

Рассказав это, он выдвинул из-под стола большой старый ящик. Долго копался в нем, а Петр Петрович, как рассказывал потом, боялся пошевелиться, потому что знал, что по закону подлости именно эту звезду вытащил из ящика и выкинул один из внуков слесаря.

Но... через несколько минут слесарь протянул Кваскову почерневшую от времени серебряную звезду с зелеными стеклами. Одна из золотых тонких сабелек, пересекающих центр звезды, была отломана.

Звезду слесарь Кваскову подарил.

...Впервые я взял эту звезду в руки в третий или четвертый визит в Ленинград к Петру Петровичу, когда он ко мне привык и уже доверял.

Конец одной из сабелек был отломан. Но все хризолиты, наложенные крестом на центр звезды, были целы — слесарю они оказались не нужны.

После трагической смерти Петра Петровича его коллекция, к счастью, не погибла. Звезда ордена «Освобождение Сибири» хранится сейчас в Русском музее.

Несостоявшаяся награда

И вот на помощь таланту коллекционерскому пришел талант музейный, архивный. Так и не открытые при жизни Кваскова тайны, связанные с учреждением ордена, разгаданы с помощью Д. Петерса.

Если обратиться к сообщениям белогвардейской прессы 1919 года, к приказам по армии и делам совета министров, обнаруживается, что история ордена начинается с февраля 1919 года, когда Директории уже не существовало, — то есть генерала Сахарова подвела память. Орден относился лишь к эпохе Колчака, так как именно в феврале 1919 года в Омске был объявлен конкурс на рисунки знаков двух орденов: «Возрождение России» и «Освобождение Сибири». Причем в те дни наибольшее внимание придавалось первому, неосуществленному ордену, о котором в объявлении говорилось, что «*символом возрождения могут быть мотивы, заимствованные из русских национальных сокровищ древней орнаментальной мистики и современных графически переданных аллегорий*». В задании художникам были высказаны мысли, касающиеся ордена «Освобождение Сибири», которые были впоследствии воплощены в жизнь, а именно: его лента состоит из равных зеленой и белой полос, а степеней в ордене должно быть четыре.

29 апреля на конкурсе победил проект художника Ильина. 6 июня 1919 года председатель совета министров П. Вологодский сообщил на заседании правительства, что Верховный правитель утвердил проект ордена «Освобождение Сибири» (фигурирует уже один орден), но следует внести в него уточнения, так как проект не во всем соответствует образцам. Была создана очередная комиссия по внесению исправлений...

Работа шла быстро. Уже на следующий день военный агент в Японии генерал-майор Подтягин сообщил военному министру, что японская фирма «Сугимура» начала изготовление лент общей стоимостью 2904 иены. Причем если длина лент для 2—4-й степеней была по 50 метров, то для первой степени было заказано лишь 9 метров ленты, то есть предполагалось наградить не более 6 человек.

Еще через неделю совет министров утвердил статут ордена, по которому число кавалеров первой степени ограничивалось тридцатью, второй — 100, третьей — 300 кавалерами; количество награждений четвертой степенью не ограничивалось, и ею было дозволено награждать солдат.

Крест первой степени ордена изготавливался из золота, на него с лицевой стороны был наложен малахитовый крест, сужающийся к концам. Он носился на бело-зеленой ленте через правое плечо. К нему полагалась звезда, которая, как и знак, могла выдаваться с мечами (за военные заслуги) и без них — за гражданские. Именно «военная» звезда стараниями Кваскова и дошла до наших дней.

Далее на первый план вышли дела военные, положение на фронтах ухудшилось, и потому лишь 3 октября совет министров выделил на изготовление знаков аванс в 50 тысяч рублей, о чем и сообщил омский «Правительственный вестник».

Это последнее упоминание об ордене в документах колчаковского правительства, найденных Д. Петерсом.

Боюсь, что сегодня вряд ли можно сказать с уверенностью, производились ли награждения этим орденом. По сведениям генерала Сахарова — да. Но вряд ли этому найдутся подтверждения.

Допустим, знаки были готовы к началу ноября. Но ведь 4 ноября началось наступление Красной Армии, так называемая Омская операция. Фронт колчаковских войск начал рассыпаться. 14 ноября 27-я стрелковая дивизия Блажевича вошла в Омск. Правительство бежало в Новониколаевск. Очередь Новониколаевска наступила после 20 ноября, когда в жгучие морозы красные войска двинулись вдоль Великого Сибирского пути на восток. До 12 декабря отступающей 3-й армией Колчака командовал генерал Сахаров, который и дал впоследствии сведения Пашкову об ордене «Освобождение Сибири». После того как 12 декабря Колчак снял его с командования и заменил генералом Каппелем, он остался в Новониколаевске, где скопились все тыловые и правительственные учреждения. Еще два дня продолжались бои за Новониколаевск, и 14 декабря 27-я дивизия взяла город. Продолжалась агония белой армии. Отсюда началось уже беспорядочное бегство.

Теперь становится ясно, почему комплект орденов «Освобождение Сибири» оказался именно в Новониколаевске — там были оставлены склады и архивы. Успел ли Колчак вручить кому-то ордена — неизвестно. Затем они попали в музей, где и погибли.

Так как освобождение Сибири не состоялось, то и смысл этого ордена пропал: возродиться в эмиграции он не мог. Его место занял орден «За великий Сибирский поход», который выдавался уцелевшим участникам трагического исхода белых из Сибири. Он был учрежден в феврале 1920 года генералом Войцеховским. Этот орден хорошо известен, потому что знаки его изготавливались в эмиграции.

Надгробный камень на могиле генерала П. Н. Врангеля.

Елена Бондарева,
кандидат исторических наук

«Сейчас вы для меня еще дороже...»

Такими словами встречал молодой король только что рожденного государства — Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года Королевство Югославия) русских беженцев, буквально захлестнувших Балканы в начале двадцатых годов. Этот монарх, определивший эпоху в истории южных славян, оказал значительное влияние и на судьбы русской эмиграции.. От Харбина до Буэнос-Айреса русские неизменно называли Александра не иначе как Король-Рыцарь. Его убийство в Марселе в 1934 году было воспринято русскими эмигрантами как апокалипсическое повторение злодеяния над семьей Романовых. В этой смерти люди, прошедшие через революцию и гражданскую войну, безошибочно угадывали наступление «вертепа», помрачившего Европу, в котором погибло и детище короля Александра — Югославия, и «русский остров» в Сербии — последнее прибежище российских скитальцев, где они чувствовали себя равноправными подданными православного монарха. Многим первая встреча с королем Александром запомнилась так: «Озаренное внутренним светом лицо, глубокие лучистые глаза, испускавшие тепло, любовь и радость. Нам, только что потерявшим своего Царя и свое распятое отечество, так щемяще больно и так радостно наблюдать слияние Монарха со своим народом... Потом часто мы встречали его на улицах столицы. Одного, без провожатых, без охраны. Останавливались, пораженные спокойным пренебрежением к опасности, и низко кланялись его величию. А в ответ, всегда и неизменно, обаятельная улыбка, рука под козырек и проникновенный ласкающий взгляд...»[1]

Вспомним еще одного из замечательнейших государей истории — Александра I Карагеоргиевича, убитого македонцем при содействии темных закулисных кругов кроатских (Павелич), венгерских, итальянских, французских (в октябре 1934 г.), а может быть и сербских... Их всех тревожило возрастающее величие Югославии и мудрая независимость ее короля.

И. Ильин. О монархии и республике.

Король Александр Карагеоргиевич.
Военный музей. Белград.

О судьбе и личности короля Александра у нас писалось немного и зачастую неточно. Он родился в столице Черногории городе Цетине 17 декабря 1888 года. Его отцом был Петр Карагеоргиевич (1844—1921; с 1903 г. — Король Сербии), матерью — Зорка Петрович (1864—1890), черногорская принцесса. Его отец большую часть жизни провел в изгнании, поэтому дети получали образование за границей. Сначала Александр учился в Женеве, затем в Петербурге — в гимназии и Пажеском корпусе. С 1909 года он был провозглашен престолонаследником и готовил себя к будущей миссии весьма серьезно. Молодость Александра связана с войнами: он прошел фронты двух Балканских войн и первой мировой.

Великая война, как неизменно называли русские офицеры первую мировую, скрепила военное братство сербов и русских. То, что оставалось неосуществленной целью русско-турецких войн — создание свободного государства южных славян, удалось в какой-то мере сделать после мучительных испытаний 1914—1918 годов. В балканской эпопее завязались те отношения между королем Александром и русскими людьми, которые определили и осветили все позднейшие события.

Планы европейского ристалища разрабатывались практически во всех генштабах задолго до начала событий. Аппетиты Германии и Австро-Венгрии переросли кабинетные масштабы, и военные действия стали неизбежны. «Известная нам ныне из официальных источников и нашедшая сочувствие в Берлине, мечта Венского кабинета о создании нового Балканского союза, под главенством Центральных империй, отдавала славянский восток, связанный по рукам и ногам, во власть Австро-Германии, вытесняя раз и навсегда из Балканов русское влияние... открывая беспрепятственный доступ австрийцам в Салоники, а немцам — в вожделенный Константинополь. Окончательное водворение Германии на Босфоре и Дарданеллах было бы равносильным смертному приговору России...»[2] — так писал крупнейший российский дипломат, основываясь на собственном опыте и позднейших изданиях дипломатических и военных документов. Соединению Австрии со своим союзником на Балканах — Фердинандом Кобургским (Царем Болгарии) и с Турцией мешало существование Сербии. Дальнейшее хорошо известно. Предлогом послужило сараевское убийство, и несмотря на то, что унизительнейший ультиматум Австрии был сербами принят, им была объявлена война. Все это затрагивало жизненно важные интересы России.

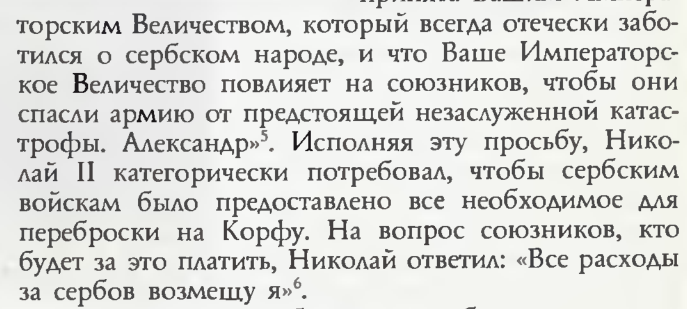
В эти напряженные дни королевич Александр обратился к российскому императору за помощью. Николай II ответил: «Пока остается хоть малейшая надежда на избежание кровопролития... все мои усилия будут направлены к этой цели. Если, несмотря на наше самое искреннее желание, мы ее не достигнем, Ваше Высочество может быть уверены, что Россия, ни в каком случае, не останется равнодушной к участи Сербии»[3]. Итак, Россия вступила в войну, в ходе которой произошел ряд головокружительных изменений: был сдвинут целый цивилизационный пласт, рухнули и перестали существовать три империи — Российская, Австро-Венгерская и Османская. На карте появились новые государства, на 1/6 земной суши укрепился большевизм, экономические и политические плоды победы Антанты невероятным образом сконцентрировались за океаном, а израненная, отравленная Европа, так и не найдя решения геополитических ребусов, замерла на 20 лет в ожидании нового разлома. Вот в этих «вселенских вихрях» и завертело в 1914 году и Россию, и Сербию.

Образ Пресвятой Богородицы Тихвинской (работа иконописцев Святогорского Пантелеймонова монастыря на Афоне). Дар династии Романовых королевскому дому Карагеоргиевичей.

Сербы мужественно сражались, несколько волн австрийского наступления было остановлено — сначала у Церского хребта, затем в знаменитой Колубарской битве. После этого Белград и большая территория Сербии были очищены от неприятеля, но сил для развития успеха не было. Сербский театр оттягивал значительные силы австрийских войск от Восточного фронта и тем несколько облегчал положение российской армии. После недолгого затишья в войну против Сербии вступили Болгария и Германия. Австро-германские войска под командованием генерала Макензена теснили войска короля Александра к югу, в спину ударила Болгария, десант союзников был слишком малочисленным и запоздалым, положение сербской армии, откатывающейся к горным перевалам Албании, становилось безнадежным. Оказать прямую военную помощь Сербии в этот момент не могла и Россия. Вместе с армией шло мирное население, беженцы — зимний переход через албанские горы к спасительному Адриатическому побережью стал поистине «сербской голгофой». В этот момент, казалось, проиграно все — союзники оставили на произвол судьбы, неприятель отрезал путь назад в Сербию. Силы короля Александра в начале войны составляли 300 тысяч, к моменту эвакуации армии после албанского похода на остров Корфу осталось 120 тысяч (общая численность сил противника на этом фронте превышала 800 тысяч)[4].

В эти трагические дни, которые Александр вспоминал потом всю жизнь, он вновь обращается к императору Николаю с телеграммой: «Крайне необходимо, чтобы союзный флот перевез мою северную армию... в какое-либо безопасное место недалеко от границы Сербии, лучше всего вблизи Салоник, так как голодная и измученная после беспрерывных боев и марша, не защищенная от нападения врага армия не сможет сухим путем перейти туда, куда хотят союзники. Надеюсь, что эта моя просьба будет принята Вашим Императорским Величеством, который всегда отечески заботился о сербском народе, и что Ваше Императорское Величество повлияет на союзников, чтобы они спасли армию от предстоящей незаслуженной катастрофы. Александр»[5]. Исполняя эту просьбу, Николай II категорически потребовал, чтобы сербским войскам было предоставлено все необходимое для переброски на Корфу. На вопрос союзников, кто будет за это платить, Николай ответил: «Все расходы за сербов возмещу я»[6].

Сербская армия была спасена благодаря вмешательству и заступничеству Николая II, а в 1916 году на Салоникский фронт прибыла Русская Особая дивизия (под командованием генерала Леонтьева). Наступление австро-германских войск выдохлось, они

понесли серьезные потери на Восточном фронте, а позднее и на Западном. Оказавшись вновь на родной земле, сербская армия освободила страну, совершив то, что казалось невозможным. Россия в последнюю минуту своего исторического бытия великой империи спасла маленькую Сербию от уничтожения, оставив ей радость победы и заботы государственного строительства. Россия, начав долгий путь по кругам революционного ада, оставила за спиной маленький островок братского православного государства, который стал для многих русских «землей обетованной».

Король Александр, обустраивая после войны свою разоренную землю, никогда не забывал решающей помощи России, как никогда не забыл детс-

Русское кладбище в Белграде. Иверская часовня — точная копия московской святыни.

Могила посланника России Гартвича в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, скоропостижно скончавшегося в день вступления России в первую мировую войну.

ких впечатлений от Петербурга, от гимназии, театра, библиотек. Все это потом отзовется в отеческой заботе Александра об устройстве своих русских подданных в Югославии.

Относительно числа русских беженцев, осевших в Югославии на длительное время, существуют разные мнения. Несомненно, что через нее прошло несколько сотен тысяч русских, задержалось и осталось проживать в 20-е годы, по разным оценкам, от 50 до 90 тысяч человек. Более точные цифры назвать невозможно, так как беженское население подвижно. Во всяком случае известно, что только военных при эвакуации Врангелем армии из Крыма в Югославию прибыло более 11 тысяч. Вместе с военными были гражданские специалисты, их семьи. Больше всего в Королевстве сербов, хорватов и словенцев оказалось так называемой трудовой интеллигенции: врачей, учителей, инженеров, адвокатов, артистов. Звезды литературы и искусства через Сербию потянулись в европейские столицы, а средний слой большей частью остался здесь, у короля Александра, вероятно еще и потому, что именно здесь они были очень нужны и полезны.

Русские сами себя в шутку часто называли «четвертыми славянами» в королевстве Александра Карагеоргиевича — триединой монархии. Государство было многонациональным: 41% составляли сербы, 23% — хорваты, 8,8% — словенцы, около 6% —боснийцы-мусульмане, 5,3% — македонцы, 2,8% — черногорцы и около 12% — остальные народы. При этом важно отметить, что сербы, черногорцы, македонцы — православные, все вместе они составляли больше половины населения Королевства, включившего в себя как самостоятельные государства Королевство Сербию и Королевство Черногорию, так и бывшие провинции Австро-Венгрии — Словению, Хорватию, Далмацию, Боснию и Герцеговину, в которых проживали все три основных южнославянских народа. Их волю к вхождению в единое государство представляло Вече словенцев, хорватов и сербов в Загребе.

Усыпальница митрополита Антония (Храповицкого), возглавлявшего Русскую Православную Церковь в изгнании, в крипте Иверской часовни.

О короле Александре говорили как об идеологе югославянского единства: «Он был за объединенную Югославию, за сильное государство, которое возникло не только по нашей доброй воле, но и являлось составной частью послевоенной Европы, как член общего международного сообщества и системы... Король Александр жертвовал столетние устои и политические реалии ради одной цели, которая может и не осуществиться...» Так писал министр Двора Милан Антич. По мнению многих, «под фасадом югославянства, в котором король абсолютно верит, страдает сербство и расцветает хорватство, которое воспринимает сербские уступки как знак слабости, а не как добрую волю к образованию нового государства»[7].

Король Александр предстает фигурой трагической, для которого Королевство СХС, с одной стороны, было единственной реальной возможностью утвердить самостоятельное государство, с другой — искренней попыткой преодолеть соперничество южных славян между собой ценой значительных уступок со стороны доминирующего государствообразующего народа — сербов.

Русская часовня в горах Словении (Вршич) на месте гибели русских военнопленных, занятых на строительстве горной дороги на территории Австро-Венгрии.

Памятник императору Николаю II и 2000000 русских воинов, погибших на фронтах первой мировой войны. В цоколе памятника находится склеп с останками русских солдат, павших на Салоникском фронте.

Вот в этом сложном, противоречивом мире оказались русские беженцы, принесшие свои проблемы, неустроенность, разочарование. Сербия, да и вообще Балканы разорены войной, мужчин не хватает, государство наполовину в руинах, наполовину в стропилах. И вот тут лишний раз сказалась мудрость короля Александра — он призывает всех русских специалистов включиться в процесс строительства нового, здесь каждому найдется дело по силам и по душе. Естественно, процесс этот не был ни легким, ни безболезненным, однако все русские, жившие в Сербии, как один вспоминали о ее народе и о ее короле как об удивительно близких им по духу. Вероятно, было что-то, что действительно рождало общность. О сербах этого периода историк и культуролог С. Иованович писал: «Свое государство они создавали в долгой и кровавой борьбе против чужеземного ига. Государственная идея для них слилась с национальной и стала столь же значимой, как национальная свобода. Таким образом, сербы искали в государстве наивысшее выражение свободы, ради которого стоит в любое время быть готовым на самые большие жертвы»[8]. Это многое объясняет в сербской истории и действительно сближает с русскими изгнанниками.

«Избеглицы», как называли в Сербии русских беженцев, вливались в местную жизнь. Поразительны цифры, которые приводят сербские историки. Белградская опера и балет практически на сто процентов состояли из русских артистов (здесь выступали София Драусаль, А. Жуковский, Нина Кирсанова, Е. Полякова, Л. Мансветова, Е. Попова, Н. Волевач, Е. Марьяшец и др.). На многих факультетах высших учебных заведений русские составляли треть, а порой и более половины преподавательского состава. Среди ученых были известные имена: П. Б. Струве, А. Л. Погодин, С. М. Кульбакин, Ф. В. Тарановский, Е. В. Спекторский, С. В. Троицкий, В. А. Мошин, А. В. Соловьев, Г. А. Острогорский, В. В. Фармаковский, К. Д. Воронец.

Множество инженеров, врачей, агрономов активно включились в работу. Красивейшие здания Белграда проектировали и помогали строить русские архитекторы Н. Краснов, В. Баумгартен, В. Лукомский, Г. Ковалевский, А. Васильев, Р. Верховский, Г. Самойлов.

Невозможно назвать все имена, но и в историю драматического югославского театра и кино русские актеры и режиссеры (Ю. Ракитин, Т. Павловский, А. Черепов и др.) также внесли немалый вклад. В музыкальном мире помнят имена братьев Слатиных, в живописи — школу Степана Колесникова.

Русские специалисты неизменно опирались на поддержку и помощь короля Александра, а он стремился с максимальной пользой применить их знания, силы, умения на благо молодому государству, поэтому во всех начинаниях, новых проектах неизменно встречались русские имена.

Группа учениц 7-го класса Харьковского девичьего института, нашедшего вторую родину в Югославии в городе Нови Бечей. 1921 г.

Прима-балерины Народного театра в Белграде. Слева направо: Т. Живанович, Наташа Бошкевич, Елена Полякова, Тамара Карсавина.

Король Александр не просто дал русским беженцам приют — получили возможность создать органы самоуправления, систему образования, культуры, управления. До самой второй мировой войны в Югославии существовала сеть русских начальных школ и гимназий, кадетские корпуса, девические институты, санатории, больницы, приюты, библиотеки. Основу организации составляли: Державная Комиссия по делам русских беженцев, Делегация от Российского Посольства, Русский дом имени Императора Николая, Русский научный институт, а еще русские газеты, журналы, книги, издававшиеся специальной Издательской комиссией, Русская Православная Церковь с храмом Святой Троицы и Иверской часовней. «Русская Сербия» — это был целый материк, самостоятельный мир, который взаимодействовал с окружающим, принимая участие в жизни и строительстве Югославии, но и сохраняя собственную автономность, замкнутость, отдельность. В этом мире сформировалось и выросло несколько поколений русских людей, в нем возникла своя литература, культура. Не случайно русская поэтесса Лидия Девель (Алексеева), юность которой прошла в Белграде, писала:

Сквозь земные горькие обиды
Чужестранкой призрачной бреду,
Как печальный житель Атлантиды,
Уцелевший на свою беду.

Несомненно, Александр был признанным и любимым королем этой «русской Атлантиды». Не только потому, что приютил и обогрел, но и потому, что глубоко понимал русских. Готовясь открыть Русский дом имени Императора Николая, он говорил академику Александру Беличу: «Вы должны сохранить за русскими русскую душу. Смотрите, они приехали со своими семьями. Каждая семья — это народ в миниатюре, это проначало каждого народа. Поверьте, русские найдут в своих четырех стенах свою Родину, если семья будет дышать русской атмосферой. Русская школа — начальная и средняя — должна навсегда закрепить за ними русскую национальность, без которой их семья — оторванный листок от могучего дерева. И это не все, и этого мало. Русский человек не может жить без удовлетворения своих духовных потребностей. Помните это всегда. Приютить, накормить, вылечить — хорошо, необходимо и очень полезно. Но если в то же время вы не дадите русскому человеку отвести душу на лекциях, концертах, выставках, а в особенности в своем театре, в своей опере — вы ничего для него не сделали...

Помните всегда, что есть в мире народ, который пожертвует хлебом для духовных благ, которому искусство, наука, театр — также кусок хлеба. Это — наши русские»[9].

Примечания

1. Маевский Вл. Русские в Югославии. Нью-Йорк, 1966. С. 197.
2. Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 215.
3. Там же. С. 214.
4. Писарев Ю. А. Образование Югославского государства. М., 1975. С. 153.
5. Маевский Вл. Указ. соч. С. 73.
6. Там же. С. 74.
7. Kralj Aleksandr Karageorgevic I u ratu i miru. B-d., 1991. С. 158.
8. Jovanovic S. Jedan prilog za proucavanje srpskog nacionalnog karaktera, Vindzar., 1962. С. 12.
9. «Нетленный венок». Сост. М. Кожина-Заборовская. Белград, 1936. С. 95.

Людмила Ермакова

Для кого Гришка, а для кого Григорий Ефимович!

В начале восьмидесятых годов село Покровское в Тюменской области лишилось еще одной своей достопримечательности. Вслед за местной церковью, выстроенной на деньги последнего русского царя и разрушенной в середине пятидесятых, был снесен с лица земли и дом крестьянина Григория Распутина. Всего на три года пережило это крепкое двухэтажное строение с деревянными колоннами у входа и красивыми резными наличниками печально известный дом Ипатьева в Екатеринбурге.

Решение о сносе этих зданий было принято сразу за созданием ЮНЕСКО специальной комиссии, которая должна была взять в России на учет все места, связанные с царским именем.

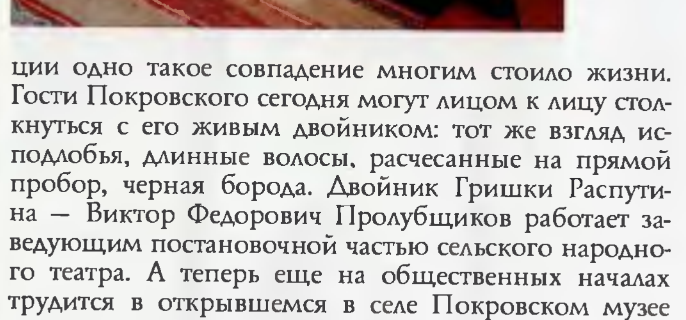
Из бревен дома Григория Распутина в совхозе «Советская Сибирь» соорудили свинарник, кирпич разрушенной церкви пошел на строительство машинно-тракторной станции. Уничтожили все, что хоть как-то напоминало о «великом старце», по официальной версии — «сером кардинале», умело плетущем интриги за спиной агонизирующего царского самодержавия. Одна фамилия его чего стоит!

Но если можно в одночасье разрушить церкви и дома, то лишить людей памяти гораздо труднее. Земляки фаворита последнего русского царя помнят другого Распутина. Поэтому и сегодня на родине «великого старца» живут люди, с гордостью носящие его фамилию. Не хуже именитых филологов они могут объяснить, что в Сибири «Распутьины-ми» называли вовсе не людей, ведущих неблаговидный образ жизни, а тех, кто жил на распутье, развилке, то есть в местах, где сходятся и расходятся дороги. Прозвище Распутьины позднее превратилось в фамилию Распутины. При жизни Григория Ефимовича на его родине насчитывалось более 30 семей с такой же фамилией. Это и заставило вхожего к императору сибирского крестьянина просить для себя приставки к фамилии, «чтоб случайно не попутали». «Распутин-Новых» — так он и стал называться после декабря 1906 года.

Но не только однофамильцев Распутина еще можно встретить на его родине, хотя после револю-

Фотографии Владимира Казакова.

ции одно такое совпадение многим стоило жизни. Гости Покровского сегодня могут лицом к лицу столкнуться с его живым двойником: тот же взгляд исподлобья, длинные волосы, расчесанные на прямой пробор, черная борода. Двойник Гришки Распутина — Виктор Федорович Пролубщиков работает заведующим постановочной частью сельского народного театра. А теперь еще на общественных началах трудится в открывшемся в селе Покровском музее своего всемирно известного земляка.

Создали этот необычный музей, один из первых в России частных музеев, супруги Смирновы. Владимир Любомирович — историк, Марина Юрьевна — филолог.
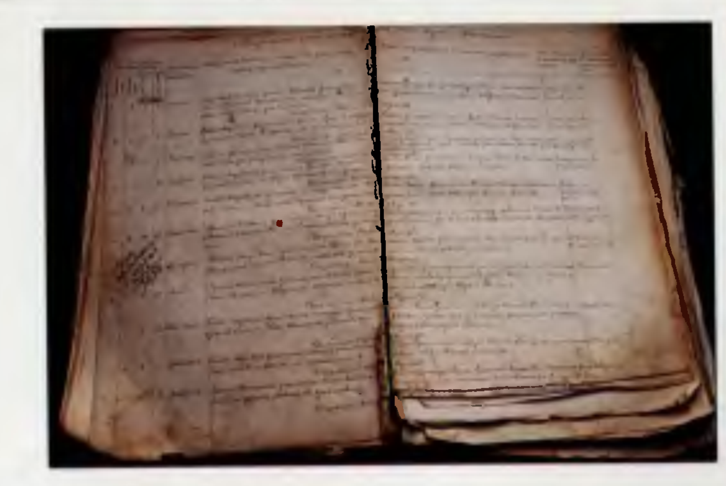
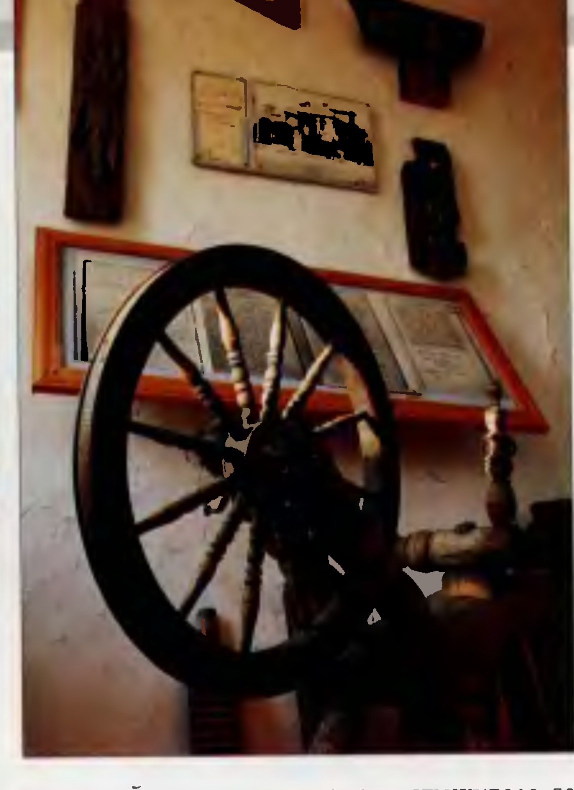
Они еще успели на личные сбережения купить один из старых двухэтажных, толстобревных домов крестьянина Ильи Арсенова. Строение — «современник» Распутина, его стены помнят Григория Ефимовича, который частенько здесь гостил. И жил он напротив, через дорогу, и близок был ему духовно хозяин дома.

У директора музея Владимира Любомировича Смирнова — своя правда о Распутине. Рассказ о нем он часто начинает не в Покровском, а в районном центре — селе Ярково. Здесь Смирнов сделал свое первое открытие, найдя метрическую книгу церкви Слободы Покровской за 1868 год, где рукой священника Николая Титова в части первой «О родившихся» выведено: «9 января у крестьянина Слободы Покровская Ефима Яковлевича Распутина и его жены Анны Васильевны вероисповедания православного родился сын Григорий». Крещен он был 10 января. Восприемниками (крестными) были дядя Матвей Яковлевич Распутин и девица Агафья Ивановна Алемасова.

В работе своего музея Владимир Любомирович Смирнов старается опираться только на документы, свидетельства очевидцев, считает, что в основном существующие сочинения о Распутине — пересказ исторических легенд и анекдотов о нем. Вроде поддельных дневников Вырубовой. Смирновы же застали в живых людей, видевших и знавших Григория Ефимовича. Ефросинья Моторина, Раиса Заборовец, родственники крестьянина Подшивалова рисовали образ щедрого, доброго, всегда помогающего бедным Григория Распутина. Кому помог купить корову, кого одарил приданым перед замужеством. В местной лавке на распутинский счет записывали стоимость продуктов, отпускаемых самым бедным семьям села Покровского.

Об этом же в 1910 году под грифом «секретно» рапортовал своему начальству негласно следящий за Распутиным унтер-офицер Прилин: «Распутин Григорий Ефимович, 40 лет от роду. Часто бывает в Петербурге, имеет знакомство с великой княгиней Черногорской Милицей Николаевной. Живет богато, помогает бедным своим односельчанам, образ жизни ведет трезвый».

Есть в экспозиции музея плетеный черный стул из мебельного гарнитура, подаренного Распутиным на свадьбу своей односельчанке Евдокии Печеркиной, две иконы из его дома. А в свое время старожилы села могли видеть на втором (гостевом) этаже дома семьи Распутиных портреты государя и государыни в человеческий рост, огромные люстры с большими керосиновыми лампами, бархатные шторы, ковры... В 1918 году новая власть устроила специальные торги, где было пущено с молотка все имущество Распутиных. Лишь богато украшенный компас долго служил учебным пособием в сельской школе.

Поэтому подлинных вещей Распутина в селе и в музее не так уж много. Фрагмент наличника разрушенного дома Григория Ефимовича, который он, кстати, купил на деньги Милиции Николаевны (две с половиной тысячи рублей) у лоцмана Зубова. Целый наличник этого дома Смирновым приобрести не удалось, хотя он и валялся на задворках у одного местного жителя, но заломил он за реликвию такую цену, что создатели музея отступились. А потом действительно редкой красоты резной наличник украли. Говорят, кто-то украсил им, на забаву гостям, строящийся дачный дом или баню. Есть в экспозиции музея и подлинные фотографии, сделанные самим императором Николаем II. Оказались они в Сибири в семье одной женщины, которая ухаживала за Романовыми в Тобольске.

Одну за другой опровергают земляки Распутина, а вслед за ними и создатели музея до сих пор гуляющие о нем злые сплетни и откровенный вымысел. Например, стойко живет легенда, что, лишая девиц невинности, он обрезал им косу, укладывал ее в берестяной туесок и закапывал у себя на огороде.

Ничего подобного скотник совхоза «Советская Сибирь» Владимир Распопов, который хозяйствует сейчас на земле Распутиных, не находил. Вот унавожена усадьба действительно на славу. Сколько лет прошло, а до сих пор, практически без всяких удобрений, такие урожаи дает!

И на безбожника земляк жителей Покровского не похож. Благодаря ему на одну церковь и школу стало в Сибири больше. Причем построил их Распутин в то время, когда не был еще особенно богат. А сколько монастырей обошел он пешком, смиряя гордыню, живя подаянием! Один малоизвестный факт. Странствуя, «великий старец» добрался даже до Иерусалима, поклонился Гробу Господню. Свидетельство тому — фотография.

Гришка Распутин в фильме Элема Климова «Агония» совсем не таков. В день премьеры в знак протеста жители Покровского почти все до одного вышли из зала, недосмотрев ленты и до середины.

«Для кого Гришка, а для кого Григорий Ефимович», — любят повторять земляки «святого старца».

Правда, к одной из легенд жители села относятся терпимо: хотите верьте, хотите нет, а говорят, что распутинский стул, что находится в экспозиции, дает представителям сильного пола недюжинную мужскую силу. Поэтому, как ни следи, посетители музея все норовят на него присесть.

«Святой черт», «нечистая сила» — сколько подобных снисходительно-пренебрежительных ярлыков навешано на Распутина. А каким же видят его основатели музея?

– Как любой живой человек, он и святой, и грешный, — говорит Владимир Любомирович Смирнов. — Но Распутин-миф и Распутин-человек мало что имеют общего между собой. И роста он был среднего, а не этакий Илья Муромец — здоровяк, и болел в молодости сильно — «до 40 ночей бывало не спал».

И все же он был человек неординарный, не как все, об этом тоже свидетельствуют документы.

Неграмотный русский мужик знал наизусть Святое Писание и очень оригинально его трактовал. В дневниках профессора Федорова, личного врача царской семьи, есть воспоминания о том, как Распутин останавливал кровь у больного гемофилией наследника. «Как врач объяснить это не могу, но как свидетель констатирую — кровотечение остановлено», — писал он.

Влиял ли сибирский крестьянин на политическую жизнь России? Здесь можно процитировать премьер-министра Витте: «Распутина не нужно сбрасывать со счетов, поскольку ему удалось уговорить царя не подписывать указ о вступлении России в войну на Балканах». На два с половиной года он отодвинул вступление России в первую мировую войну. Может, вообще бы она не легла бременем на Россию, не случись покушение, отнюдь не случайное, на Распутина в родном ему Покровском в 1914 году. После него Григорий был надолго прикован к постели.

Гостей музея супруги Смирновы всегда встречают за калиткой дома, на идущей вдоль села до сих пор не заасфальтированной дороге. Она тоже, можно сказать, историческая реликвия. Это бывший ссыльный тракт. По нему в свое время прошагали Достоевский, Радищев, петрашевцы, писатель-сказочник Егор Ершов, многие декабристы. А в 1918 году отправился в свой последний путь из Тобольска в Екатеринбург император Николай II с Александрой Федоровной. Остановились в Покровском. Пока перезапрягали лошадей, царь отвесил поясной поклон дому сибирского мужика, уже покойного Григория Распутина.

Мы пересматриваем сегодня свою историю. Николай II, которого семьдесят лет называли «кровавым», причислен сегодня Русской зарубежной церковью к лику великомучеников. Создатели музея в селе Покровском надеются, что и грязное слово «распутинщина» тоже уйдет в прошлое. Пришло время, изучив подлинные документы и сопоставив различные источники, рассказать правду о Распутине. Кому, как не землякам, начать эту работу, размотать детективный, трагический клубок его жизни.

Нити тайны не распутаны –
Вот что тянет нас к Распутину, –

написал в книге гостей один из посетителей музея.

В Е Ч Н О Е

К. Е. Маковский.
Под венец (сцена из боярского быта). 1890-е гг. Фрагмент.

Проблемы частной жизни привлекают в последнее время психологов, социологов, историков. Пристальное внимание к личному и частному как предмету исследования объясняется «сменой вех» в современном гуманитарном знании. Ранее все искали ведущую тенденцию — повторяющееся, типичное, общее. Ныне же приоритетным оказывается подчас изучение необычного, исключительного, случайного. Такой подход приближает к пониманию индивидуальной активности в массовой деятельности, постижению творческой роли человека в мире и в истории.

Значимость этих задач первыми оценили французские ученые — последователи школы Анналов, в частности стоявший когда-то у ее истоков Филипп Арьес. Руководимая им международная научная группа «История частной жизни» создала грандиозный труд («Histoire de la vie prive». V. 1–5. Paris, 1985–1987), быстро переведенный на многие языки (кроме русского) и вызвавший оживленное обсуждение. Перед читателями открылся мир чувств людей различных эпох, картина постепенного «открытия» ценности частных и личных переживаний, их историчности и изменчивости.

Авторы труда старались показать, что содержание привычных понятий — дружбы, любви, предательства, верности, ревности, стыда, страха — было в разное время разным: у древних египтян и горожан античных полисов, жителей Византии и европейцев эпохи Ренессанса. Россия и Восточная Европа оказались за рамками этого неординарного труда: ни в России, ни за рубежом десятилетие назад этими темами не интересовались. Тонко чувствующие конъюнктуру американские ученые только сейчас заметили пробел и предложили обсудить проблемы «Истории частной жизни в России» в рамках одноименной конференции, которая состоится в Мичигане в октябре этого года.

Интерес к истории Человека резко вырос и в России. Читатели устали от «обезличенной» истории быта и повседневности и, одновременно, от описания прошлого как «истории героев». Мы постараемся теперь по-иному взглянуть на прошлое, разглядеть в нем не только царственных особ, «высоколобых» или иных заведомо из ряда вон выходящих лиц, но и рядовых, простых, «типичных», имевших, однако, свою собственную частную жизнь, свои прегрешения и страсти.

Наталья Пушкарева,
кандидат исторических наук

«Внука моя за Ивана не похотела...»

Из истории эмоциональных отношений «новых русских» XVI столетия

Стереотип восприятия истории России XVI века основывается на событийно-политической истории. XVI век для нас — это эпоха Ивана Грозного, взятия Казани, опричного террора и казней. Представления об эмоциональном мире людей того времени закреплены картиной И. Е. Репина, отразившей импульсивный и жестокий нрав царя. Мы порой не задумываемся, существовала ли в то время бурных политических страстей какая-то личная, частная жизнь, окрашенная иными эмоциями — не страхом, а любовью, не «небрежением», а сочувствием.

В коллекции грамот Троице-Сергиева монастыря, которая хранится в рукописном отделе Российской государственной библиотеки в Москве, есть немало документов, позволяющих представить историю собирания этим монастырем земельных богатств. Знакомимся с актами XV–XVI веков, касающимися семейно-родового клана *Протопоповых–Мезецких–Пронских*, неоднократно делавших вклады в этот крупнейший и могущественнейший монастырь. Есть среди них и «женские» вкладные и духовные (жен и вдов), в том числе завещание некой *Марфы Протопоповой*, относящееся к середине XVI столетия[1]. Упомянутые в нем «действующие лица» позволяют не только реконструировать своеобразную семейную генеалогию, но и приоткрыть завесу тайны над частной жизнью современников Василия III и Ивана Грозного.

Главным действующим лицом происходивших около четырех веков назад событий была сама составительница документа — *Марфа Протопопова*. Как позволяют установить другие акты из той же коллекции по Суздальскому и Бежецкому уездам, Марфа была женой некоего *Василия Кузьмича*, служившего в 1520-е годы протопопом Благовещенского собора в Кремле. Должность Василия Кузьмича и позволила его жене, детям и внукам носить фамилию Протопоповы[2]. Социальный статус супруга Марфы заметно усиливался тем, что местом его службы был именно *придворный* собор. Там Василий Кузьмич имел возможность общаться не только с приближенными государя, но и с самим великим князем Василием III.

Любопытно, что безродного, незнатного протопопа великий князь Василий III назвал в своем завещании 1523 года «отцом духовным»[3].

О повседневной жизни Протопоповых нам ничего не известно. Можно только догадываться о том, какой отпечаток наложила на их судьбы эпоха — время начавшейся эрозии прежних ценностей — родовитости и знатности. Их место в начале XVI века стало замещаться личным богатством, которое в сочетании с приближенностью к «властным структурам» могло при благоприятных обстоятельствах компенсировать «худую породу». Василий и Марфа Протопоповы были как раз такими «новыми русскими» XVI столетия. Судя по вкладным, родовых вотчин у них не было, зато были средства их скупать[4], чем они и занимались, озабоченные судьбой двух своих детей — дочери *Евфимии* и сына *Ивана*.

Немалые земельные приобретения позволили неродовитой семье Василия Кузьмича рассчитывать на выгодное и удачное устройство судеб своих чад. И если о семейной жизни Ивана ничего установить не удается, то о судьбе дочери можно сказать, что она сложилась удачно и надежды матушки и отца оправдались. Девушка связала свою судьбу с отпрыском одного из самых древних, хотя и беднеющих родов — князем *Иваном (Меньшим) Михайловичем Мезецким*[5]. Отец Ивана Михаил Романович имел кое-какие владения в Стародубе Ряполовском (недалеко от Серпухова), но уже сам князь Иван по тем временам был буквально «безземельным»: почти все его родовые владения оказались заложены-перезаложены[6]. Ратное дело было для него профессией, он мало времени проводил дома, «растеряв» то немногое, что досталось ему по наследству от отца[7].

Причинами, подтолкнувшими князя к супружеству с Евфимией, могли быть социальный статус предполагаемого тестя (придворного протопопа), наличие богатого приданого, на которое Иван рассчитывал, а может быть, то и другое вместе.

К. Е. Маковский. Под венец (сцена из боярского быта). 1890-е гг. Серпуховский историко-художественный музей.

В приданое Евфимии мать с отцом дали только деньги. Видимо, новоявленный зять был настолько в затруднительном положении, что не мог диктовать более выгодных для себя условий. Брак с Евфимией был необходим Ивану Мезецкому не меньше, чем семье протопопа, мечтавшей породниться с княжеской фамилией: он обретал богатых родственников, которые, как показывают купчие грамоты Марфы и Василия Протопоповых, не отказывали зятю в помощи, выкупая ранее заложенные им вотчины[8].

Иван Мезецкий не испытывал никаких комплексов по поводу того, что тесть занимался его имущественными делами. Зато Василий Кузьмич не без плебейской гордости отметил в своей духовной, что приобрел не только часть мезецких земель, но и одевал-обувал зятя-иждивенца, а также снаряжал его на государеву службу («покупал зятю своему на свои деньги доспех про него и на люди его, и кони»[9]).

В 1531 году (или 1532?) Василий Кузьмич, приняв монашество с именем Вассиана, умер. Имущественными делами родового клана должна была теперь заниматься его вдова, которая пережила мужа почти на три десятка лет.

Начальный текст духовной позволяет узнать о том, что брак Евфимии и Ивана был небездетным. У них росла дочка, названная *Авдотьей*, которой ко дню смерти деда исполнился 1 год и 20 недель. Следовательно, она родилась примерно в 1530 году. По неизвестным причинам Авдотье суждено было расти сиротою: и ее мать Евфимия Васильевна, и отец Иван Михайлович умерли рано. Девочку воспитывали бабушка и дядя, Иван Васильевич Протопопов.

Опекуны спустя время должны были выдать Авдотью замуж. Сейчас не представляется возможным определить, обсуждали ли они «хотения» девушки при выборе брачной партии.

Вполне возможно, что Авдотье просто хотелось «быть в законном сочетании с мужем», так как даже самая незавидная партия была предпочтительнее унизительной участи старой девы[10]. Так или иначе, но бабушка и дядя «зговорили [ее] с Васильем с Михайловичем с *Воронцовым* за его брата за *Ивана Михайловича*». «Сговор» состоялся не позднее 1547 года.

Трудно сказать, чем руководствовались родственники юной Авдотьи, заключившие рядную с И. М. Воронцовым: желанием породниться с известной (хотя и не родовитой) фамилией или трезвым, прагматическим расчетом на какие-то житейские выгоды. Возможно, инициатива исходила от самого И. М. Воронцова, пленившегося красотой и молодостью девушки, которой в то время было не более 16 лет.

О том же, какого человека выбрали опекуны в супруги воспитаннице, можно судить по некоторым фактам его биографии, попавшей на страницы «Энциклопедического словаря» Брокгауза. Нареченный жених был дворянином, сыном прославленного воеводы М. С. Воронцова. В 1540-е годы Иван был видной фигурой в окружении царя. Иван Грозный пожаловал его чином думного советника, не без оснований предполагая в нем ум, расчетливость и такие особенности характера, которые сделали его дипломатом. Позднее, в 1557 и 1567–1569 годах, он отправлял И. М. Воронцова с дипломатическими поручениями (первый раз — в Литву, второй — в Швецию)[11]. Но об этой будущей карьере не могли знать ни Марфа, ни ее внучка. В то время судьба Ивана Воронцова висела на волоске:он чуть было не сложил голову на плахе. Летопись сообщает, что в 1546 году он вместе с братом В. М. Воронцовым (с которым и вела переговоры о будущем замужестве внучки Марфа Протопопова) неожиданно попали в государеву опалу. Брата нареченного жениха 21 июля 1546 года казнили по доносу дьяка Г. З. Гнильевского (кстати, он был упомянут в духовной Василия Кузьмича как один из кредиторов протопопа). А Ивану Михайловичу повезло: хотя его «неодинажды» забирали в Коломну на пытку, после чего конфисковали все имущество, но он все же остался жив[12].

«Сговор» родственников Авдотьи Мезецкой с Воронцовыми состоялся, вероятнее всего, незадолго до этих событий, когда Воронцовы еще были «в фаворе». Брак, однако, не состоялся. «И по грехом моим, вражьею спонoю, внука моя за Ивана не похотела...» — записала бабушка Авдотьи Марфа в своей духовной. За «не похотение» внучки ей пришлось уплатить брачную неустойку. В грамоте она названа «зарядом» и определена в огромную сумму — «пятьсот рублев».

Уже само по себе подобное сообщение уникально. Истории русского брачного права домосковского времени (X–XV вв.) не известны реальные казусы «не похотения» женихов и невест заключать брак, а в нормативных актах была предусмотрена лишь ситуация отказа жениха от невесты («за сором еи 3 гривны, а что потеряно — то ей заплатити»[13]). Волеизъявление девушки при определении будущего мужа не только не считалось обязательным, но (до 1697 года) даже не было желательным[14].

Еще более удивляет указанная сумма «заряда» — «пятьсот рублев». Достаточно вспомнить, что ношеная кунья шуба в середине XVI века стоила всего 4 рубля, а плата крестьянского «пожилого» для перехода от одного господина к другому равнялась полутора рублям[15]. Но и для семьи зажиточной — каковой, несомненно, была семья Протопоповых — сумма «заряда» для выплаты была не просто велика, но почти ирреальна. Заломленная Воронцовыми цифра не столько определяла реальную цену материальной и моральной компенсации, сколько формулировала недостижимый предел. Можно даже предположить, что в самой цифре «500» был какой-то дополнительный смысл. Если «100 рублей» было синонимично понятию богатства («не имей сто рублей, а имей сто друзей»)[16], то 500 рублей было пятикратным увеличением этой символичной суммы (цифра«5» сама по себе была значима: пять пальцев, «считаю до пяти», церковь о пяти главах...). В судебных документах XVII века встречается упоминание 500 рублей как суммы штрафа за «бесчестье» (изнасилование) девушки[17], однако в духовной Марфы мы сталкиваемся с обратной ситуацией — моральным оскорблением жениха.

Вероятнее всего, обычай «отдаривания» жениха, пострадавшего от отказа невесты, тоже существовал издавна, иначе бы отголоски его не сохранились в текстах посадских повестей. Так, «Притча о старом муже и молодой девице» (XVII в.), которая рассказывала о хитрой и ловкой девушке, сумевшей избежать нежелательного замужества, заканчивалась словами: «Младому — девица честь и слава, а старому мужу — коровай сала», то есть откуп[18]. Однако *ни в одной* из имеющихся рядных[19] сумма неустойки на случай отказа жениха или невесты не указана. Вероятнее всего, она всегда была высока: знавший не понаслышке русские реалии эмигрант Григорий Котошихин сообщил, что размер неустойки мог доходить до 5000 и даже до 10000 рублей[20], но в найденных нами сговорных никаких сведений такого рода не встретилось.

Так или иначе, но Марфе Протопоповой пришлось всерьез задуматься о том, где достать 500 рублей. В то время, когда реальное богатство аккумулировалось в земельной собственности, когда наличных денег в обращении было мало, а драгоценные металлы для изготовления монеты ввозились из-за рубежа, у нее не было иного выхода, как расстаться с несколькими селами. Впервые в истории рода Протопоповых земельная собственность не приобреталась, а продавалась: Марфа рассталась с двумя подмосковными владениями (вероятно, Борисоглебским и Копцовом, так как, будучи неоднократно упомянутыми в прежних документах семьи Протопоповых, они отсутствуют у Мезецких)[21].

Что же было причиной «не похотения» Авдотьи? При ознакомлении с биографией И. М. Воронцова возникает сильный соблазн объяснить поступок девушки нежеланием идти замуж за опального, связывать судьбу с сомнительной личностью и ненадежным человеком. Но причина, по всей видимости, была иная. Ведь если бы отказ Авдотьи выйти замуж за И. М. Воронцова был вызван немилостью его у государя, бабушке не пришлось бы выкладывать огромные деньги: выдавать внучку замуж «не похотела» бы она сама, да и не платила бы огромный «заряд». В то время, когда устраивался «сговор», тучи еще не сгущались над головой Воронцова. Брак Авдотьи Мезецкой с Иваном расстроился по каким-то иным причинам, причем незадолго до событий, связанных с его опалой.

«Проговорка» в тексте духовной Марфы дает объяснение ситуации: «Яз, Марфа, за своею внукою заплатила заряд пятьсот рублев *ее для слез...*» Это признание, неожиданное для скупого на эмоции юридического документа, заставляет выделить духовную Марфы из сотен «грамоток» и актов. Поскольку в тексте духовной Марфы 1560–1561 годов упомянуто еще одно лицо — умерший к тому времени *князь Юрий Иванович Шемякин Пронский*, названный мужем Ав-

К. Е. Маковский. Боярышня.

дотьи, — есть все основания предполагать, что девушка отказалась выйти замуж за Воронцова, поскольку избранником ее сердца был другой человек. Расчеты родственников разбились о «любовный треугольник».

Даже если не уподобляться романистам и не пытаться фантазировать на эту тему, трудно не признать факта неожиданности решения Авдотьи для ее бабушки. По всей видимости, поначалу, когда опекуны составляли сговорную, Авдотья не проявляла своего отношения к выбору бабушкой ее брачной партии. Жизнь девушки была буквально «запрограммирована» на обычное замужество, но какое-то событие перевернуло всю ее жизнь, изменило все планы. В размеренную жизнь вторглась *случайность*.

Все сломалось в одночасье. Начались «слезы» (о которых не могла не вспомнить Марфа, составляя духовную), уговоры родственников. Наверное, они не раз ломали голову над тем, где Авдотья могла «слубиться» с Юрием, ведь возможности общения с представителями противоположного пола были в Московии XVI века — века расцвета «теремного затворничества» — более чем ограниченными[22]. Скорее всего, дело произошло в церкви, может быть, даже в том самом Благовещенском соборе Кремля, где когда-то служил протопопом дед Авдотьи. Церковь была едва ли не единственным местом, которое — с разрешения главы семьи, воспитателей или мужей — посещали и незамужние девушки, и «мужатицы»[23]. Однако если рассматривать случайность знакомства Авдотьи и Юрия как «точку пересечения разнопорядковых закономерностей», то можно заметить взаимосвязь процессов социального определения русских нуворишей XVI века (к которым принадлежали Марфа и ее внучка) и пробуждения самосознания человека (как Авдотьи, так и ее бабушки).

Неожиданное знакомство Авдотьи и Юрия стало источником сильных эмоциональных переживаний и Протопоповых, и Воронцовых, и Пронского. Сильные (стрессовые) переживания заставили всех участников истории заглянуть в самих себя. Достаточно заметить: спустя 15 лет после событий бабушка, составляя духовную, невольно впадала в волнение, излагая историю купли-продажи подмосковных сел. Она явно пыталась объяснить самой себе, как приняла решение: «по грехом ли моим, вражьею ли спонюю...» По всей видимости, и грехов, и врагов было у этой женщины немало...

Марфа не могла не понимать, что против воли опекунов Авдотья — как ни любила — никогда бы не пошла: девушки не могли выйти замуж, «доколе имеющие власть над ними ни изъявят согласия на сожитие»[24]. Эпизоды с проявлением девичьих «хотений» относительно выбора избранника — случай с Февронией, обусловившей замужество в качестве платы за лечение князя Петра, или с ловкачкой Ксенией из «Повести о Тверском Отроче монастыре», долго водившей за нос одного жениха, пока не подыскался другой, более богатый и знатный[25], — больше похожи на гиперболы авторов, нежели на факты реального семейного быта. Духовная же Марфы показывает, что наши привычные умозаключения требуют уточнения.

Бабушка не захотела превращать семейную жизнь внучки в «адские мучения немилого брака» и не стала настаивать на браке Авдотьи с Воронцовым. Что двигало ею, много повидавшей на своем веку, когда она принимала решение расстаться с двумя приобретениями, столь мучительно дотоле собираемыми? Почему сердце ее дрогнуло, когда она услышала Авдотьины мольбы и увидела «слезы»? Мы никогда не узнаем об этом. Можно только строить догадки о характере Марфы Протопоповой — незаурядной личности, совершившей неординарный поступок. Жизнь ее наверняка была достаточно богата событиями (вспоминая которые она записала в духовной о своих грехах и врагах). Да иначе и быть не могло: Марфа олицетворяла собой «восходящую социальную мобильность», познав на себе, что значит продвижение из протопопиц в вотчинновладелицы.

Как скапливались богатства в ее семье? Должность Василия Кузьмича сама по себе не дала бы возможности ни построить «палат каменных», ни приобрести «землицу» в особо крупных размерах. Но близость протопопа к государю создавала условия для многочисленных обращений «людишек» всякого ранга и звания, просивших «попечаловатися» об их деле. И протопоп наверняка способствовал этому, причем не бескорыстно, а за вознаграждение. О том, что данное предположение верно, видно из перечисления должников и кредиторов Василия Кузьмича в его духовной[26]. Марфа, как и многие ее современницы, относящиеся к тому же социальному слою нуворишей XVI века, должна была постоянно что-то рассчитывать и выгадывать, обращая притекавшие в семью подарки в земельные богатства. К середине XVI столетия относятся первые в истории русского частного права запретительные указы, касающиеся наделения жен и дочерей из родовитых семей землею через приданое и наследство[27]. Запретительные моменты в законах о недвижимости подталкивали и убыстряли процесс рождения новых хозяев, которые скупали родовые вотчины у бывших владельцев. К ним и относились Марфа и Василий Кузьмич.

Читая духовную Марфы, нетрудно заметить, что в истории ее семьи «одушевлено» начало сложного социально-экономического процесса фактического перераспределения земельной собственности в Российском государстве. Его юридическое оформление, растянувшееся на несколько веков, изменило нормы права в XVIII столетии. В середине же XVI века Василий Кузьмич и Марфа стояли у его истоков, наживая себе врагов («вражьи споны») и не всегда праведными путями приобретая очередное «селцо» («грехы мои»). Отношение супругов к своей «землице» было особым, отличным от небрежения к ней родовитых наследников крупных вотчин. Расставаться с любым приобретением, доставшимся не без труда, было жалко. Марфа была вдовой влиятельного человека: Василий Кузьмич был приобщен к элите «по месту службы». Она гордилась тем, что выдала дочь (мать Авдотьи, Евфимию) замуж не за «разночинца XVI века» — не за дворянина, а за князя. Она была вправе быть довольной собой, поскольку семья накопила недюжинные «поместийца»[28]. И конечно она мечтала, чтобы ее дочь и внучка не останавливались на достигнутом, приумножали семейную собственность, видя в этом будущее благополучие потомков. Тем не менее она «переступила» через себя, свои амбиции...

Марфа на собственном житейском опыте и на примере дочери поняла относительность границ и различных установлений как в рамках слоя, так и за его пределами. Это и определило ее готовность к совершению неординарного поступка, основанного на эмоциях: Марфе были нипочем условности общества.

Личности заурядные, попав в более высокий социальный слой, обычно слепо копируют представителей так называемого высшего света. Личности же неординарные, попав в него, обретают невиданную свободу внутреннего выбора и совершают поступки, истолкование которых подчас оказывается не под силу их

К. Е. Маковский. За чаем. 1914 г. Ульяновский областной художественный музей.

окружению. Марфа Протопопова, думается, как раз и была такой личностью. Натерпевшись в жизни после смерти мужа[29], она менее всего хотела, чтобы страдания сопровождали жизнь ее любимой внучки и воспитанницы. Сколачивая состояние, Марфа была хорошей помощницей Василию Кузьмичу. Но любила ли она его? Во всяком случае, «маленькой» своей она точно желала лучшей доли. Да и, к слову сказать, избранник внучки Иван Шемякин Пронский был князем, а Иван Воронцов — просто удачливым царедворцем. Наверное, княжеское происхождение нового жениха смирило бабушку с потерями.

Духовная Марфы и современные ей летописные и делопроизводственные источники позволяют реконструировать ход событий, последовавших за отказом Авдотьи от замужества с И. М. Воронцовым. Незадачливый жених сумел удержаться на плаву большой политики. Но, вероятно, его судьба сложилась бы еще более удачно, стань он родственником вдовы царского духовника. Да и имущество его конфисковали, как можно было понять, сразу после получения им «заряда» в «пятьсот рублев».

А в это время Протопоповы-Мезецкие готовились к венчанию. Смирившись с потерей фамильной собственности, дядя Авдотьи подарил новой семье «саженье» (шейное украшение с камнями) своей покойной жены, о чем не преминула сказать бабушка в завещании. Сыграли свадьбу. Авдотье к тому времени исполнилось 16 лет. Этот возраст был для девушек самым распространенным для вступления в брак: не разрешалось выходить замуж моложе 12 лет, а с 20-ти легко можно было попасть в «вековуши»[30]. Так что Авдотья в своей настойчивости отказаться от брака с одним женихом и желанием выйти за другого не капризничала, а принимала осознанное, «взрослое» решение.

Точная дата бракосочетания Авдотьи с Юрием неизвестна. Ее можно вычислить, если учесть, что стольник Ю. И. Шемякин Пронский впервые упомянут в числе молодых аристократов в 1546 году, а затем — в 1547 году — как участник свадебных церемоний Ивана IV с Анастасией Романовой[31]. Это и позволяет думать, что брак Авдотьи и Юрия был заключен в 1546 году, когда несостоявшийся первый жених был посажен «за приставы на Коломне».

Как сложилась жизнь мезецкой княжны с избранником? Стоило ли ей плакать, подталкивая тем самым бабушку к продаже сел для выплаты неустойки Воронцовым?

По рождению Юрий Шемякин Пронский принадлежал к известной ветви рязанских князей — владельцев города Пронска «со окрестности». Отец его Иван Шемяка был бравым воякой, замечен еще Василием III, а в 1544 году оказался пожалован боярством. Умер Иван Шемяка вскоре после свадьбы сына (вероятнее всего, в 1549 году)[32], не оставив в наследство избраннику Авдотьи, несмотря на свое боярство, ничего существенного. Юрий был небогат. Все, чем владела молодая чета, было до свадьбы собственностью Авдотьи. Так что с обеспеченностью зятьев Протопоповым явно не везло. Марфа с плохо скрытой иронией отметила в духовной: «что есмя давали зятю своему приданово — деньги, и платья, и кони, и то зять наш прослужил на царской службе». То есть от государевой службы Юрий — как в свое время и его отец — не сумел получить каких-либо льгот и приобретений. И более того, вынужден был время от времени пользоваться щедростью тещи.

Молодым не суждено было часто видеться, жить по-семейному. К Пронскому князю можно отнести слова князя Курбского о самом себе: «мало рождешии мене зрех и жены моея не познавах, и отечества своего отстоях...»[33] Действительно, не успел Юрий жениться, как пришлось покинуть дом и идти в один поход, затем в другой. В 1549–1550 годах он участвовал в них уже рындой, с октября 1550 года служил воеводой в Нижнем Новгороде, лишь изредка наезжая домой, к жене. Продвижение по «лестнице славы» в то время почти исключало личную жизнь, если понимать под ней жизнь домашнюю.

А. М. Васнецов. Крытый Воскресенский мост в конце XVI века. 1921 г.

Воеводой пришлось служить Юрию Ивановичу и в 1551 году, когда его послали в город Михайлов. Оттуда осенью того же года он отправился в Рязань[34]. Около 1554 года Юрий Пронский за личную храбрость и полководческий талант, проявленные в Казанском походе, получил боярство[35]. А потом неожиданно скончался (в 1555). Андрей Курбский, описывая взятие Казани — а князь Пронский принимал в этом участие, — назвал его «юношей». Следовательно, в год свадьбы Юрию было всего 17–18 лет, а скончался он, не достигнув и тридцати[36]. Брак Юрия и Авдотьи вряд ли поэтому длился более восьми лет. Детьми их Господь «не пожаловал»: в документах монастыря ничего не говорится о заупокойных вкладах по детям Авдотьи и ее супруга[37].

Итак, в середине 1550-х годов внучка Марфы Протопоповой осталась молодой (25-летней) вдовой, боярыней, причем весьма обеспеченной. Ее бабушка еще была жива, но трудно сказать, насколько она сопереживала одиночеству внучки. А перед Авдотьей благодаря бабушкиным накоплениям открывались перспективы вторичного замужества, тем более что оно допускалось[38]. Но замуж Авдотья не вышла. Не оттого ли, что была верна памяти человека, ради которого настояла на расторжении помолвки с первым женихом?

Как и многие ее современницы, молодая вдова пыталась забыться, погрузившись в хозяйственные хлопоты. Верная своему воспитанию («кровь не вода»!), Авдотья в 1558 году отсудила «землицу» у двоюродного брата и его отца[39], чем в известной степени компенсировала земельные потери Протопоповых (на радость бабушке). Чуть позже Авдотья сделала вклад в Троице-Сергиев монастырь в виде сельца Алексино, выговорив себе право пользоваться им пожизненно[40].

Вероятно, Авдотья чувствовала себя после потери близкого человека постаревшей. В 1564–1565 годах (через три года после смерти бабушки, когда ей исполнилось всего 34 года) она составила духовную. В ней она прощала долги, подтверждала ряд вкладов в монастыри, завещала три деревни слугам. Похоронить себя Авдотья завещала в Троице-Сергиевом монастыре. Это нарушало семейную традицию: все предки Авдотьи, ее родители, бабушка Марфа и дедушка-протопоп, равно как более далекие родственники по их линиям, были похоронены в московском Богоявленском монастыре. Но в Троице-Сергиевом покоились останки князей Пронских[41], и Авдотья выразила желание лежать рядом с любимым человеком.

Это пожелание было исполнено. Так в архиве Троице-Сергиевой лавры оказались документы, внезапно приблизившие к нам далекий XVI век, сделавший нас сопричастными людям того времени, их проблемам, заботам, их «истории любви».

Можно ли считать историю замужества Авдотьи Мезецкой уникальной? Если судить по чисто количественному соотношению браков, заключенных по воле родителей и родственников, и браков, «сговоренных» самими брачными партнерами, — то описанная в духовной ситуация действительно была весьма редка. Однако именно неординарные жизненные истории рождали со временем изменение понятий «обыденного» и «исключительного». Должно было пройти не менее двухсот лет, чтобы экстраординарное событие — право невесты отказаться от заключения брака — оказалось зафиксированным в законе уже в качестве нормы[42].

Примечания

1. Духовная Марфы, вдовы протопопа Благовещенского собора Василия Кузьмича. 1560–1561 г//Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (далее — РО РГБ). Ф. 303. Архив Троице-Сергиевой лавры (далее — АТСЛ). Кн. 530. Суздаль. № 4.
2. Кобрин В. Б. Опыт изучения семейной генеалогии//Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XIV. М., 1983. С. 50.
3. Духовная в. кн. Василия III. 1523 г. //Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. М.; Л., 1950. № 100.
4. РО РГБ. АТСЛ. Кн. 530. Суздаль. № 5; Торопецкая книга 1540 г.// Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 326.
5. Зимин А. А. Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в.//Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 39–41.
6. Акты Русского государства 1505–1526 гг. (далее — АРГ). М., 1975. № 214, 215, 219; Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 281. Суздаль. № 17/11796 (1526 г.).
7. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России. М., 1988. С. 134–135.
8. АРГ. № 214, 215, 219.
9. Духовная протопопа Василия Кузьмича. 1531–1532 гг.// РО РГБ. АТСЛ. № 281.
10. «Без мужа жена — всегда сирота», «Жизнь без мужа — поганая лужа» (Желобовский А. И. Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества// Филологические записки. Воронеж, 1892. С. 13).
11. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. VII . СПб., 1892. С. 220.
12. ПСРЛ. Т. 34. С. 27.
13. УЯ. Ст. 35.// РЗ. Т. 1. М., 1984. С. 191.
14. Инструкция к ПСЗ. Т. III. № 1612. 1696 г.
15. Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951. С. 214.
16. См., например, в посадских повестях XVII в.: Повесть о Фроле Скобееве.// Памятники литературы Древней Руси (далее — ПЛДР). XVII век. Первая половина. М., 1988. С. 695.
17. «Степан ее, Маврутку, в комнате у себя насиловал, а она, Маврутка, Степана упрашивала, чтоб над нею того насилования не чинил... а девке велено давать из пожитков того, кто ее изнасилует», поэтому присудили: «отдать ему, Степану Коробьину, девке Маврутке 500 рублев» (ПСЗ. Т. II. № 1266. 1687 г. С. 901).
18. Повесть о старом муже и молодой девице// ПЛДР. С. 448.
19. Семевский М. И. Исторические и юридические акты XVII и XVIII. М., 1870. № 51–54. РГАДА. Ф. 135. № 409–413; Ф. 170. Оп. 1; Ф. 1144. Оп. 1. № 72, 77, 82, 85.
20. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 121.
21. Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 56.
22. Котошихин Г. Указ. соч. С. 149.
23. Описание России неизвестного англичанина, служившего зиму 1557–1558 гг. при царском дворе// ЧОИДР. 1884. №№ 10–12. С. 28.
24. Котошихин Г. Указ. соч. С. 12.
25. Повесть о Петре и Февронии. Под. ред. Р. П. Дмитриевой. Л, 1979. С. 215; Повесть о Тверском Отроче монастыре.//ПЛДР. С. 113.
26. Упомянутые в духовной Василия Кузьмича М. Ю. Захарьин, кн. В. Ф. Лопата Оболенский, кн. И. И. Кубенский были влиятельными людьми. См.: Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в.// Исторические записки. Т. 63. М., 1964. С. 187–189.
27. Pouchkareva N. The Russian Woman and Her Property and Legal Status: Was the XVIth Century a Turning Point?// La donna nell economia. Prato-Florenz, 1990. V. 21. P. 241–254.
28. РО РГБ. АТСЛ. № 281. Л. 3об.
29. Василий Кузьмич просил в своей духовной не отнимать у нее «двора» в Кремле, но — судя по духовной Марфы с указанием места ее жительства «в городе Китае у Мироносиц» — двор у нее-таки отняли.
30. Российское законодательство. Т. 2. М., 1985. С. 287.
31. Разрядная книга 1475–1598. М., 1966. С. 63.
32. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. С. 326, 339.
33. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Подг. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л., 1979. С. 8.
34. ПСРЛ. Т. XXIX. М., 1965. С. 92, 95–96, 99–100, 187, 190, 192, 196, 200, 226, 229–231.
35. Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции по 1565 г. М., 1901. С. 166, 175.
36. Сочинения князя Курбского. Т. 1.// РИБ. Т. XXXI. СПб , 1914. Стлб. 187, 237. О смерти кн. Пронского см.: Там же. С. 181.
37. Духовная Авдотьи Мезецкой 1564–1565 гг// РГАДА. Ф. 281. № 48/ 11827.
38. Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1910. С. 204, 274, 281 (1410 г.); Стоглав. 1551 г. Гл. 69// Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 344–349; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. № 267. С. 498; № 261. С. 491; Пушкарева Н. Л. Указ. соч. С. 76.
39. РО РГБ. АТСЛ. Кн. 530. Суздаль. № 10.
40. Вкладная Авдотьи Мезецкой 1559–1560 гг.// РГАДА. Ф. 281. Суздаль. № 37/11816.
41. Никодим еп. Описание Московского Богоявленского монастыря. М., 1877. С. 28–29; Горский А. Историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы лавры. М., 1890. Ч. 2. С. 98.
42. ПСЗ. Т. IV. № 1907. 1704 г.

Дмитрий Шелестов, *доктор исторических наук*
Валерий Минаев, *кандидат исторических наук*

Взрыв или катастрофа?

Россия в зеркале демографической истории

«Век мой, зверь мой, кто сумеет заглянуть в твои зрачки и своею кровью склеит двух столетий позвонки?» Как ни покажется парадоксальным, но на этот образный вопрос Осипа Мандельштама может быть дан вполне конкретный, проще говоря, демографический ответ. Живое тело исторического развития не рассекается механически «по векам». Напротив, лежащее в основе этого развития непрерывное самовозобновление поколений своеобразно «склеивает» столетия, более того — по-своему определяет их лицо[1]. Нобелевский лауреат Иосиф Бродский, рассуждая о модели исторического развития на рубеже XX—XXI веков, отмечал, «что моделирует общество прежде всего демография. И уж затем политическая форма организации»[2].

Но, собственно, что такое демография? Каковы действительные предмет и содержание исследования демографической науки?

И.-Я. Меттенлейтер. Деревенский обед. 1786 г. Деталь.

Вряд ли кто-нибудь задумывается, что широко употребляемое слово «народонаселение» и его синоним «население» сначала возникли как научные понятия. Произошло это полтора-два столетия назад, когда социальное явление, ранее ограниченное аморфными представлениями о «жителях», «людях», стало осознаваться как нечто целостное. Появление понятия «народонаселение» (в русском языке с начала XIX века) вызвало к жизни специальную науку и родило еще одно слово, впервые употребленное в середине прошлого столетия и вошедшее в повседневность уже на нашей памяти, — «демография».

Это понятие ныне все более вплетается и в ткань исторических исследований. На перекрестке двух областей знания постепенно сложилась новая научная дисциплина — историческая демография (или демографическая история), предметом изучения которой является объективный процесс исторической эволюции воспроизводства населения. Лишь в последние десятилетия, когда мы стали свидетелями «демографического взрыва» в развивающихся странах и резкого снижения показателей воспроизводства населения в экономически развитых, историческая демография привлекла к себе широкое внимание. Демография, пережив метаморфозу Золушки, переместилась на авансцену науки, хотя и теперь историко-демографическая проблематика нередко все еще оттесняется на обочину «классической» истории и подчас трактуется как некая «вспомогательная дисциплина». Между тем демографическая история — органический компонент исторического процесса, без которого он вообще невозможен.

В научной литературе с 1930-х годов разрабатывается гипотеза о последовательной смене трех типов воспроизводства населения. Первый из них, наименее поддающийся изучению, — «архетип», — соответствовал стадии присваивающей экономики. Второй — «традиционный» («примитивный») — господствовал тысячелетиями в аграрном обществе. Третий — «современный» (или рациональный) — начал утверждаться с возникновением индустриального общества.

Смена типа воспроизводства («демографический переход») является определяющей в современном мировом демографическом развитии. На первой фазе перехода (в настоящее время она характерна для большинства стран Африки) начинается быстрое снижение показателей уровня смертности при сохранении высоких показателей рождаемости («демографический взрыв»). На второй фазе (ныне это многие страны Азии и Латинской Америки) идет снижение показателей рождаемости («демографический взрыв» постепенно смягчается). Третьей фазе (страны, перешедшие к индустриальному обществу) свойственны низкие показатели как смертности, так и рождаемости, рост продолжительности жизни и ряд других моментов (в том числе и негативных).

Все сказанное выше в основных чертах обозначает общемировой контекст демографического развития России. Несмотря на значительное усиление внимания к отечественной исторической демографии[3], целостная демографическая история России еще не написана.

Территория и население современной Российской Федерации складывались начиная с рубежа XV—XVI веков, когда четко обозначились перспективы создания единого государства вокруг Москвы. Решающая роль в этом процессе и во всем последующем развитии страны принадлежит русскому народу (великоруссам). Вместе с тем формировавшееся на его основе государство имело изначально полиэтнический характер, неуклонно усиливавшийся по мере увеличения территории. Государственно-территориальная целостность, сопоставимая с современной территорией Российской Федерации, в основном сложилась к середине XVIII века и почти полностью в XIX веке (оформление дальневосточных границ, присоединение Северного Кавказа).

Демографическая история современной Российской Федерации тесно вплетена и в демографические процессы, шедшие в 1920—1980-е годы в СССР. Вычленение ее в качестве «самостоятельной» в известной мере условно и представляет определенные трудности, которые усугубляются неполнотой или недостоверностью демографо-статистических данных.

Тем не менее историко-демографические исследования позволяют примерно представить динамику численности населения Российской Федерации на отдельных этапах ее истории. Так, по оценке Я. Е. Водарского, во второй половине XVI века на территории России проживало 6,5—7 млн. человек, к концу XVII века — 10,5 млн.[4] Динамику численности населения в последующие почти три столетия реконструировал российский демограф С. В. Захаров (см. рис. 1).

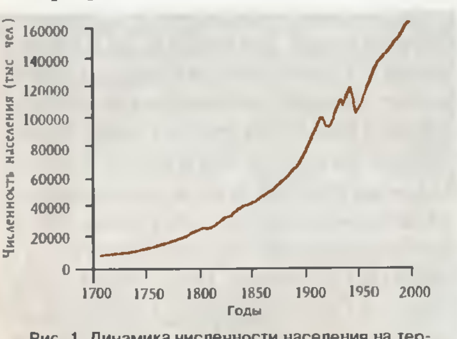

Рис. 1. Динамика численности населения на территории Российской Федерации (1750 — конец 1980-х годов).

Восходящая кривая роста численности населения на ряде отрезков имеет, как мы видим, волнообразный характер и даже крупные зигзаги. Они отражают отрицательное «вторжение» в демографическое развитие социальных потрясений, а также эпидемий, неурожаев и голода. Вызываемые ими демографические кризисы влекли за собой резкое уменьшение темпов роста численности населения, а в ряде случаев и снижение этого показателя за нулевую отметку (см. рис. 2). Пять раз это случалось в XIX веке. Среди значимых демографических кризисов того времени С. В. Захаров отмечает следующие: в 1811—1815 годах численность населения России дважды сокращалась; резкое снижение темпов его прироста зафиксировано в 1839—1840 годах в результате сильного неурожая и в 1848—1849 годах на фоне сочетания холеры и неурожая. Все эти кризисы в XIX веке были наиболее глубокими. В 1855—1856 годах (последствия Крымской войны) и в 1891—1892-м (сильный голод) показатель темпов прироста населения хотя и опасно снизился, но не пересек нулевую отметку.

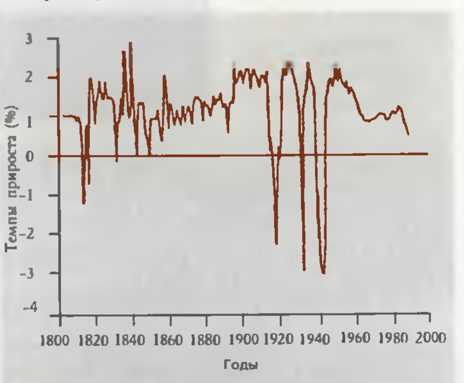

Рис. 2. Темпы прироста численности населения на территории Российской Федерации (1800—1989 годы), %.

С 1860-х годов, когда территория Российской империи окончательно оформилась, динамика численности ее населения определялась почти исключительно внутренними демографическими процессами.

На большем протяжении существования СССР систематических публикаций демографических данных (непрерывная динамика численности населения и показатели его воспроизводства по годам) не было, они появились лишь с конца 1950-х годов, оставив за собой обширное, протяженностью почти в четыре десятилетия, «белое пятно».

Только в начале 90-х годов научные сотрудники Отделения демографии Института статистики и экономических исследований Госкомстата РФ по разрозненным источникам восстановили непрерывные ряды демографических показателей по СССР за 1920—1958 годы.

Именно это дало нам возможность составить оригинальную схему демографического развития России в конце XIX — конце XX века (см. рис. 3), линии которой (верхняя — показатель рождаемости, нижняя, жирная — смертность) отражают изменения эволюции воспроизводства населения по годам.

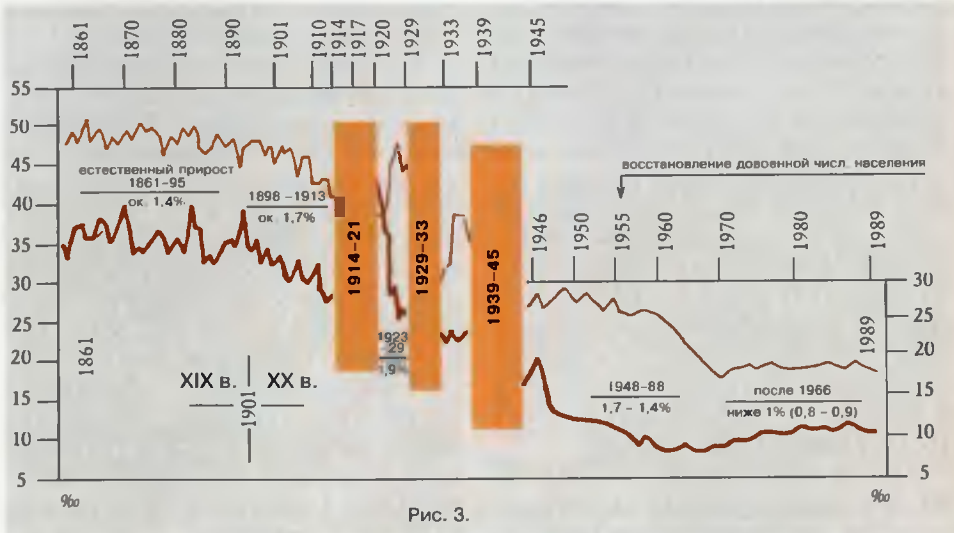

Рис. 3.

Конечно, при строгом научном подходе схема не совершенна (в ней не выдержан принцип сопоставимости территорий российских губерний и СССР, имеются и некоторые другие изъяны), но тем не менее она дает наглядное представление о более чем вековом периоде демографического развития страны.

Каковы основные этапы этого обширного периода? По традиции, его внутренний рубеж, казалось бы, должен быть обозначен 1917 годом. Действительно, социальные катаклизмы 1917 — начала 1920-х годов нане-

сли удар потрясающей силы по демографическим процессам, но в общем-то не изменили принципиальную (генеральную) тенденцию их движения. На первом этапе оно охватывает период от конца XIX века примерно до середины 1930-х годов, когда произошло возникновение и развитие демографического перехода.

Его первые симптомы стали проявляться где-то со второй половины 1870-х годов и выразились в постепенном снижении дотоле очень высокого уровня смертности. Позже и пока еще менее существенно стали понижаться и показатели рождаемости: с 50–52‰ в 1861–1897 до 45–43‰ в 1908–1913 годах.

Крупный российский демограф С. А. Новосельский (1872–1953) констатировал: «Смертность и рождаемость в России за последние 25 лет понижается, причем вначале понижение смертности происходило быстрее понижения рождаемости, за последний же год падение рождаемости начинает опережать падение смертности». Главной общей причиной понижения смертности, писал он далее, «следует признать повышение культурного уровня населения»[5].

С 1914 года на страну обрушился социально-демографический кризис, длившийся едва ли не десяток лет; только в 1924 году страна (в сопоставимых границах) восстановила довоенную численность населения. «В 1915–1923 годах русский народ, — констатировал автор одного из первых расчетов потерь населения России американский демограф Ф. Лоример (1894–1985), — испытал наиболее катастрофические изменения (в своей численности. — *Авт.*) со времени монгольского нашествия». Оценки прямых людских потерь в ходе этого кризиса колеблются в пределах от 18 (Лоример) до 10–11 (Б. Ц. Урланис) млн. человек[6].

Тем не менее уже вторая половина 20-х годов принесла дальнейшее развитие демографического перехода — продолжалось снижение смертности при сохранении значительной рождаемости, что обеспечило самый высокий за период 1861–1990 годов прирост населения — 1,9‰. Вроде бы обозначившийся при этом «демографический взрыв» был, однако, прерван новым социально-демографическим кризисом (1929–1933), связанным с коллективизацией, голодом и репрессиями. Разброс оценок прямых людских потерь в годы этого кризиса велик: от 12 (Б. Андерсон и Б. Сильвер) до 4–5 (С. Уиткрофт)[7] млн. человек, но одно несомненно:

Портрет купеческой семьи. Неизвестный художник первой половины XIX в.

они оказали сильное воздействие на все развитие страны, в том числе и на особенности второго, решающего этапа демографического перехода (середина 30-х–60-е годы).

Его главная черта — снижение не только смертности, но и рождаемости. Однако и здесь течение демографических процессов было серьезно нарушено еще одним кризисом. В конце 30-х — начале 50-х годов произошли наиболее масштабные потери населения России, даже превысив их величину в 1915–1923 годах. Численность населения в послевоенный период была восстановлена только к 1955 году.

Длительное время руководство страны фальсифицировало масштабы гибели людей в годы войны. В начале 90-х годов в результате серьезных исследований было заявлено, что прямые людские потери страны в 1941–1945 годах составили примерно 27 млн. человек. Близко к этому результату находится и ряд других современных расчетов. Автор одного из них — С. Максудов (псевдоним эмигрировавшего в США демографа-статистика А. Бабенышева) недавно констатировал, что оценка потерь населения СССР за годы войны в размере 27 млн. человек (с точностью 2–3 млн.) является на сегодня наиболее достоверным и надежным расчетным результатом[8].

Самым примечательным в послевоенные годы стало резкое снижение рождаемости. Оно обозначилось еще у подножия века, следующее ее понижение статистика зафиксировала во второй половине 30-х, но обвальный характер она приняла в 60-е годы, снизившись с 25,0‰ в 1959 до 17,0‰ в 1969 году (в РСФСР с 23,2‰ в 1960 до 14,6‰ в 1970-м). Как видно из рисунка 3, в последующие десятилетия этот коэффициент уже никогда не поднимался до былых высоких отметок, удерживаясь до начала 90-х в пределах примерно 18–20‰ (в РСФСР — 14,6‰ в 1989 и 13,6‰ в 1990 году)[9].

Что касается показателей смертности, то на протяжении всего второго этапа демографического перехода они продолжали снижаться (кроме, разумеется, ужасающего взлета в годы второй мировой войны). В 1934–1939 годах общий коэффициент смертности в СССР составлял в среднем 20‰, в 1948–1964 годах он снизился от 13,6 до 6,9‰. Показатель 1964 года (6,9‰), если он не является лукавым творением статистики (или недоучета), стал самым низким во всей демографической истории страны. Затем он несколько повышался (8–9‰), переваливая в отдельные годы отметку в 10‰ (1979–1985, 1988). В РСФСР самый низкий показатель смертности был достигнут в том же 1964-м (7,2‰), а в первой половине 80-х он вышел за пределы 11‰[10].

Для демографического перехода в России 90-х характерно отсутствие, а точнее сказать, смазанность «демографического взрыва». Уровни рождаемости и смертности снижались практически одновременно. Понятно, что при этом «взрыв» вряд ли может проявиться.

К тому же следует учитывать, что крупные регионы СССР существенно различались в своем демографическом развитии. Демографический переход в Российской Федерации в принципе совпадал с его движением по Союзу в целом. Однако, в свою очередь, внутри нее он имел региональные особенности. Новые тенденции демографического развития зародились в конце XIX — начале XX века в Центральных и Северо-Западных губерниях, тогда наиболее урбанизированных и индустриально развитых. При этом в Европейской России отставали наиболее аграрные районы (Поволжье, Север, Урал и особенно сильно — Калмыкия)

И. Ф. Тупылев. Крестины. 1800 г.

и национальные образования Северного Кавказа, за Уралом — Бурятия, Якутия, Тува[11]. Тем не менее со временем региональные демографические различия постепенно обретали тенденцию к сглаживанию.

Необходимо отметить и коренные изменения, произошедшие в увеличении средней продолжительности жизни. Данные таблицы свидетельствуют, что перелом в ее росте произошел в 50–70-е годы, когда она увеличилась почти на треть против конца 30-х годов. Примечательно, что ее показатели были практически одинаковы для всех союзных республик тогдашнего СССР. Не имели резких региональных отличий и коэффициенты смертности, лишь немного отклоняясь в ту или иную сторону от общесоюзного.

Постепенно изменилась структура причин заболеваемости и смертности. При традиционном типе воспроизводства населения определяющее место занимали внешние (экзогенные) заболевания (инфекционные болезни, паразитарные заболевания, туберкулез, болезни, связанные с недоеданием и т. п.). Теперь на первое место выходят заболевания и причины смерти, обусловленные эндогенными факторами (сердечно-сосудистые болезни, онкологические заболевания и др.) и старением организма. Увеличение средней продолжительности жизни породило впервые проявившееся в нашей истории демографическое старение населения, то есть значительное увеличение численности лиц старшего (пенсионного) возраста. Природа демографического старения сложна. В определенной мере оно связано с сокращением рождаемости и уменьшением, таким образом, в структуре населения доли детских и молодых возрастов. Вместе с тем в основе его лежит увеличение продолжительности жизни.

Оно свойственно, конечно, не только для России[12], как, впрочем, и другие существенные изменения демографического перехода. Среди них специально отметим резкое снижение показателя прироста населения. Кривая динамики численности населения до начала 90-х, несмотря на ряд изгибов и провалов, неуклонно двигалась вверх, теперь — новый провал. Сигналы к нему стали поступать, по существу, уже со второй половины 60-х годов, когда коэффициент прироста населения спустился за единицу и начал колебаться в опасной близости к нулевой отметке. В условиях современного социально-экономического кризиса он, наконец, пересек эту отметку.

Налицо новый, уже четвертый в этом столетии, социально-демографический кризис. Мы не склонны рассматривать его, подобно некоторым современным публицистам, как «демографическую катастрофу». Три предшествующих кризиса по масштабам людских потерь совершенно несопоставимы с современным, но тем не менее они были преодолены. Это же неизбежно произойдет и с ныне переживаемым. Череда поколений россиян неизбежно «склеит» уходящее и грядущее столетия. И не кровью, а обновленной и здоровой — социально, психически и физически — плотью.

Средняя продолжительность жизни в России

Годы	Оба пола	Мужчины	Женщины
1896–1897*	32	31	33
1926–1927*	44	42	47
1938–1939	47	44	50
1955–1956	67	63	69
1970–1972	70	64	74
1984–1985	68	63	73

*Европейская часть страны

Примечания

1. Смена поколений была осознана едва ли не на заре становления общества. Египетский папирус примерно пятитысячелетней давности донес до нас слова безымянного автора исполнявшейся во время заупокойных пиров «Песни арфиста»: «..Исчезают тела и проходят, другие идут им на смену со времени предков» (Тураев Б.А. История Древнего Востока. Л., 1936. С. 232).
2. ЛГ Досье. 1994. № 1. С. 28.
3. О ее развитии см.: Шелестов Д. К. Историческая демография. М., 1987 (библиография с. 254–280); Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. Под ред. Ю. А. Полякова. М., 1989; Горская Н. А. Историческая демография России эпохи феодализма. М., 1994, и др.
4. Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI — нач. XVIII вв.). М., 1973. С. 151.
5. Новосельский С. А. К вопросу о понижении смертности и рождаемости в России.// «Вестник общественной гигиены». 1914. Март. С. 16.
6. Lorimer F. The population of the Soviet Union: history and prospects. Geneva, 1946. P. 41.
7. Slavic Review. 1985. Vol. 77. № 3. P. 530–531; Soviet Studies. 1990. Vol. 42. № 2. P. 356.
8. Максудов С. О фронтовых потерях Советской Армии в годы второй мировой войны.// «Свободная мысль». 1993. № 10.
9. Население СССР. 1988. Стат. ежегодник. М., 1989. С. 56–58; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегодник. М., 1991. С. 99.
10. При этом ряд важных проблем опущен. Так, мы не коснулись вопросов младенческой смертности (детей в возрасте до года). Хотя здесь произошли серьезные изменения и младенческая смертность снизилась со сверхвысоких показателей (181,5‰ в 1940 г. и 80,7‰ в 1950 г.) до 24,7‰ в 1988 г. (в РФ — 18,9‰), тем не менее она оставалась очень высокой (Население СССР. 1988. Стат. ежегодник. С. 473–474).
11. См.: Захаров С. В. Демографический переход в России и эволюция региональных демографических различий.//Семья и семейная политика. М., 1991.
12. Вот горестная пометка в дневнике известного французского писателя: «Сейчас все — президент республики, министры, депутаты, телевидение, радио, газеты — все больше занимаются судьбой стариков. Почитав и послушав их, можно подумать, что старики уже не являются частью человечества и составляют какой-то особый класс» (Сименон Ж. Я диктую. М., 1984. С. 239).

Вячеслав Софронов

«Блинчики» деда Башкура

Былички, написанные сибирским прозаиком Вячеславом Софроновым, трудно причислить к какому-то определенному жанру. От них веет чем-то ветхозаветным, языческим. Юмор сибиряка всегда можно отличить от юмора одессита. Это как выдержанное виноградное вино и настойка из клюквы: у каждого свой вкус, разное действие. Но если одессит шутит чаще всего от избытка солнца и веселья — это происходит как бы само собой, — то ирония сибиряка направлена в первую очередь на собственную неустроенность и облегчает ему житье-бытье, заменяя редкое солнышко. Сибиряки народ особый, и с нечистой силой у них свои отношения, вполне домашние и житейские. Герои Вячеслава Софронова столь же реальны, как кот на печи или рыба в пруду. Они страдают, как люди, умирают, привязываются к хозяевам, шалят, балуются... И человек привыкает к своему домовому, баннице, водяному, не особо досаждая ему, не пытаясь изжить. Но... до определенной границы, которую переступать ни тому ни другому не дозволено.

Г. К. Михайлов. Кухарка. 1835 г.

Сибирские былички, сказки-невелички о бедной русалочке, обманутом черте, парне-оборотне, тетушке-баннице, девке-бесприданнице, сказанные дедом заместо рюмки перед обедом.

Незамужним девицам лучше не читать, людям злым в руки не давать. Кто в Бога не верил, черта не встречал, тот и быличек сроду не слыхал. А кто их читать станет, в руки возьмет, пусть три раза молитву прочтет, на восток перекрестится, в день воскресный в храм пойдет. Тогда нечисть лесная к нему не пристанет, в дом не войдет, гнездо не совьет.

Читай с толком, на нас не гляди волком. Этот сказ весь про нас. Не то чудо, что лежит худо, а то лихо, что внутри тихо. Читать читай, да на нас не пеняй.

Стоит город стольный Тобольск на горе, звонят тридцать три храма по утренней заре. Всех чертей-упырей окрест разгоняют, в леса да болота от добрых людей запирают.

А вокруг города Тобольска триста деревень. Работают крепко, кому не лень. Пока мужик на работе, баба в хлеву, нечисть за печкой сидит в дому. Мужик в избу придет, с мороза чихнет, а черт тут как тут — выходи на круг, айда плясать, песни орать.

И так доплясались, что черти народ из домов выгнали. Подались все до города, борониться от злого ворога. Свет бел, да люди черны. Испугался беса — не ходи до леса. Бес он и гору свезет, а людьми, что вениками, трясет. На него, что на волка, нет суда, все ему без толка.

Стало в городе Тобольске на триста домов больше, стало вокруг города на триста деревень меньше. В каждой деревне свой черт сидит, воду мутит. Землю репейником, лебедой засеял — такие у нечистого нынче затеи.

Из всех деревенек одна осталась о три дома, четвертая дорога. Жил в ней дед Башкур, не пущал нечистого дале околицы, оборону держал. Держал, пока не помер. Хоть не был дед тот богатырем, а слава добрая осталась о нем. Может, кто его и бранил, только Бог крепче хранил. Слово доброе в землю не зароешь, ножом не порежешь, в огне не спалишь.

А деревенька та до сих пор стоит, людей веселит, обо всем помнит.

При-вступление

Летел, значит, змий над деревней нашей... ну, летел себе и летел. Никого не трогал. А в зубах тащил двух баб и трех мужиков. Он их, видать, на болоте брусничном прихватил. Хорошее у нас за деревней в десяти верстах болото! Змий там пасся.

Тащит он таким манером двух баб да троих мужиков, и видно, что тяжко ему бедному, все ниже да ниже спущается с неба. А тут еще одна баба такая поперешная ему попалась, туес свой с брусникою из рук не выпустит никак, а все норовит змия им по морде пздануть. Тот, бедняга, моргает, морщится, щурится, но зубов не разжимает.

Одного мужика Ильюхой звали. Он и взмолись: «Илья-Пророк, крестный мой небесный, выручи нас за ради Христа! Не дай пропасть задаром от гадины болотной!»

Илья-Пророк, видать, услыхал его, пожалел. А может, просто хотел со змием счеты свесть, но только как начал пулять стрелами своими по твари болотной, такое светопреставление началось!

Мы тут все из изб повыскакивали, глядим на войну небесную, дивимся. А Илья-Пророк в тот день чего-то не в себе был: то ли с похмела большого, то ли поцапался с кем, но стрелы его все мимо да мимо змеюки и на мой картовник сыплются, весь его и побило.

Но змеюка стрел Ильюхиных испужался и баб с мужиками побросал где ни попадя. А туес-то у той поперешной бабы напоследок выхватил и был с ним таков. Утек. Она его потом, туес свой, нигде так сыскать и не смогла. Да...

Так к чему это я? Где змеюка народ побросал, там вскоре и деревни наши пошли. Первую Жабловкой назвали. Отчего так? Да потому, что все оне на жопы попадали. Ране так Жоповкой и звали, а волостной писарь для пущей красоты переписал на Жабловку. Но мы их все одно Жопохватовыми зовем. Откликаются.

Другую деревню Почекуниной кличут. Верно, мужик как пал на землю, так умом чуток и тронулся. А по-нашенскому чокнулся, чеканулся. Вот.

...Мы укрылись с дедом Башкуром в его мыльне, как он зовет свою баньку, и «сидим» самогонку. Гоним, значит. У деда Башкура на все мои вопросы свои объяснения и присказки. Выходит, что все деревни в округе пошли от змия, что подкарауливал людей на брусничном болоте.

Избы рубили, чтоб змий не украл ночью. Родник в ложбине тоже он нашел, любил из него чистую водичку пить с устатку. И хлеба на полях он портил, народу вредил. А картошка в деревню тоже от него попала: стащил где-то, но жрать не хотел сырую, выбросил, а мужики и подобрали, садить начали.

А стрелы, что Илья-Пророк в змия швырял с великой промашкой, дед Башкур собрал со своего огорода и правил ими всяческие болезни и хворости. Лучше всяких лекарств помогало.

«...блинов печь мешаешь». Лубок XVIII в.

Прошу его показать хоть одну стрелу. Рылся в сундуке, рылся, не нашел. Видать, говорит, последнюю вдовой соседке тем летом отдал, а та и не возвернула. Бабская ручка завсегда с клеем.

— Ладно, пойдем в огороде поищем, а заодно и картовник пороем, само время. Глядишь, и стрелу найдем, — принимает мудрое решение дед Башкур.

Роем картовник... Накопали уже ведер с двадцать, а стрелы ни одной не попалось. Дед кряхтит, держась рукой за поясницу, поглядывает на небо.

— Однако давно, видать, змий не летал над деревней, химии нашей боится. А Илье чего зазря стрелы тратить? У него тоже запас не велик, беречь надобно. Ладно, я тебя и без стрелы вылечу, коли заболеешь, самогонкой. Она у меня дюже сердитая, мертвого подымет. Айда-ка рубить дрова...

Делать нечего. Колю дрова, иду с ведрами за водой под горку. Дед тем временем извлекает из кладовки свой «амуниций»: корчагу с дырой в боку, ведерный чугун и «трубню», самую главную часть самогонного агрегата. Затем берет свежую буханку хлеба и начинает жевать большими порциями, вынимая мокрые куски изо рта и промазывая дыры. Мне эту важную работу не доверяет.

— Тут особая слюна нужна, крепкая. От твоей все разъехаться может на хрен. Я свою знаю, она что рыбий клей. Ране даже соседи приглашали для энтого дела.

«Трубня» — это обычная дюймовая труба, вделанная в дырявую лохань и закрепленная в ней варом. В лохани холодная вода. А конец «трубни» вставлен в дырку корчаги, закрепленную на чугуне. В чугуне выбродившая брага, которую ставят на дрожжах и сахаре. Все стыки промазываются для герметичности пережеванным хлебом. Вроде вся и премудрость.

Чугун на погнутой буржуйке, которая никак не желает растапливаться и нещадно дымит. Лезу на дырявую крышу мыльни, чтоб прочистить

жестяную, присобаченную абы как трубу. Похоже, что все сделано нашармака, наспех, на живую нитку.

Дед Башкур кашляет в махонькой мыльне и отмахивает дым рваным фартуком. Не выдерживаю смрада, предлагаю: «Пошли лучше в дом. Там плита получше».

— Не-е-е... Никак нельзя. Споймают...

— Кто споймает?! В деревне, кроме тебя, никто давно не живет, кругом ни одной живой души...

— Ага, а вдруг участковый али с району кто пожалует? Тепленькими нас и накроют...

Лубок конца XIX в.

— Так они и в мыльне твоей накроют...

— Не-е-е... В мыльню заходить нельзя. Вдруг я тут голый али с бабой своей моюсь. Неможно входить... Тут и сидеть будем. Ране мы вообще на ручей уезжали, прятались, когда власть-то крепкая была. И караульных на бугре ставили. Теперича уже так не ловят, но все одно хорониться надо, нелишне...

Вижу, что спорить бесполезно. Бог с ним, с дедом. Сидим...

Первая порция накапала часа через два, когда я уже заснул. Дед будит и сует полстакана теплой жидкости:

— Спробуй... Первачок...

Жидкость такая вонючая, что запах от нее слышен, вероятно, в соседней деревне. Но дед радостно хихикает и вливает в себя свою порцию.

— Разве эта вонюча? Э-э-э... Ты, милой, у брысинских мужиков самогонку не хлебал, вот та шибко вонюча была, только оне сами пить ее могли. С картошника гнали и шелуху от шишки добавляли для вкусу. Я к ним завсегда со своей ходил.

— Дед, а почему деревню так звали — Брысино?

— Известно почему, оне же котов лучших по всей Сибири выращивали. Даже с Москвы за ними приезжали. Ловчие коты были, собаку загрызть могли, коль долго не покормишь его. Я одного ихнего держал, так согрешил с ним — всех кур умял и гусей соседских драл дажесь. А самогонку сидеть те брысинские мужики все одно не умели. Вот...

— А по-за речкой деревня стояла, ты говорил, Сисюхина. Это отчего?

— Так речка от них далеко была, а воду ж тогда все больше бабы таскали...

— И что?

— Как что? Идут в гору, а титьки у них до земли висят. Сисюхиными их все и звали.

— А тебя самого Башкуром за что прозвали?

Дед хихикает, ощупывает лысую голову и, довольный осмотром, предлагает:

— Пощупай-ка... Вишь, какая она у меня маленькая, но твердая. Я по молодости ей, бывало, и убить мог, ежели рассердят. Все и боялись, а звали Башкуром. Я такой, шустрый...

Дед Башкур помнит столько разных историй и присказок, уйму! Расскажет какую и обязательно добавит в конце: «Такие вот были блинчики».

После каждого «блинчика» переворачивает стопарик самогонки, крякает, закуривает собственный самосад и хихикает:

— Однако помру я скоро, а домто и оставить некому. Бабка давно померла, сыновья в городе. Мне не столько дом жалко, как домового мово. Куды он без меня? Может, к себе возьмешь?

— Это как к себе твоего домового?

— Да просто очень. Как я помру и узнаешь о том, то ты в дом залезь, тут у меня рама одна неплотно сидит. На лавку сядь, а рюкзак свой развяжи и на полу оставь. Пущай в нем хлеб и сало будут. Посиди, покури, а потом завязывай рюкзак и дуй на автобус. В город как вернешься, выпусти дома его, обратись ласково: «Выходи, хозяюшко дорогой, живи у меня, никуда не уходи, ладить будем». И все. Понял?

Делать нечего, соглашаюсь. На другой день уезжаю в город. Зимой уже встретил в автобусе сына деда Башкура. Сказал, что умер дед. В аккурат на Рождество. Теперь деревня совсем пустая.

Летом выбрался туда, положив в рюкзак, как было велено, свежего хлеба и шмат сала. Влез в дом. Развязал рюкзак и закурил, присев на лавку. Гляжу, шевелится рюкзак, будто что копошится там кто. Завязал быстренько и обратно.

Начал с горки спускаться, а тут гроза. Глянул на небо, а там точно змий летит и молнии одна за другой сыплются. Жуть!!!

Дома развязал рюкзак, пошептал нужные слова, подождал. Слышу, шуршит за шкафом кто-то. Может, мыши, а может, и домовой деда Башкура прижился. Только тут мне все «блинчики», что дед Башкур рассказывал, и вспомнились. Все как есть. Домовой тому главный свидетель...

А кто не верит — пусть проверит. Змий тот каждое лето на брусничное болото летает, а Илья-Пророк в него стрелы мечет.

Сапоги

Живем мы телом на месте, духом на небесах, думаем о чудесах, а у самих бабы на сносях. Как зачнут рожать, некуда будет детей по лавкам сажать. У нас кто малым доволен, тот и Богом не забыт, а кто к себе все воротит, чаще всех бывает бит. В старину-то как бывало? И собака с волком живала, а ноне вот повздорили, разошлись, поссорились. А чего не воротишь, про то и забыть лучше.

Эх! Жил бы я на Парижу, да дороги не вижу. А у нас где забор, там и двор, где щель, там и постель. Есть нечего, да жить весело. От пятницы до субботы носим сапоги без заботы, а потом на печь кладем, на работу босы идем. Не от того обосели, что сладко пили, ели, а видно так Бог дал, на нашу денежку прах пал.

Вот про те самые сапоги я те и рассказать, поведать хочу. Страшная история у нас вышла, приключилась, да теперь уж позабылась. А я нет-нет да и вспомню... Может, и другие помнят, да молчат, ворошить не хотят, не желают.

Оно ведь как бывает: не тронь дурное, и оно тебя не тронет. Вся нечистая сила вокруг человека вьется, кружится, за стол с тобой садится, а ты на нее не смотри, не кликай лиха, а поминай так тихо.

Всякая нечисть она как лед под опилом — не разгребешь, так и все лето пролежит, а тронешь — лужа набежит.

И нечисть за кустом сидит, от Божьего слова дрожит, а пригрей, позови — нагонит тоски.

Вот стоял у нас на дальнем конце в деревне дом один. Весь из себя добрый, ладный, железом крытый, в щелях пробитый, конопаченый, а жить в нем никто и не жил, всяк добрый человек стороной обходил. Теперь такого не встретишь, чтоб дом без хозяина пустовал, порожним стоял, мигом кто займет, поселится. А в старые времена и не такое бывало... Нечистый тот дом был, и все про то знали-ведали.

Тогда у нас только еще колхозы завели, всех в одну артель собрали, сообща работать заставили. И деревня большу-у-щая была: домов под сотню стояло, две улицы от дороги к лесу и переулок меж ними. Все как у людей добрых. А народу... на гулянку как выйдут, вывалят! Не то что яблоку, семечку упасть негде. Тогда еще в город не бежали, хозяйство не бросали, не продавали дома на дрова.

Вот с колхозов-то все и пошлопоехало. А как началось. Сперва к нам на помощь девок присылали, будто мы сами работы не знали. Поставят их на ток зерно лопатить, в мешки насыпать, а в помощь им мужиков аль парней наших. Работают днем, а больше все по ночам. Известно дело, какая ночью работа промеж них идет. Как им уезжать, так и парни следом в город бежать. Таки шалавы бывали, что поддеревни с ума сбивали. Подолы задерут, энтим делом лохматым потрясут, мужики к ним на запах и бегут.

Почитай, каждую осень нам для роду-приплоду присылали бабью роту для привороту. А нашим мужикам только подавай добра этого, еще и передерутся из-за юбки какой, морды друг дружке расквасят, сукровицу пустят.

Чего греха таить, и я до них хаживал, по спинке кой-кого поглаживал, тискал, ласкал, сто коробов обещал, да Бог миловал, все прошло, быльем поросло...

чут без вашего угляду-пригляду».

Бабы опять: «Ничего не знаем и знать не хотим, а сейчас повыгоняем всех до одной, пущай хоть в скворешню лезут, хоть в стог закапываются».

Бригадиру делать неча, собрал всех девок вокруг себя, говорит: «Отказались от вас бабы наши, за мужиков своих боятся, переживают. Делать неча, поселю вас всех в пустой дом, что на конце деревни стоит. Живите, как хотите, сами и боронитесь. А я за ваши целки не в ответе, к каждой по охраннику не приставлю. Мне и без вас дел позарез до самых небес. Вот вам мое слово».

Лубок конца XIX в.

На ту осень прислали к нам девок человек с двадцать. Бригадир их по домам развел, расселил: кого к Фекле, кого к Дарье, а кого к Марье. Так в первый же вечер пошли наши парни к ним в дома ломиться, на гулянки звать, озорничать. Никакого спасу от них хозяйкам. Те так и взвыли, заголосили и бегом к бригадиру: «Забирай своих девок-срамниц! Ставь в свой двор на постой, да сам их и паси, за всеми смотри. А у нас у всех свои мужики, им глаза тряпицей не завяжешь, на цепь не посадишь. Уведут, глазом не моргнут!»

Бригадир им: «Да куды ж я их дену, определю?! Гнезда на дереве не совью, в поле не отправлю в шалаше жить. А мужики ваши, кобели, и так к ним дорожку найдут, протоп-

А девкам что? Оне только рады, что без бабьего угляду, сами себе хозяйки. Попали в поле, добрались до воли. Мигом манатки свои собрали, прихватили, за бригадиром попылили. Сообща оно и лучше.

А тот самый дом, куды их определили, пустым стоял уже годков с десять, а то и поболе будет. И никто в нем селиться не хотел, боялись. Чего, спрашиваешь? Силы нечистой, вот чего. Жил там когда-то мужик один, магазин держал на деревне нашей, богачом слыл. Ночевал у него как-то купец проезжий, да и помер ночью. Болтали, что убили его, задавили. А потом и хозяина самого мертвым нашли в постели, задушенным. Семья в город подалась, дом бросила. И кто ни пробовал в том

дому селиться, то, коль до утра доживал, сам из него убегал, а то и помирали невесть от чего. Так-то.

Но при власти при советской про все энто забыли, в нечистую силу не верили. Думали, что и ей конец пришел, сбежала от нас вместе с богатеями. Вот и поселили девок приезжих в том доме.

Сам-то дом подле леса стоял одной стеной, а другая на полянку смотрела. Там наши мужики лес сырой свозили, разделывали. Бревна до осени лежали иной раз. Парни с девками на них посиделки устраивали, костры жгли, миловались, любовались, до зорьки обнимались. А как девок в дом тот переселили, разместили, то все до них на полянку и повалили. По бревнышкам расселись, разместились, каждый по себе кралю выбрал, кто кому приглянулся. Сидят, беседуют.

Одного из парней наших Матюхой звали. Он тоже туда подался, с девкой обнялся, словечки ей разные на ушко шепчет, волосы поправляет, погулять предлагает.

Говорит ей: «Хошь не хошь, а я тебя в этот дом поганый не пущу, тут оставлю. Посидим на бревнышке до утра, пождем, как дело обернется. Старики про дом ваш много худого говорят, плохим словом поминают, не вышло бы чего. Такие там страсти по ночам творятся, что как мне за тебя не бояться».

Лубок конца XIX в.

А она ему: «Вот еще! Бабьим сказкам верить! Я как в комсомол вступила, про все то и позабыла. Нас много тут, а вместе и черт не страшен. Сами кого хошь напужаем, страхов нагоним».

Матюха к ней и так и сяк, мол, останься со мной до утра, чего голову в омут толкать. Может, и нет ничего, а ночь пересиди тут на бревнышке, а по первому свету отпущу поспать малость.

Но та, видать, упрямая была, никак не соглашается сидеть с ним до самого утра, смеется над боязнью его. Тут уж и стемнелось, парни костерок зажгли, запалили, картошки принесли, в золу набросали. Смех, крики над поляной... Какой такой страх? Где она, нечистая сила?

А старшей меж ними была, верховодила одна девка, самая из них шустрая, Люськой звать. Из себя ростику небольшого, но слушались ее, не перечили. Как совсем стемнело, она и командует им: «Айдате все в дом, спать ложиться станем. Поздно уже, прощайтесь с ухажерами своими». Все и потянулись за ней в дом ночевать, ложиться спать.

А Матюха свою девку за руку ухватил, не пущает от себя, молит: «Добром прошу, не ходи. Рядом тут буду, никому в обиду не дам. Чует мое сердце, худом все это кончится, обернется».

Та ему: «Отпусти руку, а то закричу, подружек на выручку позову. Не могу я одна остаться, засмеют меня девки, наговорят всякого».

«Пущай лучше наговорят. Стыд не дым, глаза не выест. Я тебя за себя замуж возьму, коль так не желаешь побыть со мной».

«Тоже мне жених выискался, с сеновала свалился. Пусти, закричу!» Он и отпустил ее, не смог отговорить, удержать.

Ну, убежала она в дом к подружкам, а он не уходит, сел на бревнышко, папироску смолит, на дом глядит-поглядывает.

Одна из девок в оконце поглядела, Матюху увидела, других зовет, смеются над ним, потешаются, ручками машут, к себе зовут.

Посмеялись, подразнились, да и угомонились. Для ночлега им соломки подвезли, наволочки дали, так на пол и легли, повалились вперемежку промеж собой. А в том дому печка стояла большущая, здоровущая. Так трое девок на ней умостились, друг к дружке прижались, одна к одной привалились.

Лежат, перешептываются, парней вспоминают, кто что сказал да кто куда зазывал. Потом стали всякие истории вспоминать страшные, визг промеж них поднялся, гвалт и все такое. Люська-старшая кричит, успокаивает, спать велит. Завтра рано на работу вставать-выходить.

А тут и луна над деревней взошла, к ним в оконца заглядывает, зырит, высвечивает все кругом, каждый камешек на дороге видно. Успокоились девки, притихли, засыпать помаленьку начали, задремывать.

Вдруг одна на ноги соскакивает, орет на весь дом благим матом, не своим голосом, как укушенная: «Бабушка!!! Бабушка стоит!!!»

Остальные вспрыгнули, соскочили, перепужались крика до смерти, ничегошеньки понять, уразуметь не могут, тоже кричат, визжат: «Кто стоит? Где стоит? Что за бабушка?» К девке той кинулись, трясут ее, спрашивают. А она дрожью смертной дрожит, плачет: «Бабуся моя, что пять годочков назад померла, приходила. Меня с собой звала, кликала! Вот и спужалась я, закричала».

Осмотрели весь дом, нет никого. Дверь на крюк закрыта, на палку для верности задвинута. Кто попасть к ним может?

Люська — старшая над ними — и говорит шепотом: «То от луны полной завсегда так бывает, мертвые во сне являются, лешие в лесу с ведьмами свадьбы справляют, нас, девок молодых, соблазняют. Мамка завсегда запрещала мне на полную луну глядеть, грех это большой. На луну глядишь — чертей мутишь».

Успокоились немного, опять улеглись, а уже и не спит никто, в кучки собрались, в комочки сжались, дышат тяжело.

Слышат вдруг, что ровно кто в окошко к ним скребется, стукается. Словно как парень какой девку выйти зовет, приглашает, на разговор зазывает. Тихонько так: тук-тук. Помолчит, подождет и снова: тук-тук в створку.

Они и решили, что Матюха девку свою, Катерину, вызывает, погулять с ним зовет. И говорят ей: «Может, в дом его запустить? Вместе вам постелить? А завтра свадебку сыграем, погуляем?»

Катька-то и вспыхнула вся, вскакивает, к оконцу идет. «Я ему сейчас такое скажу-выскажу! Отважу мигом. И дорогу сюда забудет и другим закажет!»

Распахнула она створки оконные, наружу выглянула, а там... там и нет никого, пусто. Только луна глядит, лыбится, едва в само оконце не вплывет — протяни руку и достанешь. Посмотрела она, поглядела, думала, пошутил кто, ругнулась тут: «Какой черт стучался, откуда кто взялся?! Увижу, так рога-то пообламываю!»

Только она эти слова произнесла, выговорила, как тут вскрикнула, охнула и взад себя на пол повалилась. Девки было к ней, а там, на окошке... сапоги черные стоят с блестящими голенищами, с ушками по бокам. Стоят себе и подрагивают, словно кто их с улицы за веревочку дергает.

Девки, знамо дело, в визг, в крик опять же. А сапоги на пол спрыгнули и по избе сами собой пошли вприпрыжку так: скок-поскок, к девкам ближе. Ступают по полу, поскрипывают, половицы под ними подрагивают, девки в кучу сбились, заблажили в полный голос. А те голенищами посверкивают, поскрипывают, на них наезжают, наступают.

Не выдержали девки такой оборот, кинулись врассыпную, в разны стороны. Кто упал, кто за печку спрятался, кто наверх влез. А сапожищам только этого и надо. Кинулись они к одной девке, на грудь к ней запрыгнули, топтать начали. Та кричит, орет, их с себя спихивает, отбивается. Да куды там! Не совладать! Затихла, бедненькая. Лицо пятнами пошло, кровь изо рта потекла тонкой струйкой, руки в стороны раскинула, успокоилась, чувств лишилась.

А сапоги и другую так же стоптали, искорежили. Только косточки хрустят, похрустывают, словно в сапогах тех весу не мене десяти пудов.

Так оне, сапожища, черные голенища, потоптали всех, кто им на пути попался-встретился, и к печке, где остальные девки сидят ни мертвы ни живы, участи своей ждут, конец близкий чуют.

Потопали сапожища вокруг печки, поискали, как на нее подняться, взобраться можно, да не нашли никакой лесенки, скамеечки. Кинулись вверх карабкаться сами по себе. Только до голубца поднялись, добрались, обратно вниз сорвались, на пол шлепнулись, шмякнулись. Но встали, встряхнулись, опять кругом печь обошли, осмотрели, норовят, как ловчее на саму лежанку запрыгнуть, забраться, к девкам попасть, подавить всех.

«Гудит звон и тройка мчится...». Лубок XIX в.

Девки наверху сидят, дрожат, трясутся, святых заступников призывают, кто помнит, молитву читают. И вроде помогает им молитва, не дает сапогам вверх забраться, сбрасывает.

Но и сапожища черные не отступают, вокруг печки шлепают, шагают. И все вверх-вниз прыгают, падают, срываются...

А Матюха в это самое время на бревнышках сидел, на луну смотрел, папироски смолил одну за одной. Услыхал в доме шум страшный, гвалт, глядь, а окошко-то и открыто. Кинулся к нему, голову всунул, а оттудова по лбу его что-то как бухнет, стукнет, так и отлетел назад, на землю пал, искры из глаз посыпались, засверкали звездочками малыми. Вскочил на ноги и к двери, дерг, а она на крюк закрыта, не открыть, не выломать. Опять к окну, только влезть в него не может, сила невидимая его отбрасывает, отталкивает.

Постоял он так, в затылке поскреб, слышит, такой шум, гвалт в доме творится, девки так ревут, стонут, а он и помочь им не может. Закричал в голос: «Катенька! Милая моя, где ты есть?!» В ответ только рев да крик. Делать нечего, побежал он к себе домой за подмогой, сопли на кулак наматывает, голову ушибленную потирает.

В дому же все своим чередом идет: сапоги вокруг печки гуляют, девки наверху сидят, молитву творят, слезами заливаются, погибели ждут. Только одна промеж них, Люська-старшая, не оробела, не растерялась, а хвать ухват за рукоять и давай по сапожищам тем молотить, наяривать, вслух приговаривать: «Я вам, сапогам чертовым, покажу кузькину мать, научу нас уважать! Вот вам! Возьмите, получите! Еще хотите?!» Потчует их ухватом от души, от всего сердца.

Сапоги и отскочили от печки в сторону, испужались Люськиного ухвата. Стоят, друг о дружку трутся, ближе подойти опасаются.

«Ага! — Люська кричит. — Испу-

жались ухвата, не хотите попробовать?! Нашла я на вас справу, управу! А ну, девки, ломайте трубу, да кирпичами в них пуляйте, кидайте! Пущай каленых кирпичиков попробуют, подале от нас держатся».

Вывернули девки один кирпич, запустили в недруга своего, шмякнулся сапог один на пол, едва поднялся, захромал, за другой прячется. Только все одно не уходят из дому, словно ждут чего. Может, подмоги, а может, хитрость какую задумали.

Матюха меж тем к своей избе бежит, летит, ног не чует. Едва добежал, дыханье унял, постоял, подумал и прямиком в курятник свой. Заскочил туда, хвать петуха под мышку и обратно бегом несется, поспешает, сам себя подгоняет.

Быстрехонько до страшного дома добежал, доскакал, перед окошком встал. Шепчет сам себе под нос: «Сейчас я тебя, нечисть поганая, людям нежеланная, заставлю убираться восвояси, спроважу быстренько. Пришел твой час...»

Схватил петуха своего за лапы и давай трясти, потряхивать, а тот стал крыльями помахивать, заклекотал, клюв разинул и вполсилы кукарекнул. Матюха его подзадоривает, за хвост подергивает: «Ори, кричи в полную силу, гони прочь нечистую силу!»

Петух-то и послушался, кукарекнул как мог, горло прочистил, еще разок добавил. Видать, и другие петушки сигнал его утренний услышали, откликнулись, закричали кто во что горазд, всей деревне побудку устроили. А коль петух закричит, от того крику вся нечисть в страхе бежит, прячется.

Расхрабрился Матюха, швырнул петуха в окошко к девкам на выручку, на подмогу. Влетел тот в избу, на пол сел, головой крутнул да и запел громче прежнего.

Сапоги, как петушиный крик услышали, сжались, собрались, даже размером меньше сделались. А петушок, красный гребешок, их как увидел, кинулся, когтями за голенища ухватился, шпорами рвет, клювом клюет, крыльями прихлопывает. И началась, пошла промеж них такая драка, что словами и передать невозможно: пух-перья летят, сапоги по дому носятся, норовят с себя петуха сбросить, освободиться, от него где укрыться. Да только не таков петух, бьет крепко, и ошметки от сапогов по всему дому клочьями летят, сыплются.

Но все ж таки сапоги сильней да сноровистей оказались, сбросили с себя петушка, стряхнули и в окно вылетели, с глаз скрылись.

Матюха в окно влез, кинулся Катерину свою искать, разыскивать. А она лежит у самого окошечка и не дышит совсем. Только слезинка одна из глаза выкатилась и на щеке лежит, светится малой капелькой. Подхватил ее Матюха на руки и к дому своему бежать, чтоб в город свезти, авось выходят, к жизни обратно вернут.

Народ со всей деревни к страшному дому потянулся, ото сна отряхнулся. Стоят, судачат, а в сам дом не заходят, опасаются, крестным знамением себя осеняют, молитвы шепчут: чур меня, чур...

Слезли девки с печки, на улочку по одной выходят, слезы льют, пошатываются, на землю валятся. Народ на них поглядел и ахнул: все как есть постарели, поседели за ночь, лицом осунулись. Только Люська одна подружек поддерживает, подбадривает, слезы им платком утирает, успокаивает. Кинулась к бригадиру, чтоб покалеченных, потоптанных в город увезти подводу дал.

Увезли всех в город, подводы нашли, а к вечеру милиции прикатило человек с десять. Начали всех пытать, выведывать, допросы писать. А мы что скажем, покажем? Ничего видеть не видели, слышать не слышали. С нечистью только свяжись, так она тебя и за морем достанет, сыщет-разыщет, напакостит.

А милиция пытает народ: «Кто девок побил, покалечил? Признавайтесь, сознавайтесь, а то хуже будет!»

Куды ж еще хуже? Хужей уже и некуда. Коль нечисть раздразнили, разворошили, добра не жди.

И точно. Забрали нескольких парней, что на бревнах с девками вечерком сидели, миловались, а с ними и Матюху как главного. Девки на него показали, мол, под окном сидел, не иначе как от него вся катавасия и началась, поехала.

Увезли их в город на суд и всех, почитай, ни за что и осудили, в тюрьму посадили, кого сослали куда подальше. Вот так нас всех и наказали... А все оттого, что старых людей не слушали, в свой нос делали. Вот и хлебай-расхлебывай, другим рассказывай.

С тех самых пор долго к нам девок на подмогу не посылали. Такая слава про нас прошла, убивцами окрестили, прозвали, будто мы и в самом деле во всем виноваты.

А наши, деревенские, долго промеж себя рядили, гадали, отчего так вышло, что сапоги те проклятущие не могли на печку влезть, попасть, а все вниз падали, не добрались до остальных девок.

Потом уж дед Афанасий, печник старый из другой деревни, к нам приезжал, печку смотрел и углядел, в чем причина. Оказывается, в старые времена добрые люди в завершие печи крест выкладывали из кирпичиков, чтоб обороной служил от силы нечистой. Вот и не могли сапоги к святому кресту подступиться, наверх взгромоздиться. Куда им против святого креста! Ни за что не одолеть.

И у меня в доме, глянь на печку, кверху крест на всякий случай выложен. Все под Богом живем, только на него и надежда.

А про сапоги те боле никто не слыхал, нигде их не встречал. Может, в другое место перекинулись, переметнулись, а может, петух Матюхин их шибко порвал, покалечил, но не стало их.

Откудова сами сапоги взялись, спрашиваешь? Вот как я про того богатого мужика сказывал, чей дом-то был, то с него все и пошло. Когда он проезжего купца задавил, деньги у него забрать решил, то денег при нем, видать, мало оказалось, убивцу ничего не досталось. Он с него одежду снял, сжег от греха подальше, чтоб не признал кто, а сапоги себе оставил. Купца в ямку спустил, землей прикрыл, сапоги его на себя напялил, вырядился. Вот в первую же ночь его самого те сапоги и задушили, задавили. Жадному человеку убавил Бог веку.

А уж затем началась катавасия: кто в том доме поселится, тут же сапоги являются, по дому за ним гоняются. Коль до утра хозяин новый доживет, на другую ночь в дом не идет.

Пробовали там правление устроить, куда там! Сбежали без оглядки, только сверкали пятки, даром что власть, а не знают, куда упасть.

Долго тот дом стоял и даже не ветшал, не портился. Видать, нечисть его хранила, берегла, для сходок своих держала. А уж после войны прислали солдат да и раскатали по бревнышку, свезли куда-то. Солдату, ему что? Ни пуля, ни черт не страшен, под приказом ходит и спрос не с него, а с начальника.

Остался пустырь после дома того, а по ночам в иную пору там огоньки горят, светятся, помигивают. То нечисть насиженного места бросить, оставить никак не может, не желает, какого разиню поджидает. Да только никто из наших там строиться вовек не станет, ума на то у всякого достанет. С бабой не спорь, а черта не тронь и сто лет проживешь без заботы, без тревоги. А не веришь, так сходи в полночь на пустырь, погляди, послушай, разуй уши.

Виктор Логинов, Юрий Скальский

Фарфор из подмосковных глин

Майским днем 1724 года купец Гостиной сотни Афанасий Кириллович Гребенщиков, проходя мимо Лобного места на Красной площади, услышал барабанную дробь. Ее выбивал пожилой солдат. Рядом с ним стоял сутуловатый дьячок. Едва дробь смолкла, дьячок степенно начал читать по листу бумаги новое постановление: «...ежели кто пожелает в местах, где белая глина имеется, делать ценинную всякую посуду и табашные трубки добрым мастерством, применяясь против заморского, и оные б явились в Мануфактур-коллегию, которым дана будет его императорского величества привилегия...»

Блюдо круглое с фигурным краем.
Роспись подглазурная. Завод Гребенщикова (?).
Третья четверть XVIII в.
Из собрания Троице-Сергиевой лавры.

Гребенщиков человеком был далеко не ординарным, хотя купцом довольно молодым. Не по возрасту хваткий, сумел еще при Петре I из подмосковного оброчного крестьянина стать поставщиком амуниции для царской кавалерии. Затем на собственном подворье в Москве завел фабрику, где вырабатывались лосиные кожи для офицерского обмундирования.

Гончарство, о котором говорилось в указе, ему было знакомо. Наезжая время от времени в Гжель, видел, как «выпекают» керамическую посуду из местных глин. Поэтому и подал в Мануфактур-коллегию челобитную, обещая завести фабрику на собственные средства и «на оной делать из российской глины ценинную всякую посуду и табашные трубки и ценинные изразцы и плитки, применяясь против заморской». За это просил права беспошлинной торговли на 15 лет, привилегии доставлять трубки на питейные государевы дворы и... купить деревню с крестьянами на 50 дворов.

Вскоре разрешение на заведение фабрики было получено, право беспошлинной торговли дали ему на 10 лет. Но вот в самом главном отказали: «...тое посуду и трубки и прочее будет делать, а сделав объявит, и в коллегии оные свидетельствуют, а не видя оного Мануфактур-коллегия позволения дать не может».

Впрочем, это не было серьезным препятствием для такого купца, как Гребенщиков. Привез он на фабрику гончарные круги, а из подмосковной Гжели —несколько возов белой глины. Предприятие Афанасия Кирилловича официально именовалось «Ценинной и табачных трубок фабрикой», работали на ней изразцы и трубки, а потом стали делать и ценинную посуду.

Изразцы «кроили» по новой моде: белые, гладкие. Украшала их синяя роспись травами. В Санкт-Петербурге такие же плитки делали на Невских заводах, учрежденных еще Петром I. Вся столичная знать украшала ими свои дома и дворцы. Хорошо зная быт и запросы зажиточных московских покупателей, Гребенщиков начал выпуск модных изделий, а курительные трубки охотно приобретал Каменномостный питейный дом.

Производство росло, набирало обороты. Продали 3727 изразцов «малеванных» с рисунком по полю, «немалеванных» — 540 штук, 28800 трубок. Посуды пока не выпускали — не было подходящего мастера, понимавшего сырье, поливы и режим обжига.

По материалам Мануфактур-коллегии за 1727 год, на фабрике в трубочном цехе крутилось 6 станков, в изразцовом — 4 станка. Число рабочих за два года выросло с 15 до 21 человека...

Пока искали нужного мастера гончарного дела, Афанасий Гребенщиков не сидел сложа руки — решил сам разгадать секрет ценинной посуды. На неудачи внимания не обращал. Посуда, сделанная пока еще из массы, идущей на изразцы, выходила из горна довольно грубой, неказистой. С белой глазурью было проще. Оставался еще обжиг...

Опорой для Афанасия Кирилловича были его сыновья, особенно младший, Иван. На него он больше всего и полагался. Не раз и не два отец заставал его за лепкой разных чудных фигурок. Когда сын стал старше, поехал с отцом в Гжель. Исходили вместе вдоль и

Тарелка. Гжель. Роспись подглазурная.
Конец XVIII — начало XIX в. Из собрания Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника.

поперек многие версты, встречались с нужными людьми, ве́дущими в глиняных припасах.

Удалось-таки, наконец, подобрать состав шихты из нескольких видов подмосковных глин. И вот начали на фабрике «выпекать» долгожданную хорошую посуду. Вся Москва покупала ее — ценинную от фабрики купца Гостиной сотни Афанасия Гребенщикова.

Вновь написал купец челобитную в Мануфактур-коллегию и Сенат. Просьба та же: продать деревню с крестьянами, ибо нет работных людей, а наемные уходят. И вновь просьбе никто не внял. Вместо «крестьян с землицей» Мануфактур-коллегия постановила послать в Иностранную коллегию «реморию о выписывании из Голландии или откуда способно» нужных мастеров для ценинной фабрики купца Гребенщикова.

Оставалось лишь последнее средство: бить челом самой императрице Елизавете Петровне, чтобы добиться отмены указа 1736 года, который запрещал купцам покупать деревни с крестьянами.

Время шло, а ответа все не было и не было. Летом 1744 года ее величество Елизавета Петровна приехала в Москву. Веселье, праздничные гулянья охватили весь город. Но как-то между маскарадами и катаниями барон Иван Антонович Черкасов, состоявший в свите императрицы, встретился с Гребенщиковым. Осмотрел товар, саму фабрику... Обычно скупой на слова, не скрывал, что посуда из майолики хороша. Особо порадовался, что посуду эту «выпекают» из подмосковных глин.

Между тем в Петербурге, на Невской мануфактуре, саксонец Конрад Гунгер, специально приглашенный в Россию, собирался наладить производство изделий из фарфора. Чтобы не отстать в производстве, Иван Гребенщиков с благословения отца тоже решил затеять «порцелиновое дело».

Начали колдовать. Пробы ставили одну за другой. Меняли время от времени составы глиняных масс, формовочные сосуды, переделывали горн. И все же после обжига черепок выходил какой-то серый, порядком деформированный. Только к концу марта 1746 года отец и сын вплотную подошли к созданию русского порцелина. И письмо Афанасий Гребенщиков Черкасову в Петербург послал:

«Я с детьми своими весьма от усердия имею труд и старание, чтобы как возможно ускорить фарфоровыми чашками против порцелинного мастера Гунгера крепостью и белизной, сыскали потребных российских материалов и, сделав белую для показания вашему высокопревосходительству посылаю чашку...»

Через семь месяцев Иван Антонович Черкасов получил от купца еще одно послание. Тот сообщил, что глина *«склонная к фарфору изыскалась, к которой многие приличные материалы приисканы и окончательно могли бы притти в пользу Российской империи...»*

И уже к весне 1747 года младший Гребенщиков полностью овладел секретом порцелина, которым похвалялся в свое время Конрад Гунгер.

Крайним при этом оказывался Черкасов: Гунгера пригласил, а фарфора нет и нет. Можно было и навлечь на себя гнев императрицы, если не принять своевременно мер. Одним запретом отделаться нельзя. Пока

Суповая миска с крышкой. Роспись подглазурная.
Завод Гребенщикова (?). Третья четверть XVIII в.

приходилось тянуть как можно дольше с признанием гребенщиковского порцелина.

Черкасов отправил в Москву два письма. Одно — на имя Ивана Афанасьевича Гребенщикова. Барон благодарил его за столь ретивое отношение к делу и между прочим интересовался: сам ли сделал чашку или расписал готовую, привезенную из немецких земель? Если же действительно им секрет порцелиновый отыскан, то пусть бережет крепче всего на свете и никому более «о твердом содержании порцелинного секрету» не сказывает.

Другое письмо — на имя московского почт-директора В.Пестеля с конкретными указаниями...

И затеялась переписка Санкт-Петербург — Москва и обратно, которая хоть на время, но притормозила ход дальнейших событий.

«Высокопревосходительный Тайный Советник и Ковалер Милостивый мой Государь барон Иван Антонович

Пересылаю при сем к Вашему Высокопревосходительству поданную мне от господина Гребенщикова посылку, в которой некоторая фарфоровая его фабрики посуда имеется.

Признавая я из его речах, что Ваше Высокопревосходительство сумлеватися изволите, якобы оная посуда не у него зделана и не его мастерство: однако я Ваше Высокопревосходительство обнадежить могу, что я пред недавным временем его фабрику осматривал и той фарфоровой посуды, как готовой, так и еще неизготовленной и переломанной, довольно много видел. И приметил, что сын его к таким мастерствам великую охоту и прилежность имеет. Так что я крепко верю, что он сам оную фарфоровую посуду делает и оное мастерство знает[...]

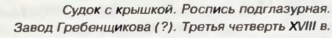
В протчем со всенижайшим высокопочитанием остаюсь
Вашего Высокопревосходительства
Милостивого моего Государя
Нижайший слуга

В.Пестель

Москва. Июня 18 дня 1747 года».

Вместе с отчетом московского почт-директора получил Черкасов и письмо от Ивана Гребенщикова:

«Высокопревосходительный господин тайный советник и ковалер премногомилостивый мой государь Иван Антонович

Судок с крышкой. Роспись подглазурная.
Завод Гребенщикова (?). Третья четверть XVIII в.

Здравствовать Вашему высокопревосходителству желаю в премножество лет.

За милостивое писание Вашего высокопревосходителства премного благодарствую, в котором изволите утверждать о содержании порцелинного секрету.

Ответ всепокорнейши Вашему высокопревосходителству доношу, кроме меня никому знать секрет невозможно, понеже моими трудами произыскан, а капиталом родителя моего. Посылаем до Вашего высокопревосходителства в ящичке за печатью 2 белые обожженные порцелинные чашки, на которых у сырых вырезаны знаки да и при них два черпака с знаками без белой глазури для верности вашему высокопревосходителству, что в Москве такие секреты сыскали.

Всепокорнейше прошу на меня не погневатца, что на первой почте не послал, понеже у меня чашек белых без синей краски не было.

Вашего высокопревосходителства всепокорнейший слуга
Иван Гребенщиков

Июня 18 дня 1747 году».

Барон Черкасов понимал, чем может обернуться для него неудача с изысканиями Гунгера — недоброжелателей было слишком много, а гнев императрицы страшнее любого другого. Заказ от дворцового ведомства на «постную посуду» не мог надолго оторвать Гребенщиковых от их любимого детища — порцелина. К тому же Гребенщиков сразу раскусил хитрость барона.

Тарелка. Гжель. Роспись подглазурная.
Конец XVIII — начало XIX в. Из собрания Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника.

У Черкасова оставалось крайнее средство, чтобы обуздать строптивцев. Вначале Черкасов переговорил со своим дворецким. Через день-другой — с управляющим одним из своих поместий. Тот получил указание найти двух мужиков посмышленее. Им выправили паспорта, дали денег, кое-какого товара, чтобы, не вызывая подозрений, беспрепятственно торговали в Москве.

Мужики оказались ловкими на подлое дело. 10 мая 1748 года заполыхало со всех сторон имущество ценинной фабрики. Остались лишь дымящиеся головешки от всего того, что в поте лица нажил Афанасий Кириллович Гребенщиков.

Он хорошо понимал, чья это затея. Длинная рука барона постаралась сделать все, чтобы наказать позволивших разговаривать с ним на равных. Черкасов был теперь премного доволен. Угроза отодвинулась. Если вообще не исчезла.

Напористая натура Афанасия Кирилловича Гребенщикова все же одержала верх. Он взялся за строительство новой ценинной фабрики, и уже через год на ней начали изготавливать 18 видов изделий: подносы-лотки, перечницы, тарелки, соусники, облицовочные плитки...

Наладили выпуск фаянсовых фигурок, начали комплектовать сервизы из первоклассной тонкой майолики, которая охотно разбиралась поклонниками русской посуды. Такие сервизы держали специально во дворцах Алексеевского, Братовщины и Воздвиженского на случай приезда императрицы.

Но с фарфоровыми массами работать перестали. Старший Гребенщиков не решался более рисковать. Иван Афанасьевич хотел было наладить работу с порцелином, но ослушаться отца не мог.

А тут еще подоспела черная весть из Петербурга: на Невской мануфактуре дело с порцелином наладилось. Узнав об этом, Иван Гребенщиков впал в какое-то полусонное, безразличное состояние. Через некоторое время совсем зачах и умер, прожив едва четверть века. Несправедливость, учиненная бароном Черкасовым, как яд, подточила жизнь первооткрывателя русского фарфора.

Юрий Бирюков

«Шумел, горел пожар московский...»

Очень люблю народные русские песни. Любовь эту я воспринял от моего отца — солдата первой мировой войны. Слова одной из них каждый раз цитирую и даже напеваю своим ученикам, когда изучаю с ними на уроках литературы те главы романа Л. Н. Толстого «Война и мир», где описаны картины пожара Москвы в 1812 году.
Начинается она строками: «Шумел, горел пожар московский, дым расстилался по реке...» Давно интересуюсь, когда и кем была эта песня сложена?

В. П. Чупыркин, г. Шумерля, Чувашия.

Неизвестный художник. Пожар Москвы в 1812 г.

Песню эту обходят почему-то своим вниманием составители песенных антологий и сборников. Не находят ей места и в передачах радио и телевидения. А ведь было время, когда «Пожар московский» распевала вся Россия. Наряду с «Бородино», «Донцами-молодцами» песня эта вошла в число лучших произведений, воспевших незабываемые события 1812 года, хотя родилась намного позже и совсем по другому случаю.

Шел 1850 год. Россия и англо-французская коалиция стояли накануне Крымской войны. Именно в ту пору сказаны были Николаем I слова о том, что если тогдашний верховный правитель Франции Наполеон III осмелится напасть на Россию, то с ним будет то же самое, что и с его предшественником — Наполеоном I: заманят его в Москву и подожгут ее.

Тогда-то и появилось в альманахе «Поэтические эскизы» стихотворение «Он», принадлежавшее перу малоизвестного поэта и драматурга Н. С. Соколова, автора водевилей и комедий «Барон Брамбеус», «Невеста под замком», «Проказники, или Деревенские женихи», шедших в первой половине XIX столетия на сцене Малого театра.

Стихи не остались незамеченными, хотя и претерпели значительные изменения, утратили авторство, стали народной песней.

Пожалуй, теперь уже невозможно установить имя автора музыки «Пожара московского». Нехитрый этот напев вездесущие шарманщики разнесли по всем российским городам и весям, добрались с этой песней до самых отдаленных, медвежьих углов. Не меньшую роль в распространении песни сыграли также казаки. Известен казачий ее вариант, в котором упоминаются герои Отечественной войны 1812 года — атаман М. И. Платов и командир лейб-казачьего полка В. А. Орлов-Денисов («Платов грозный» и «Орлов-Денисов непокорный»).

Песня была нанесена на металлические пластинки для механических органов, стоявших чаще всего в трактирах. В Москве славился этой песней один из трактиров на Большой Калужской улице.

В 1895—1896 годах В. В. Верещагин выставил для всеобщего обозрения поначалу в Москве, а затем в Санкт-Петербурге цикл картин из серии «1812 год», в их числе: «В Кремле пожар», «Возвращение из Петровского замка», «Отступление-бегство». Содержание их во многом перекликалось с песней «Шумел, горел пожар московский...», безусловно, известной Верещагину и, возможно, оказавшей какое-то воздействие на его творчество. В свою очередь, сюжеты верещагинских картин в начале XX столетия широко использовались в лубочных изданиях «Пожара московского» с изображением Наполеона в его знаменитой позе то на фоне Московского Кремля, то на Поклонной горе.

В 1902 году вышла первая граммофонная пластинка с записью этой песни. Но все рекорды побили ее тиражи, выпущенные к 100-летию Отечественной войны 1812 года. У нее было несколько названий: «Пожар московский, или 1812 год», «Наполеон в Москве» и т. д. Песня записана на пластинках в исполнении самых популярных певцов и певиц того времени — М. Комаровой, М. Лидарской, Ю. Морфесси, русских народных хоров под управлением М. С. Головина и П. И. Баторина, оркестра хроматических гармоний «Баян» и трио ростовских гармонистов под управлением А. В. Кузьмина. Мелодия «Пожара московского» легла в основу юбилейного марша Н. Шмелева «Наполеон в Москве», записанного на грампластинку военным оркестром.

В дореволюционных каталогах грамзаписей встречаются также переделки песни: «Шумел, горел пожар в деревне», выпущенная фирмой братьев Пате в исполнении известного тенора С. П. Садовникова, и «Шумел, ревел купец московский...» той же фирмы, в исполнении известных народных «дуэтистов» П. Орлова и П. Жукова с аккомпанементом гармоник и балалайки.

В годы первой мировой войны на ее мотив распели в народе «Шумел, горел лес августовский...» — песню о провале Восточно-прусской операции русской армии в 1915 году.

А потом в биографии и судьбе этой песни наступила полоса забвения. Вспомнили о ней лишь в годы Великой Отечественной войны. Ее включил в свой репертуар и исполнял с неизменным успехом на концертах и по радио Андрей Иванов. Упоминается она на страницах романа Олеся Гончара «Знаменосцы». И все-таки песня эта заслуживает, думается мне, лучшей участи. Надеюсь, что в дни празднования 850-летия Москвы о ней вспомнят.

Напоминаем слова:

Шумел, горел пожар московский,
Дым расстилался по реке,
А на стенах вдали кремлевских
Стоял он в сером сюртуке.

И призадумался великий,
Скрестивши руки на груди;
Он видел огненное море,
Он видел гибель впереди.

И, притаив свои мечтанья,
Свой взор на пламя устремил,
И тихим голосом страданья
Он сам с собою говорил:

«Зачем я шел к тебе, Россия,
Европу всю держа в руках?
Теперь с поникшей головою
Стою на крепостных стенах.

Все войско, собранное мною,
Погибнет здесь среди снегов,
В полях истлеют наши кости
Без погребенья, без гробов».

Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда,
То вознесет его высоко,
То бросит в бездну без стыда.

«Стоит над горою Алеша...»

Люблю журнал «Родина». Все номера сохраняю, потому что их должны читать и после нас. Ведь в них — история России.
Хотелось бы прочитать на страницах вашего журнала рассказ об истории песни «Алеша». Не могу передать то состояние, когда ее слышу, особенно в исполнении болгарских певцов (к сожалению, не знаю их фамилий, как и тех, кто написал слова и музыку этой прекрасной песни).

О. И. Топчило, г. Новороссийск, Краснодарский край.

Есть на болгарской земле старинный город Пловдив. За свою более чем тысячелетнюю историю он был свидетелем многих событий. О них могут рассказать его улицы, дома, памятники. Один из них — величественный Холм освободителей венчает восемнадцатиметровая фигура советского солдата, высеченная из гранита, — памятник советским воинам. Открыт он был в 1957 году. К постаменту ведут сто широких ступеней. К памятнику приходят возложить цветы в день свадьбы счастливые молодожены. Место это священно для каждого болгарина.

Осенью 1962 года в Болгарию приехал из России композитор Эдуард Савельевич Колмановский. Ему рассказали о том, как в сентябре 1944 года жители города с букетами роз встречали своих освободителей и как один солдат сказал, что, пока его руки смогут держать оружие, розы никогда больше не будут обрызганы кровью. Народная память сохранила и имя этого солдата — ласковое, певучее русское имя Алеша. С розами он и увековечен в камне.

Возвратившись домой, композитор поделился своими впечатлениями о том, что видел и слышал в Болгарии, с поэтом Константином Яковлевичем Ванщенкиным, давним своим соавтором, показал ему фотографию памятника советским воинам — «Алеши».

«Стихи родились очень быстро, на едином дыхании, — вспоминал поэт. — Тема ведь родная, близкая. Я прошел войну, воевал в Венгрии, в Австрии, в Чехословакии, потерял много боевых друзей, товарищей по оружию, мог погибнуть и сам. Если написано о том, что выстрадано и дорого, это находит отзвук в сердцах людей. А тема войны для нас всегда кровоточаща.

До 1971 года мне не удавалось побывать в Болгарии, хотя и очень хотелось. А когда впервые туда приехал и увидел «Алешу», когда увидел его громадные сапоги из камня, гим-

настерку, я чувствовал себя так, будто встретился со старым и близким другом...»

Впервые «Алешу» опубликовали в 1966 году на страницах журнала «Старшина-сержант» в выпуске, посвященном советско-болгарской дружбе.

Вскоре эту песню включил в свой репертуар Краснознаменный ансамбль песни и пляски имени Александрова, и в 1967 году краснознаменцы привезли ее в Болгарию. Там, в Пловдиве, у подножия памятника Алеше, в присутствии многих тысяч слушателей состоялось первое ее исполнение.

Для наших же слушателей песню эту по-настоящему «открыли» болгарские певцы, замечательный дуэт — Маргарет Николова и Георги Кордов.

Многие годы ее с огромным успехом поет, неизменно включая во все свои концертные программы болгарский певец, живущий у нас в России, Бедрос Киркоров, каждый раз предваряя исполнение «Алеши» волнующим рассказом о том, как в сентябре 1944 года советские воины-освободители вступили в его родной город Варну. Бедрос вместе с другими болгарскими ребятишками оказался среди тех, кто, высыпав на улицы, встречал краснозвездные советские танки, и никогда не забудет, как из головной машины выскочил коренастый голубоглазый красавец-танкист, обнял его, поднял на руки и, ласково потрепав за вихры, произнес незнакомое русское слово: «Сынок!»

Много лет спустя встреча эта отозвалась песней, сложенной Бедросом Киркоровым вместе с поэтом Борисом Дубровиным, которую он всегда поет вслед за «Алешей», как признание в любви к России, сыновней благодарности ей.

— «Алеша» — это лейтмотив дружбы наших народов, у которой глубокие и прочные корни, — заключил Бедрос нашу недавнюю беседу 9 мая 1996 года.

Напоминаем слова:

Белеет ли в поле пороша,
Пороша, пороша,
Белеет ли в поле пороша
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алеша,
Алеша, Алеша,
Стоит над горою Алеша —
В Болгарии русский солдат.

И сердцу по-прежнему горько,
По-прежнему горько,
И сердцу по-прежнему горько,
Что после свинцовой пурги
Из камня его гимнастерка,
Его гимнастерка,
Из камня его гимнастерка,
Из камня его сапоги.

Немало под страшною ношей,
Под страшною ношей,
Немало под страшною ношей
Легло безымянных парней,
Но то, что вот этот — Алеша,
Алеша, Алеша,
Но то, что вот этот — Алеша,
Известно Болгарии всей.

К долинам, покоем объятым,
Покоем объятым,
К долинам, покоем объятым,
Ему не сойти с высоты.
Цветов он не дарит девчатам,
Девчатам, девчатам,
Цветов он не дарит девчатам,
Они ему дарят цветы.

Привычный, как солнце, как ветер,
Как солнце и ветер,
Привычный, как солнце и ветер,
Как в небе вечернем звезда,
Стоит он над городом этим,
Над городом этим,
Как будто над городом этим
Вот так и стоял он всегда.

Белеет ли в поле пороша,
Пороша, пороша,
Белеет ли в поле пороша
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алеша.
Алеша, Алеша,
Стоит над горою Алеша —
В Болгарии русский солдат.

«Алеша». Памятник Советской Армии.
Скульпторы В. Радославов, Ал. Занков,
Г. Коцев, Ив. Топалов.

Юрий Борисёнок

Трижды рожденный

Небезызвестный на Руси Симбирск отсчитывает свою родословную с первых лет воцарения «тишайшего» Алексея Михайловича. И город, похоже, вышел нравом именно в этого царя. Неспешно и основательно строилась жизнь в одном из самых известных купеческих городов на Волге. Этого размеренного течения событий не могли по большому счету остановить ни восстания, ни войны, ни переименование города, с 9 мая 1924 года ставшего Ульяновском. И государственное величие земли Симбирской признавалось не сразу: крепко подумав, решали учредить Симбирскую губернию; только в годы Великой Отечественной на карте появилась Ульяновская область. Симбирский люд не особенно роптал от не слишком пристального к себе внимания высшей власти, неизменно одаривая страну яркими, талантливыми личностями. Симбирских вряд ли с кем-то перепутаешь: помимо Владимира Ульянова-Ленина и Александра Керенского, не удержаться от упоминания имен Николая Карамзина и Дениса Давыдова, Ивана Гончарова и Николая Языкова...

Ректор Ульяновского государственного университета доктор технических наук, профессор Юрий Вячеславович Полянсков.

Корпус медицинского факультета университета.

«Вы безумные идеи не выдвигайте сгоряча...»

Для тишайшего купеческого Симбирска была характерна торговля привозным товаром. Среди прочего привозными оказывались и знания — чтобы сделаться человеком образованным, пытливому симбирцу приходилось либо плыть вверх по Волге до Казани (как это не слишком удачно попытался проделать 17-летний Володя Ульянов), либо ехать посуху в какую-то из двух столиц.

При советской власти условия изменились, но общая тенденция осталась неизменной. В 1919 году в Симбирске постановили создать свой университет, но идея не прижилась. Начавший было готовить образованных пролетариев храм науки пришлось закрыть уже в 21-м, и первое явление университета Симбирску было основательно засыпано песком истории.

С тех пор на что-то неординарное замахиваться не пытались, и пять ульяновских вузов во главе с традиционным «педом» считали вполне достойным областного города комплектом. Как и повсюду, одаренные выпускники местных школ каждое лето отправлялись штурмовать Москву и Питер, Казань и Саратов...

Дальнейшие события развивались совершенно невероятно, в стиле советской научной фантастики, лучшие образцы которой, как известно, были проникнуты жизнеутверждающим оптимизмом. Дело в том, что городу Ульяновску всерьез и надолго помогла стать университетским городом... перестройка. Да-да, та самая, которая, как принято считать, заживо похоронила нашу лучшую в мире систему высшего образования. На земле Симбирской все случилось с точностью до наоборот.

Итак, на дворе зима 1988 года. На очередном судьбоносном пленуме ЦК М. С. Горбачев произнес большую речь, посвященную подъему всей системы образования в СССР. Система, как мы помним, увязла, февральский пленум канул в Лету. Среди прочих мероприятий, направленных на «укрепление» и «повышение», значилось и постановление Совета Министров СССР от 11 февраля 1988 года «Об организации в г. Ульяновске филиала Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова». Академик Геннадий Алексеевич Ягодин, возглавлявший в те годы Гособразование СССР, в сердцах назвал саму идею «безумной» и... сделал все, чтобы университет в Ульяновске не стал очередной перестроечной химерой.

11 февраля стало датой второго рождения университета на симбирской земле. Прошло полгода, и 1 сентября первые студенты филиала МГУ вошли в аудитории. Факультетов сначала было два — экономический и мехмат. «Ну и что здесь особенного?»— горестно вздохнет скептически настроенный читатель: точно такие же факультеты есть и у «большого» МГУ. И кто знает, при обычной, спокойной советской жизни не получилось ли бы в итоге нечто, выдающее эрзац-дипломы МГУ, а по уровню и в подметки не годящееся ломоносовскому детищу. В Ульяновске же предпочли плыть не по течению или как прикажут из столицы, а своим собственным курсом. Заметим с чувством легкой зависти — теми первыми двумя «похожими на Москву» факультетами и примкнувшим к ним через год юридическим копирование устоявшихся образцов и завершилось.

Помимо них сегодня существует еще девять факультетов.

Аналоги большинства из них трудно где-либо сыскать. Обратимся к скупой «хронике текущих событий» на пути к новорожденному УлГУ:

– 1989 — открыты физико-технический и юридический факультеты, а также аспирантура (о последней речь впереди);

– 1990 — факультет образования;

– 1991 — медицинский факультет (тут скромный филиал обошел на повороте «большой» университет в Москве, подав в высшей степени заразительный пример: как известно, с недавних пор в Московском университете, как и встарь, стали готовить медиков).

Последнее слово в медицине — эндохирургические операции успешно проводятся на клинической базе кандидатом медицинских наук В. С. Трубниковым и старшекурсниками медицинского факультета. В 1997 г. состоится первый выпуск врачей.

Лаборатория оже-спектроскопии и вакуумной технологии физико-технического факультета.

Добившись успеха на врачебной ниве, в Ульяновске не отказались от рискованных предприятий. Достаточно осведомиться, какие факультеты появились в филиале МГУ в современную нам эпоху: переподготовки; международного сотрудничества (1992); гуманитарных наук и социальных технологий (1993); экологический [!] (1994); трансферных специальностей [!!] (1995). В нынешнем году прошли строгий отбор первые абитуриенты факультета культуры и искусств, а это значит, что отныне одаренные актерскими либо музыкальными способностями молодые ульяновцы совсем не обязательно должны куда-то уезжать.

«Будем самостоятельным университетом...»

Все изложенное выше на бумаге выглядит весьма внушительно. При этом многие опять-таки лукаво усмехнутся: ну и что в этом такого, да еще в наше время, мало ли в сегодняшней России университетов? Вполне прогнозируемо приближение тех времен, когда чуть ли не каждое ПТУ назовут университетом или на худой конец академией. Вот и в том же Ульяновске помимо УлГУ сегодня можно обнаружить еще два университета...

Отличие между тем просматривается невооруженным глазом — что бы там ни писали на вывесках, в Ульяновске, как и в Москве, университет по большому счету один. Потому что классический или к такому идеалу стремящийся. О том, как дерзнули замахнуться на подобные «командные высоты», интересно выслушать мнение главного архитектора ульяновского университетского проекта, ректора УлГУ Юрия Вячеславовича Полянскова.

Профессор твердо убежден, что на пустом месте никому никаких университетов построить не дано: «Первый в истории МГУ филиал был отличным трамплином, он был жизненно необходим, ибо помог избежать провинциализма при самом

Фотографии Александра Склизкова.

Родина. Осень 1996.10

создании нового университета». Так не проще ли было не высовываться, без особых выкрутасов пребывая в тени славы всемирно прославленного московского учебного заведения? Ректор категорически не согласен: «Создавая филиал, мы всегда знали, что это — состояние временное. Как это ни престижно и ни надежно — жить под крышей МГУ, будем самостоятельным университетом, похожим и непохожим на своего старшего брата. И мы стали *другими* (выделено мною. — *Ю. Б.*) с самых первых лет. Но не Иванами, не помнящими родства, а способными учениками и последователями».

Интерьер нового корпуса строящегося учебно-лабораторного университетского комплекса.

Что же скрывается за строгим и привлекательным внешне сочетанием слов «классический университет»? Согласно Ю. В. Полянскову, «это широкий спектр самых разных факультетов, специальностей — гуманитарного и естественного направлений, а также их комбинаций от математики и физики до социологии, медицины, экономики. Этого нет в отраслевых университетах. Наши учебные планы точно выдерживают все позиции фундаментальной подготовки. Международный образовательный стандарт, который закладывается еще при подготовке и отборе сильных абитуриентов, усиливается в процессе обучения с применением оптимальных технологий и продолжается в магистратуре, аспирантуре, докторантуре. Сегодня в университете можно получить любое образование, вести любую научную работу, защищать кандидатские и докторские диссертации на своих спецсоветах. Созданы все структуры и условия для подготовки не только специалистов, но и ученых».

Выставка юных художников Карсунской школы искусств.

Еще один важнейший родовой признак классического университета профессор Полянсков формулирует так: «открытость и включенность в международный образовательный и научный процесс. И это не только контакты и совместная работа ученых и аспирантов, обмен преподавателями и их стажировки, но и создание таких структур, как факультет международного сотрудничества и Российско-американский колледж».

Связи ульяновцев с заграницей никак не рассчитаны на сиюминутную, одноразовую и одностороннюю выгоду: сотрудничать с английским Бирмингемом и германским Дуйсбургом, голландским Тилбургом и американским Оклахома-сити в новом российском университете собираются равноправно и с дальним прицелом. Резонно возразить: не получится ли «как у всех», не сведется ли все к выколачиванию очередных грантов под легковесные проекты и к зарубежным вояжам разнокалиберного начальства? В Ульяновске убеждены, что подобная примитивная тактика — не для них, с гордостью указывая на вышеупомянутый Российско-американский колледж, совместное детище УлГУ и университета Оклахома-сити.

Выпускники колледжа (а открылся он всего год тому назад, в сентябре 95-го) станут специалистами современного уровня в разных областях международного сотрудничества, отчего избранный курс на открытость будет прочерчен рельефнее и четче. Впрочем, открытость Ульяновского университета миру уже является достоверным фактом, который опирается на мощную техническую базу (среди прочего упомянем центр телекоммуникаций, имеющий выход в «ИНТЕРНЕТ»). Отсюда и соблазн применить в университетском обучении дистанционные методы и полными пригоршнями черпать из мировых банков информации.

На пороге нового тысячелетия в Ульяновске родился университет, который практически полностью свободен от родимых пятен провинциальной угловатости и кособокости.

Об очевидной пользе центробежных сил

Что бы там ни говорили, ульяновская мечта о классическом университете сугубо прагматична и приземленна. В основе ее — честолюбивая потребность сделаться оплотом культуры, образования и науки в своем регионе. Уже сегодня подобная подвижническая миссия УлГУ имеет вполне реальные очертания.

В то время как повсюду горько сетуют, что ни на что «научное» средств нет по определению, в Ульяновске сделали эффектный ход, создав Попечительский совет по образцу, прижившемуся на русской почве начиная со второй половины прошлого века. Сегодня более полусотни «первых лиц» крупнейших заводов, солидных банков (среди них такие приметные названия, как УАЗ, Инкомбанк, «Авиастар», авиакомпания «Волга—Днепр»), а также государственных структур объединены в когорту попечителей, ведомую лично главой областной администрации Ю. Ф. Горячевым.

Результаты предельно далеки от пустопорожнего плетения словес. Справили новоселье новые учебно-лабораторные корпуса УлГУ, стали реальностью длительные стажировки «за кордоном». И еще, сегодня ульяновский профессор или доцент имеет реальную перспективу получить собственную квартиру несколько раньше означенного в свое время партией и правительством 2000 года. Пусть выделяемые квартиры и не выглядят столь впечатляюще, как те, которыми одаривали профессуру МГУ при товарище Сталине в знаменитой «высотке» на Ленинских горах, но нынешнему поколению преподавателей «большого» МГУ, ей-богу, не грех позавидовать ульяновцам.

Университетский корпус на ул. Льва Толстого.

Решение квартирного вопроса означает, что хороших ученых в Ульяновске будет больше. В этом плане разбег взят весьма внушительный: если в 88-м в филиале МГУ насчитывалось 4 доктора наук, то весной 96-го их стало уже 58 (плюс 180 преподавателей с кандидатскими степенями). Многие маститые профессора по старой симбирской традиции — «привозные». Когда в столицах бывших союзных республик, где долгие годы искусственно наращивался пресловутый «научный потенциал», стали постреливать и запальчиво говорить про «оккупантов» и «мигрантов», эти последние предпочли уехать. Ульяновцы в этой ситуации сориентировались четко, в первую голову озаботившись, как принято выражаться нынче, о «механизмах социальной адаптации» остепененных переселенцев. Наглядный пример — поворот на жизненном пути серьезного ученого из Кишинева Сергея Викторовича Булярского (ныне проректора УлГУ по научной работе и зав. кафедрой оптики и спектроскопии твердого тела).

Главный приз розыгрыша областной университетской газеты «Вестник» для своих подписчиков — ни много ни мало поездка в США.

Ульяновск стал достойным прибежищем многих высоких профессионалов еще и потому, что здесь открыты масштабные перспективы для научного роста. Видавшие виды госкомвузовские функционеры не могут сдержать своего восхищения тем, что средний возраст доктора наук в УлГУ сегодня 47 лет! Ректор Полянсков скромно замечает по этому поводу: «Идет процесс становления наших научных школ, в том числе через интеграцию в программу Госкомвуза «Университеты России».

Ульяновцам почему-то все впору: и перестроечные эксперименты, и новации нынешнего руководства высшим образованием. Вице-премьер российского правительства, председатель Госкомвуза В. Г. Кинелев и первый заместитель председателя А. Н. Тихонов решительно поддержали стремления волжских подвижников. С созданием университета связи Госкомвуза с Ульяновском укрепились еще больше. Именно на базе УлГУ одновременно с обретением университетом самостоятельности образовался Средневолжский научный центр Госкомвуза, чьи фундаментальные и практические программы способствуют укреплению фундамента классического университета.

И сегодня при всех известных пробоинах нашей образовательной машины оптимизм ульяновских мечтателей не кажется наивным. Скорее наоборот. Слушая профессора Полянскова и его коллег, действительно веришь, что в недалеком будущем при университете появятся и колледж-интернат (в том числе для одаренных сельских ребятишек), и структуры дополнительного образования типа уже действующих физического лицея, малого мехмата, экологической школы... Отнюдь не бредовыми представляются и планы возведения новых учебных корпусов или запуска современного издательства, способного не только издавать ученые монографии, но и выпускать в свет научно-популярные журналы и альманахи. Издательский проект выглядит весомо на фоне удачной реализации предшествующей ему идеи: университетская газета «Вестник» стала еженедельным изданием областного масштаба и заполнила свободную доселе образовательно-просветительскую нишу.

...Нет ничего более утопичного и невыполнимого, чем указы советской власти в предгрозовую для нее эпоху. Ульяновцы же нашу родимую бумажную сказку взяли да и сделали былью. В 85-м союзный Совет Министров распорядился открыть университет в городе Ульяновске к 1995 году. В 95-м, 17 декабря, явление на свет нового российского классического университета было закреплено президентским указом, вступившим в силу немедленно. Итак, третье рождение храма науки на симбирской земле состоялось по Ленину — «всерьез и надолго». Отныне на вопрос: «Где вы хотите учить своих детей?» — здесь все чаще отвечают: «В нашем университете»...

Там, где кипел торг...

Рынки, или базары, существуют с древнейших времен у всех народов мира.

Рынок — место розничной торговли под открытым небом, где в определенное время сходились продавцы и покупатели.

В каждой стране, в городе или в крупном поселении, базары и рынки приобретали свою форму и организацию торговли, свой неповторимый колорит и историю.

Так, одним из старейших рынков Москвы был Смоленский, который «родился» в 1777 году. Он был одним из богатейших по разнообразию товаров и лучшим местом для букинистов, потому что находился в районе, населенном по преимуществу аристократией, помещиками и состоятельными людьми. Навещали этот рынок люди денежные и знатные. С отменой крепостного права утратилось и книжное значение Смоленского рынка — торговцы книгами, букинисты перебрались на площадь к Сухаревой башне.

Сухаревский рынок появился после войны 1812 года, когда в Москву стали возвращаться москвичи и разыскивать свое разграбленное имущество. Тогда московский генерал-губернатор Ростопчин издал приказ, в котором объявил, что «все вещи, откуда бы они взяты ни были, являются неотъемлемой собственностью того, кто в данный момент ими владеет, и что всякий владелец может их продавать, но только один раз в неделю, в воскресенье, в одном только месте, а именно на площади против Сухаревой башни». И в первое же воскресенье горы награбленного имущества запрудили

Сухаревский рынок.

Околоточный надзиратель.

Дворник.

Зеленщик.

Типы России. Рынок.

огромную площадь, и хлынула Москва на невиданный рынок. Около Сухаревой башни буквально кипел торг, вырастали сотни палаток, раскинутых за ночь перед воскресеньем.

Перед праздником Пасхи, последние три дня Страстной недели, торг Сухаревского рынка состоял преимущественно из провизии.

Достопримечательностью Москвы был Грибной рынок, который устраивался на первой неделе Великого поста. «Начиная от кремлевской башни вплоть до Яузы стояли возы с продуктами, потребными для великопостного стола православного люда; торговали грибами всех сортов, медом, клюквой, редькой, луком, посудой, кухонной мебелью и постными сластями: черносливом, изюмом, халвой, постным сахаром и многим другим... Грибной рынок продолжался до второй недели, и за неделю на нем успевала перебывать вся хозяйственная Москва...»

Центром всероссийского торгового мира были Торговые ряды в Китай-городе (заново отстроенные в конце 1870-х годов). В 1818 году против колонн Торговых рядов был поставлен памятник князю Пожарскому и гражданину Минину. В Торговых рядах каждый ряд носил свое название: Ножевой, Суконный, Суровский, Сундучный и т. д., смотря по роду товаров. У колонн Торговых рядов шла бойкая торговля разного рода пирожками, блинами, клюквенным квасом в стеклянных кувшинах. Вдоль тротуара располагались по всей линии рядов разносчики с ягодами, яблоками, апельсинами, пряниками... Торговали здесь и сбитнем — горячим напитком из меда и пряностей, но постоянное место торговли сбитнем было у Лобного места. А на всех улицах у Красной площади шла бойкая торговля книгами и лубочными картинками.

Татьяна Шипова

Птичий рынок.

Рассыльный.

Продавец книг.

Пирожник.

Акционерное общество

СОЮЗПЛОДОИМПОРТ

Евгений Сорочкин, президент–председатель Совета директоров ВЗАО «Союзплодоимпорт»

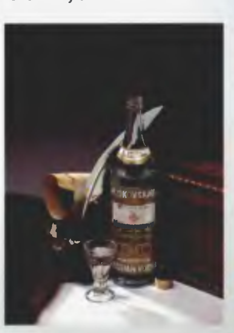
Внешнеэкономическое закрытое акционерное общество «Союзплодоимпорт» (до 1992 года — Внешнеторговое объединение) было создано тридцать лет назад, в октябре 1966 года, и имеет давние и прочные позиции в области импорта и экспорта продуктов питания и напитков. В числе его акционеров — около пятидесяти предприятий и организаций из России, Украины, Беларуси и Эстонии. Это крупнейшие кондитерские фабрики, сельскохозяйственные производители, ликеро-водочные заводы, банки и страховые компании. Около тысячи зарубежных фирм из более чем 80 стран являются нашими многолетними надежными партнерами.

«Союзплодоимпорт» получил широкую известность на мировом рынке как поставщик отечественной водки высокого качества. Корни у нас прочные: первый опыт водочных поставок из России зафиксирован почти пятьсот лет назад, в 1505 году. Основываясь на старинных и никем пока не превзойденных традициях российского винокурения, наше акционерное общество уверенно чувствует себя в условиях жесткой конкуренции со стороны известных западных фирм и охватившей мир в последние два десятилетия «водочной революции». «Союзплодоимпорт» владеет сегодня марками тринадцати самых известных российских водок. Это означает, что нам принадлежит монопольное право экспорта «Кубанской» и «Лимонной», «Зубровки» и «Перцовки». 95 процентов наших экспортных поставок приходится на всемирно известные «Московскую» и «Столичную».

Энергичные усилия «Союзплодоимпорта» позволили увеличить объемы продаж и обеспечить отечественным напиткам «командные высоты» во многих развитых странах. Мы имеет все основания мечтать о том, что «Столичная» и другие настоящие российские водки в самое ближайшее время станут марками действительно международного масштаба. Тесное сотрудничество «Союзплодоимпорта» и известной британской корпорации «Ай-Ди-Ви» уже в ближайшие годы сделает «Столичную» водкой № 1 в мире. В сентябре 1995 года наша «Столичная» по итогам 33-го Всемирного отбора спиртных напитков и ликеров получила в Риме высшую награду — Золотую медаль.

В последние годы питейные традиции в мире существенно изменились. Водка, которую можно смешивать с любыми безалкогольными напитками, становится все более привлекательной по сравнению с виски и ромом. А настоящая водка — это национальный напиток, ее умеют делать только в России.

Евгений Филиппович Сорочкин,
президент ВЗАО «Союзплодоимпорт», академик Международной академии информатизации. Родился в 1936 г. В 1960 г. окончил Куйбышевский плановый институт, в 1970 г. – Всесоюзную академию внешней торговли. В «Союзплодоимпорте» с 1974 г. В 1988 г. назначен генеральным директором, а после реорганизации в 1992 г. избирается президентом акционерного общества.

Б. Кустодиев. Купец. 1918.

